ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

МОДЕРНИЗАЦИЯ. ТРАНСФОРМАЦИЯ. РАЗВИТИЕ

И.Ф. Кононов, С.В. Хобта, С.А. Щудло
ЗАЗЕРКАЛЬЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ: ДОНБАСС – ГАЛИЧИНА

С.В. Савойская
КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

К.К. Маликов
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ТАДЖИКИСТАН: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

А.А. Горбачев
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

3
2015

Главный редактор

ШУМИЛОВ
Андрей Владимирович
кандидат политических наук, доцент

Ответственный секретарь

НИКИФОРОВА Ирина Владимировна

Перевод

ОРЛОВА Елена Геннадьевна

Дизайн

ПАВЛУНИН Дмитрий Олегович

Издатель

НИИ общественных и политических наук

Зам. главного редактора 16+

СКОВИКОВ
Алексей Константинович
кандидат политических наук, доцент

Научная редакция

БРОННИКОВ Иван Алексеевич
кандидат политических наук, доцент

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич
кандидат философских наук, доцент

КАСИМОВ Евгений Витальевич
кандидат исторических наук, доцент

ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев
кандидат философских наук, доцент

Председатель Редколлегии номера

КОНОНОВ Илья Федорович
доктор социологических наук, профессор

Редакционная коллегия

БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)
БАРАНОВ А.В. – доктор исторических наук, доктор полит. наук, профессор (Краснодар)
БУРЕНКО В.И. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)
ГЕРАСИНА Л.И. – доктор социологических наук, профессор (Харьков)
ГОЛОВИН Ю.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль)
ГОРБАТЕНКО В.П. – доктор политических наук, профессор (Киев)
ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)
ДОНАЙ Л. – доктор политики, Dr. hab (Познань)
ИВАНОВСКИЙ З.В. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)
КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)
КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)
КОНОНОВ И.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Луганск)
КОСТИНА А.В. – доктор философских наук, профессор (Москва)
КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Волгоград)
ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва),
доктор политики, PhD (Манчестер)
ЛИСЕЕНКО Е.В. – доктор социологических наук, профессор (Одесса)
ЛУКОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)
МАЙБОРОДА А.Н. – доктор исторических наук, профессор (Киев)
МЕЖУЕВ В.М. – доктор философских наук, профессор (Москва)
МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
НАГОРНЯК Т.Л. – доктор политических наук, доцент (Донецк)
НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)
ОМЕЛЬЧЕНКО А.Н. – доктор исторических наук, профессор (Москва)
ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)
ТИТОВ В.А. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
УСМАНОВ Б.Ф. – доктор социологических наук, профессор (Москва)
ФИГУРА М. – доктор истории,
Dr. hab (Познань)
ХУДАВЕРДЯН В.Ц. – доктор философских наук, профессор (Москва)
ЦВИХ В.Ф. – доктор политических наук, профессор (Киев)
ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)
ШАБРОВ О.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)
ШАРКОВ Ф.И. – доктор социологических наук, профессор (Москва)
ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)
ЩУДЛО С.А. – доктор социологических наук, профессор (Дрогобыч)
ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор (Симферополь)
ЯКОВЮК И.В. – кандидат юридических наук, профессор (Харьков)

PolitBook – 2015 – 3

Editor in Chief

SHUMILOV Andrei

Executive Secretary

NIKIFOROVA Irina

Translate

ORLOVA Elena

Design

PAVLUNIN Dmitriy

Deputy Editor

SKOVIKOV Alexey

Editors

BRONNIKOV Ivan

EFREMOV Oleg

KASIMOV Evgeniy

ZLATANOV Blagoy

Publisher

Institute of Social and Political Sciences

Chairman of the Editorial board

KONONOV Ilia
Professor

Editorial Board

BOLSHAKOV A.
Prof. (Kazan)
BARANOV A.
Prof. (Krasnodar)
BURENKO V.
Prof. (Moscow)
VATYL V.
Prof. (Grodno)
DONAJ Ł.
Dr. hab. (Poznan)
GERASINA L.
Prof. (Kharkov)
GOLOVIN Y.
Prof. (Yaroslavl)
GORBOTENKO V.
Prof. (Kiev)
GRISHIN O.
Assoc. Prof. (Moscow)
ZLATANOV B.
Assoc. Prof. (Moscow)
IVANOVSKIY Z.
Prof. (Moscow)
ILMJARV M.
PhD (Tallinn)
KAPITSYN V.
Prof. (Moscow)
KERYAN G.
Prof. (Yerevan)
KHUDAVERDIAN V.
Prof. (Moscow)
KONONOV I.
Prof. (Lugansk)
KOSTINA A.
Prof. (Moscow)
KURILLA I.
Prof. (Volgograd)
LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester),
Prof. (Moscow)
LISEENKO E.
Prof. (Odessa)
LUKOV V.
Prof. (Moscow)
MAYBORODA A.
Prof. (Kiev)
MEZHUEV V.
Prof. (Moscow)
MINEEVA E.
Prof. (Cheboksary)
NAGORNYAK T.
Prof. (Donetsk)
NASIMOVA G.
Prof. (Almaty)
OMELCHENKO A.
Prof. (Moscow)
PROROK V.
PhD (Prague)
FIGURA M.
Dr. hab. (Poznan)
SHABROV O.
Prof. (Moscow)
SHARKOV F.
Prof. (Moscow)
SHIROKOV O.
Prof. (Cheboksary)
SCHUDLO S.
Prof. (Drogobych)
TITOV V.
Prof. (Moscow)
TSVIKH V.
Prof. (Kiev)
TUROVSKY R.
Prof. (Moscow)
CHERNYSHOV Y.
Prof. (Barnaul)
USMANOV B.
Prof. (Moscow)
YURCHENKO S.
Prof. (Simferopol)
YAKOVYUK I.
Prof. (Kharkov)

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ. ТРАНСФОРМАЦИЯ. РАЗВИТИЕ

И.Ф. Кононов, С.В. Хобта, С.А. Щудло
ЗАЗЕРКАЛЬЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ: ДОНБАСС – ГАЛИЧИНА
6

Д.Н. Салыков
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НОВАЦИЙ
35

К.К. Маликов
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ТАДЖИКИСТАН:
ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА
46

А.А. Горбачев
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ –
СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
56

А.Ю. Нечушкин, О.В. Богданова
ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ИННОВАЦИОННЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
66

С.В. Савойская
КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ ИНИЦИАТИВ ПОЛЯРНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ
79

СТАТЬИ

Г.И. Авцинова
ГЕГЕМОНИЗМ И ЛИДЕРСТВО ГОСУДАРСТВ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ
87

Н.А. Омельченко
«РУССКИЙ ОПЫТ»: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ
И ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
103

О.Е. Гришин, А.Д. Митрофанова
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ШОУ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ
117

Л. Донай
ПРАВО НА ПУБЛИЧНУЮ ИНФОРМАЦИЮ
И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬШЕ
134

В.К. Иванов
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
152

В.И. Тимошенко, Е.М. Какоткина
ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПАРТИЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
179

Наши авторы
192

Информация для авторов
195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook»

ТЕМА НОМЕРА

И.Ф. Кононов,
С.В. Хобта,
С.А. Щудло

I. Kononov,
S. Khobta,
S. Shchudlo

ЗАЗЕРКАЛЬЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ: ДОНБАСС – ГАЛИЧИНА

DONBASS AND GALICIA REGIONAL SYSTEM OF UKRAINE

Аннотация

В статье рассматриваются общественные дискурсы о межрегиональных отношениях, которые сложились в Донбассе и Галичине, двух регионах Украины. Особое внимание уделяется пространственным образам, функционирующим в данных дискурсах. Эти образы представляют пространство регионов Украины традиционно как наиболее различные.

Отмечается, что дискурсивные практики, вплетенные в региональную жизнь Украины, преимущественно структурированы политически. При этом жителями политический характер восприятия действительности преимущественно отрицается. Порядок дискурса задается борьбой за доминирование двух определений социальной реальности: этнического и гражданского. Данный порядок дискурса представлен во всех регионах Украины, но Восток и Запад демонстрируют максимальную концентрацию противоположных позиций.

Ключевые слова:

образ страны, образ региона, единство Украины, распад Украины, Восток Украины, Запад Украины.

Abstract

The article deals with public discourse on inter-regional relations, which have developed in the Donbass region and Galicia, the two regions of Ukraine. Particular attention is paid to spatial image, operating in these discourses. These images represent the space regions of Ukraine is traditionally the most different.

It is noted that the discursive practices, interwoven into the regional life of Ukraine, mostly politically structured. At the same time the inhabitants of the political nature of perception of reality mostly denied. The order of discourse is defined by the struggle for dominance of the two definitions of social reality: ethnic and civil. This order of discourse is represented in all regions of Ukraine, but the East and the West show the highest concentration of opposing positions.

Key words:

image of the country, image of the region, Ukraine's unity, disintegration of Ukraine, East Ukraine, Western Ukraine.

События в Украине, связанные с острыми кризисами 2004 г. и 2013 – 2014 гг., на какое-то время становились главными новостями в мировых средствах массовой информации. Повторяемость кризисов с периодичностью в 10 лет заставляет предположить наличие в самом общественном устройст-

ве страны некоего противоречия. На наш взгляд, оно связано с особенностями существования капитализма периферийного типа. Главным его политико-экономическим процессом является непрекращающийся взаимный обмен власти и собственности. Политическая власть, не подкрепленная соответствующей собственностью в этих условиях невозможна, но и собственность приобрести и приумножить без использования политической власти невозможно. Власть дает самый большой бизнес-ресурс: возможность изымать из страны административную ренту. Но это заставляет правящий класс страны организовываться в клиентельные группы, которые конкурируют между собой [5].

Клиентельные группы правящего класса Украины в основном организованы по региональному принципу. Это предопределило политизацию региональной системы страны. Даже партийная система Украины сложилась с привязкой к её макрорегионам. Партии мобилизуют свой электорат, взывая к региональным культурным особенностям. Это подстегивает и политизирует процесс региональной самоидентификации. Со времен президентства Л. Кучмы балансирование на региональных отличиях превратилось в один из способов политического господства в Украине.

Данному обстоятельству способствует региональная пестрота и гетерогенность страны. Главными типами отношений, которые характерны для региональной системы Украины являются: 1) отношения между регионами и центром; 2) отношения между полярными регионами, роль которых играют Донбасс и Галичина; 3) отношения между близкими по культурным характеристикам регионами, которые ведут к созданию макрорегиональных кластеров (Запад, Восток, Цент и Юг страны); 4) отношение между основным региональным массивом и гинтерландами (Крым, Закарпатье). Особое значение для судеб Украины имеют отношения между Донбассом и Галичиной. Это видно на примере любой ситуации общественного выбора, которые переживала наша страна. Центрами выработки разных решений, которые становились платформой дальнейшей консолидации, становились именно эти регионы, а не Киев. Понять события последних десятилетий в Украине, не учитывая отношений между этими регионами, невозможно.

По разнообразию типов отношений в своей региональной системе Украина превосходит все страны бывшего СССР и многие страны Европы. Общественное пространство СССР преимущественно носило фрактальный характер, когда меньшие территориальные единицы повторяли по принципу

«матрешки» устройство страны в целом. Уже в период Перестройки в Советском Союзе в Украине начала проступать совершенно другая территориальная структура. Её особенности в советское время микшировались тем обстоятельством, что в плановой экономике большинство межрегиональных отношений осуществлялось через посредничество Москвы. Обретение Украиной независимости означало и необходимость выстраивания собственной системы межрегиональных отношений. Региональный фактор, таким образом, превратился в один из важнейших в политической и культурной жизни нашей страны.

Опыт, приобретенный Украиной, имеет не только местное, но и общее значение. Скажем, в Европейском Союзе, регионы также стали особыми субъектами общеевропейского процесса. И Европа в этом отношении далеко не уникальна. Во всем мире наблюдается региональный ренессанс, связанный с актуализацией в обществах Второго модерна локального. Именно регионы в современном мире выступают одной из основных площадок «институциональных сборок», где в единое целое сходятся разномасштабные институты (от глобальных до локальных, от экономических до культурных). Это актуализирует развитие социологии регионов и проецирует на неё как познавательные, так и прикладные ожидания. В первом случае она должна объяснить региональный ренессанс и его последствия, а во втором – дать практические рекомендации для региональной политики. Опыт Украины в этом может быть чрезвычайно полезен.

Региональные идентичности и культурные авто- и гетеростереотипы

Сначала рассмотрим, как через идентификации разной силы, жители обоих регионов позиционируют себя в общественном пространстве. Мы исходили из того, что идентитеты, операционализированные и представленные в анкете, связаны с местами в общественном пространстве, которые могут занимать индивиды. Большинство подобных мест занимаются коллективно и являются группообразующими. Кроме того, предполагалось, что самоидентификация с различными группами может характеризоваться разной интенсивностью. Это ведет к образованию определенной иерархии идентичностей. К этому следует добавить многомерность общественного пространства, что дополнительно усложняло нашу задачу. Поэтому мы отказались от того, чтобы дать исчерпывающий перечень идентитетов. Наша задача состояла в

том, чтобы выяснить сходства и отличия в самоидентификации донбассцев и галичан относительно идентитетов, которые продуцируют коллективные идентичности. При увеличении или уменьшении количества позиций возможны изменения в иерархических рангах идентитетов.

В Донбассе в ходе событий 2013-2014 гг. региональная идентичность стала более выпуклой, а общегражданская идентичность уменьшила свой вес. В Галичине вырос вес европейской идентичности при одновременном её угасании в Донбассе. Но в целом это коснулось тех идентичностей, чья сила зависит от направленности политических практик. В целом же, идентификационная матрица в обоих регионах не претерпела существенных изменений. Их жители как были, так и остались людьми малых групп, стремящихся центрировать свои жизненные миры на себя.

Интересный результат дал методологический эксперимент с сопоставлением самоидентификации с идентифицированием близких людей.

Анализ отличий показывает, что жители Донбасса в любим человеке реже видят «самостоятельную личность», «члена определенного трудового (учебного) коллектива», «человека с определенным образованием», «человека определенных политических убеждений», представителя территориальных общностей, но значимо чаще «члена семьи». Что касается сопоставления с другом, то респонденты значимо сильнее идентифицируют себя с «самостоятельной, неповторимой, суверенной личностью», «членом семьи», «членом круга друзей», «человеком определенной профессии», «жителем Донбасса», «гражданином Украины» и «советским человеком» и значимо меньше с «европейцем» и «человеком с определенными художественными вкусами (музыкальными, литературными и т.д.)».

Противоречия между регионами могут возникать только по причине несовпадения очень важных для них обстоятельств. В нашем случае среди идентичностей на такую роль могут претендовать только общегражданский, региональный, в определенной мере религиозный идентитеты. Это ставит задачу их более детального анализа в последующих исследованиях. Данные, которые анализируются сейчас, позволяют посмотреть на эту проблему через призму представлений жителей обоих регионов о желательной модели украинской государственности. Есть основания предполагать, что эти представления влияют на региональную идентичность (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «С какими из перечисленных утверждений относительно путей развития нашей страны Вы согласны?» 2007 г. (% к ответившим)

№ п/п	Варианты ответов	Луганск n = 363	Львов n=375	Стаханов n=300	Дрогобыч n=298	Села Луганщины n=100	Села Львовщины n=100
1.	Украина – это, в первую очередь государство украинцев, которые должны иметь в своей стране определенные преимущества. Другие этнические группы должны с этим соглашаться	35,8	58,8	40,3	70,7	30,0	69,1
2.	Украина – это государство всех граждан, независимо от их национальной принадлежности. Ни одна из этнических групп не должна в нашей стране пользоваться преимуществами	65,6	37,5	57,7	41,0	73,0	30,9
3.	В Украине должен действовать принцип: «Одна нация, один язык, одна церковь»	22,6	55,5	16,1	53,8	26,0	57,7
4.	Украина должна развиваться как многокультурное, многоязыковое и многоконфессиональное общество	72,9	35,3	68,5	29,3	73,0	38,1
5.	Для Украины будет благом, если большинство неукраинского населения выедут из страны	17,6	33,6	17,4	21,4	16,0	33,0
6.	Для Украины будет благом, если здесь будут жить представители разных народов	61,7	27,2	57,4	23,4	66,0	29,9
7.	Украина должна отказаться от культурного наследия царской России и СССР и в духовном плане развиваться на собственной почве	20,7	42,9	10,7	41,4	15,0	56,7
8.	Украина должна сохранить все ценное из наследия царской России и СССР, соединяя его с собственной духовной традицией	63,1	21,0	64,4	11,7	80,0	21,6

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать до 4-х позиций.

Распределение ответов на этот же вопрос в двух регионах приведем в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «С какими из перечисленных утверждений относительно путей развития нашей страны Вы согласны?» (% к ответившим)

№	Варианты ответов	Донбасс (n=715)	Галичина (n=650)
1.	Украина – это, в первую очередь государство украинцев, которые должны иметь в своей стране определенные преимущества. Другие этнические группы должны с этим соглашаться	17,6	63,5
2.	Украина – это государство всех граждан, независимо от их национальной принадлежности. Ни одна из этнических групп не должна в нашей стране пользоваться преимуществами	62,9	43,2
3.	В Украине должен действовать принцип: «Одна нация, один язык, одна церковь»	8,1	48,5
4.	Украина должна развиваться как многокультурное, многоязыковое и многоконфессиональное общество	71,7	44,6
5.	Для Украины будет благом, если большинство неукраинского населения выедут из страны	6,2	22,3
6.	Для Украины будет благом, если здесь будут жить представители разных народов	53,3	22,9
7.	Украина должна отказаться от культурного наследия царской России и СССР и в духовном плане развиваться на собственной почве	10,5	53,8
8.	Украина должна сохранить все ценное из наследия царской России и СССР, соединяя его с собственной духовной традицией	61,3	9,7
	Всего	291,6	308,6

Примечание: респонденты могли выбрать до 4-х позиций.

Значимые отличия (на уровне 95%) в данных 2014 г. касаются первых пяти альтернатив. Эти данные подтверждают то, что в Донбассе и Галичине статистически значимые группы их жителей поддерживают разные проекты развития страны. Правда, сами проекты не являются собственно региональными. Они распространены во всей Украине, включая её полярные регионы, но сила их представительства разная.

Наиболее распространенный проект в Донбассе уже предлагалось определять как проект согражданства. В соответствии с ним современная украинская нация формируется как политическое образование. В этом политическом сообществе этничность во многом превращается в частное дело граждан. Украина развивается как многокультурное и поликонфессиональное

государство. Наиболее поддерживаемый проект в Галичине основой всех общественных лояльностей предполагает этническую и культурную лояльности. Подчеркнем еще раз, что сейчас эти проекты конкурируют в масштабах Украины. Симпатики как одного, так и другого есть в обоих регионах-полюсах. Думаем, что наличие этих проектов является наиболее серьезной причиной возникновения межрегиональной напряженности.

Существующие общественные проекты нациестроительства закрепляются за полярными регионами системой авто- и гетеростереотипов. Проблема подобных стереотипов в межрегиональных отношениях является малоисследованной. До этого времени такой терминологией преимущественно пользовались этносоциологи, которые через сравнение автостереотипов и гетеростереотипов измеряли межнациональную напряженность [2]. Но этот инструментарий обладает потенциалом для его использования и в социологии регионов.

В проведенном исследовании региональные авто- и гетеростереотипы измерялись при помощи двух систем показателей: 1) представления о этнокультурных характеристиках региональной общности; 2) представления о месте и способе позиционирования региональной общности в региональной системе Украины. Полученные данные по первой группе признаков в табличной форме представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3. Луганская область. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных характеристик соответствуют Донбассу, а какие Галичине? Характеристики жителей региона» 2007 г. (%)

		Донбасс			Галичина		
№ п/п	Варианты ответов	Луганск n = 363	Стаханов n=300	Села Луганщины n=100	Луганск n = 363	Стаханов n=300	Села Луганщины n=100
1.	Преимущественно украинцы и проживающие рядом с ними национальные меньшинства	8,4	18,3	4,0	37,2	40,2	28,0
2.	Преимущественно русские и русифицированные представители других народов	45,7	47,4	30,0	2,4	7,2	1,0
3.	Особая региональная общность, которая имеет свои истоки, как в Украине, так и в России	39,4	27,7	48,0	1,8	5,5	0,0

4.	Маргиналы, то есть люди, которые оторвались от своих корней	9,6	8,7	1,0	2,7	7,9	0,0
5.	Особая региональная общность, которая имеет свои истоки, как в Украине, так и в Польше	1,8	1,4	1,0	43,2	34,0	47,0
6.	Затрудняюсь с ответом	14,0	17,6	16,0	23,1	24,7	24,0

Таблица 4. Львовская область. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных характеристик соответствуют Донбассу, а какие Галичине? Характеристики жителей региона» 2007 г. (%)

		Донбасс			Галичина		
№ п/п	Варианты ответов	Львов n=375	Дрогобыч n=298	Села Львовщины n=100	Львов n=375	Дрогобыч n=298	Села Львовщины n=100
1.	Преимущественно украинцы и проживающие рядом с ними национальные меньшинства	5,8	5,6	5,0	71,6	59,9	63,0
2.	Преимущественно русские и русифицированные представители других народов	57,3	49,0	53,0	1,1	1,0	0,0
3.	Особая региональная общность, которая имеет свои истоки, как в Украине, так и в России	34,3	30,8	18,0	2,9	3,5	2,0
4.	Маргиналы, то есть люди, которые оторвались от своих корней	26,5	29,0	10,0	3,7	3,5	2,0
5.	Особая региональная общность, которая имеет свои истоки, как в Украине, так и в Польше	2,0	0,0	2,0	37,8	39,7	30,0
6.	Затрудняюсь с ответом	16,7	17,5	17,0	7,7	14,3	4,0

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку респондентам могли выбирать несколько позиций.

Данные 2014 г. сведем в одну сопоставительную табл. 5.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных характеристик соответствуют Донбассу, а какие Галичине?»

№	Характеристики жителей региона	Донбасс (n =748)		Галичина (n=731)	
		Характеристика жителей Донбасса	Характеристика жителей Галичины	Характеристика жителей Донбасса	Характеристика жителей Галичины
		% к тем, кто ответил	% к тем, кто ответил	% к тем, кто ответил	% к тем, кто ответил
1.	Преимущественно украинцы и проживающие рядом с ними национальные меньшинства	17,1	53,6	10,1	72,4
2.	Преимущественно русские и русифицированные представители других народов	64,9	4,1	68,3	2,2
3.	Особая региональная общность, которая имеет свои истоки, как в Украине, так и в России	64,7	6,7	54,9	11,3
4.	Маргиналы, то есть люди, которые оторвались от своих корней	20,8	27,0	53,8	7,4
5.	Особая региональная общность, которая имеет свои истоки, как в Украине, так и в Польше	3,5	73,6	3,3	66,3
6.	Затрудняюсь с ответом	6,8	9,9	11,5	6,0

Данные предыдущих таблиц демонстрируют определенную конгруэнтность между авто- и гетеростереотипами, отражающими этнокультурную природу региональных общностей Донбасса и Галичины. Несколько противоречит взаимопониманию достаточно распространенный среди галичан взгляд на донбассцев как на маргиналов. Но в целом жители обоих регионов имеют соответствующие ожидания относительно этнокультурных реалий региональных общностей. Это не означает, что совпадение авто- и гетеростереотипов не может порождать противоречий в отношениях между региона-

ми. Наоборот, жители Донбасса и Галичины в своем большинстве понимают этнокультурные отличия между своими регионами. Такие представления в различных общественных контекстах могут быть как причиной межрегионального напряжения, так и платформой для поиска компромисса.

Совсем иное значение имеют авто- и гетеростереотипы, которые отражают позиционирование Донбасса и Галичины в региональной системе (табл. 6, 7).

Таблица 6. Луганская область. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных характеристик соответствуют Донбассу, а какие Галичине? Характеристики региона в региональной системе Украины» 2007 г. (%)

		Донбасс			**Галичина**		
№ п/п	Варианты ответов	Луганск n = 363	Стаханов n=300	Села Луганщины n=100	Луганск n = 363	Стаханов n=300	Села Луганщины n=100
1.	Регион, развитие которого должно стать моделью развития всей Украины	55,8	58,4	78,0	6,2	6,1	5,0
2.	Глухая культурная провинция	10,8	14,8	1,0	41,7	37,9	45,0
3.	Регион со средним уровнем развития	37,1	40,9	14,0	39,3	33,9	48,0
4.	Агрессивный регион, который пытается насадить свои порядки во всей стране	12,3	13,4	16,0	62,1	51,4	65,0
5.	Регион, вынужденный защищать свою специфику и право жить в соответствии со своим образом жизни	65,5	54,3	58,0	17,5	23,9	17,0
6.	Регион с сильными сепаратистскими настроениями	16,4	12,0	22,0	36,4	30,0	33,0
7.	Регион, где преобладают государственники, отстаивающие целостность станы	28,1	31,3	38,0	25,7	17,5	14,0
8.	Самодостаточный регион	57,3	36,4	66,0	14,2	16,8	19,0
9.	Регион Украины, который сохранил собственную самобытность	19,3	19,6	17,0	53,6	42,5	59,0

Таблица 7. Львовская область. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных характеристик соответствуют Донбассу, а какие Галичине? Характеристики региона в региональной системе Украины» 2007 г. (%)

		Донбасс			Галичина		
№ п/п	Варианты ответов	Львов n=375	Дрогобыч n=298	Села Львовщины n=100	Львов n=375	Дрогобыч n=298	Села Львовщины n=100
1.	Регион, развитие которого должно стать моделью развития всей Украины	7,7	11,6	22,0	52,0	54,8	49,0
2.	Глухая культурная провинция	37,7	39,7	34,0	6,6	8,6	6,0
3.	Регион со средним уровнем развития	40,0	33,2	26,0	39,0	31,5	47,0
4.	Агрессивный регион, который пытается насадить свои порядки во всей стране	68,9	77,3	75,0	7,5	4,3	6,0
5.	Регион, вынужденный защищать свою специфику и право жить в соответствии со своим образом жизни	20,6	17,7	19,0	45,4	49,8	50,0
6.	Регион с сильными сепаратистскими настроениями	53,7	62,1	61,0	8,1	10,4	7,0
7.	Регион, где преобладают государственники, отстаивающие целостность станы	9,4	11,6	16,0	47,1	52,0	46,0
8.	Самодостаточный регион	33,4	32,5	28,0	32,4	27,6	26,0
9.	Регион Украины, который сохранил собственную самобытность	9,1	5,1	8,0	63,3	65,9	55,0

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку респондентам могли выбирать несколько позиций.

Таблица 8. Распределение ответов в 2014 г. на вопрос «Какие из перечисленных характеристик соответствуют Донбассу, а какие Галичине? Характеристики региона в региональной системе Украины» (%)

№	Характеристики	Донбасс (n =748)		Галичина (n=731)	
		Характеристика жителей Донбасса	Характеристика жителей Галичины	Характеристика жителей Донбасса	Характеристика жителей Галичины
		% к тем, кто ответил	% к тем, кто ответил	% к тем, кто ответил	% к тем, кто ответил
1.	Регион, развитие которого должно стать моделью развития всей Украины	63,4	13,6	9,2	79,2
2.	Глухая культурная провинция	10,5	50,3	56,0	8,2
3.	Регион со средним уровнем развития	36,9	48,2	47,5	33,8
4.	Агрессивный регион, который пытается насадить свои порядки во всей стране	12,8	65,4	78,8	6,0
5.	Регион, вынужденный защищать свою специфику и право жить в соответствии со своим образом жизни	77,2	15,1	23,9	67,5
6.	Регион с сильными сепаратистскими настроениями	53,0	14,2	85,0	4,9
7.	Регион, где преобладают государственники, отстаивающие целостность станы	14,2	57,0	5,2	86,7

В этом случае мы наблюдаем зеркальную обращенность региональных авто- и гетеростереотипов в Донбассе и Галичине. В каждом из регионов преобладают позитивные автостереотипы и негативные гетеростереотипы. Правда, это характеризует статистическую моду. Полученные данные свидетельствуют и о наличии в общественном сознании обоих регионов предпосылок для диалога. Например, донбассцы считают, что Галичина сохранила свою культурную самобытность. Значительное число галичан считают Донбасс самодостаточным регионом.

Вместе с тем, такая интенсивность негативных региональных гетеростереотипов в стране не может не волновать. Она является свидетельством того, что украинское общество на этот момент является пространственно

разделенным. Расколы имеют различную природу. В противоречиях между Донбассом и Галичиной, кроме всего прочего, нашли свое отражение общественные травмы, которые получило наше общество на протяжении XX в. Травматическим был и опыт 2004 г. и, тем более, опыт 2013 – 2014 гг. Следовательно, эти противоречия необходимо не замалчивать, а выяснять их общественную природу и применять для их лечения методы социальной терапии. Сейчас в мировой социологии – это один из быстро прогрессирующих направлений исследований и прикладного применения знаний [1]. В есть позитивный опыт работы с подобными травмами (примером может служить Испания). Учет подобного опыта позволит выработать программу социальной терапии для межрегиональных отношений в Украине.

Может ли в этой практике найти свое место, скажем метафорически, практика свиданий шахтеров с гуцулами? В определенной мере, да. Ведь, как показало наше исследование, жители Донбасса и Галичины достаточно редко посещают друг друга (Табл. 9 и 10).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вам приходится бывать в Галичине/Донбассе?» 2007 г. (%)

№ п/п	Варианты ответов	Луганск N = 363	Львов N=375	Стаханов N=300	Дроготыч N=298	Села Луганщины N=100	Села Львовщины N=100
1.	Бываю несколько раз в году	2,8	2,1	3,3	1,0	1,0	5,0
2.	Раз в году	4,4	3,5	3,0	3,4	1,0	1,0
3.	Раз в несколько лет	13,2	9,9	3,8	9,1	9,0	11,0
4.	Был(а) лишь один раз	23,4	18,1	14,3	11,4	15,0	21,0
5.	Никогда не приходилось бывать	53,7	64,8	68,7	74,2	74,0	59,0

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вам приходится бывать в Галичине/Донбассе?» 2014 г. (%)

№	Варианты ответов	Донбасс (n =748)	Галичина (n=731)
1.	Бываю несколько раз в году	0,6%	0,8%
2.	Раз в году	1,8%	0,9%
3.	Раз в несколько лет	9,7%	5,2%
4.	Был(а) лишь один раз	19,0%	15,2%
5.	Никогда не приходилось бывать	66,4%	76,3%
6.	Нет ответа	2,5%	1,5%
	Вместе	100,0%	100,0%

Как видим, за годы между двумя опросами ситуация не изменилась в сторону более интенсивной коммуникации. Скорее, наоборот, коммуникационные процессы между жителями полярных регионов пребывали в стагнации. Когда большая часть населения обоих регионов не осуществляет взаимных посещений, то это способствует закреплению стереотипов, которые сложились в отношениях между ними.

Гипотезой нашего исследования предполагалось, что отличия двух региональных общностей коренятся прежде всего в сфере межэтнических отношений, языкового вопроса и внешнеполитических ориентаций. У Донбасса и у Галичины различная этническая история. Во времена, когда Галичина находилась в составе Габсбургской монархии, а затем Польши, её этническая структура приобрела иерархический характер. При этом внизу этнической пирамиды оказалось украинское большинство. Кроме того, этнические группы здесь приобрели почти самодостаточный характер. Так, польская этническая группа имела все слои населения и могла бы существовать вообще без украинцев, которые оказывались лишними на своей земле [3]. Поэтому в Галичине модернизационное движение украинского большинства неотвратимо должно был привести к национально-освободительной революции, идеологией которой должен был стать украинский национализм. Различия освободительных модерницационных движений конца XIX – первой половины XX вв. в Галичине и Донбассе, видимо, и стали основой формирования различных проектов нациестроительства, характерных для современной Украины.

После Второй мировой войны общими усилиями СССР и ПНР этническая структура Галичины претерпела радикальные изменения, которые положили начало процессу этнической украинской гомогенизации этой территории.

В Донбассе уже на начальных этапах формирования региона сложилась ядерная зона этнической структуры, которая включала украинцев и русских. Мы уже предлагали это образование называть доминирующей этнической коалицией. Для Донбасса не была характерной сегрегационная модель развития этнических групп.

Гипотеза об обусловленности межрегиональных отличий отличиями этнических структур регионов подтверждается лишь частично. В нашем исследовании для измерения межэтнической дистанции использовалась известная шкала Э. Богардуса (адаптация Н.В. Паниной) (Табл. 11 и 12).

Таблица 11. Межэтническая дистанция в Луганской и Львовской областях по шкале Э. Богардуса (шкала: 1-7). 2007 г. Представлен средний бал и в скобках стандартное отклонение

Этнические группы, дистанцирование относительно которых изучается	Луганск n=363	Львов n=375	Стаханов n=300	Дроготыч n=298	Села Луганщины n=100	Села Львовщины n=100
Украинцы	1,4 (1,01)	1,5 (1,19)	2,0 (1,67)	1,7 (1,45)	1,2 (0,83)	1,9 (1,66)
Украинцы с Востока Украины	1,7 (1,19)	2,4 (1,59)	2,5 (1,75)	2,5 (1,67)	1,6 91,09)	3,1 (1,90)
Украинцы с Запада Украины	2,7 (1,76)	2,0 (1,40)	3,6 (2,05)	2,1 (1,50)	2,7 (1,73)	2,5 (1,68)
Русские	1,8 (1,22)	3,7 (2,11)	2,6 (1,86)	4,1 (1,10)	2,0 (1,20)	4,6 (1,95)
Русские с Востока Украины	2,0 (1,36)	3,8 (2,05)	2,8 (1,81)	4,1 (1,99)	2,1 (1,29)	4,5 (1,88)
Русские с Запада Украины	2,4 (1,36)	3,7 (2,03)	3,3 (1,87)	3,9 (1,91)	2,7 (1,60)	4,4 (1,89)
Русские из России	2,1 (1,43)	4,1 (2,15)	3,1 (1,93)	4,5 (1,98)	2,2 (1,48)	5,0 (1,83)
Белорусы	2,8 (1,66)	4,0 (1,91)	4,0 (1,97)	4,4 (1,80)	2,9 (1,54)	4,8 (1,80)
Евреи	4,5 (1,95)	4,8 (1,84)	5,2 (1,89)	5,3 (1,64)	4,8 (1,80)	5,6 (1,56)
Поляки	4,3 (1,91)	4,0 (1,77)	5,2 (1,76)	4,1 (1,94)	5,0 (1,90)	4,4 (1,82)
Американцы (белые англосаксы из США)	4,6 (1,95)	4,4 (1,73)	5,4 (1,78)	4,5 (1,81)	5,4 (1,85)	4,7 (1,90)
Англичане	4,3 (1,80)	4,2 (1,74)	5,2 (1,73)	4,5 (1,81)	4,9 (1,78)	4,5 (1,91)
Венгры	4,5 (1,78)	4,6 (1,65)	5,4 (1,56)	4,7 (1,70)	4,8 (1,67)	5,2 (1,45)
Французы	4,4 (1,78)	4,5 (1,75)	5,3 (1,70)	4,7 (1,77)	4,9 (1,72)	4,8 (1,86)
Крымские татары	5,1 (1,73)	5,1 (1,68)	5,6 (1,66)	5,4 (1,60)	5,6 (1,74)	5,8 (1,46)
Татары	5,2 (1,80)	5,2 (1,60)	5,8 (1,57)	5,7 (1,42)	5,4 (1,69)	6,1 (1,18)

Азербайджанцы	5,2 (1,78)	5,2 (1,57)	5,9 (1,48)	5,8 (1,28)	5,4 (1,62)	5,8 (1,17)
Армяне	5,2 (1,78)	5,1 (1,65)	5,9 (1,50)	5,7 (1,34)	5,3 (1,58)	5,7 (1,30)
Грузины	5,3 (1,75)	5,1 (1,67)	6,0 (1,40)	5,5 (1,47)	5,5 (1,55)	5,7 (1,32)
Чеченцы	5,7 (1,75)	5,6 (1,61)	6,3 (1,36)	5,9 (1,32)	5,8 (1,67)	6,0 (1,35)
Цыгане	5,9 (1,67)	5,9 (1,55)	6,3 (1,36)	6,2 (1,10)	6,1 (1,57)	6,4 (1,04)
Африканцы	5,3 (1,66)	5,4 (1,56)	5,9 (1,38)	5,9 (1,16)	5,6 (1,55)	6,1 (1,11)
Китайцы	5,2 (1,62)	5,1 (1,59)	5,9 (1,31)	5,7 (1,25)	5,6 (1,50)	5,8 (1,19)
Японцы	5,1 (1,65)	4,9 (1,59)	5,8 (1,39)	5,5 (1,29)	5,6 (1,51)	5,5 (1,61)
Арабы	5,2 (1,69)	5,3 (1,57)	6,0 (1,29)	5, 8 (1,23)	5,6 (1,48)	5,8 (1,35)
Румыны	5,0 (1,71)	5,1 (1,56)	5,7 (1,40)	5,4 (1,43)	5,3 (1,55)	5,5 (1,41)
Молдаване	4,8 (1,74)	5,1 (1,58)	5,7 (1,47)	5,4 (1,40)	5,1 (1,63)	5,5 (1,29)
Литовцы	4,7 (1,74)	4,8 (1,67)	5,8 (1,40)	5,2 (1,42)	5,3 (1,49)	5,3 (1,44)
Латыши	4,7 (1,77)	4,7 (1,71)	5,8 (1,37)	5,2 (1,42)	5,3 (1,49)	5,3 (1,36)
Эстонцы	4,8 (1,77)	4,8 (1,70)	5,8 (1,42)	5,2 (1,46)	5,3 (1,60)	5,3 (1,36)
Турки	5,1 (1,75)	5,2 (1,59)	6,0 (1,30)	5,7 (1,27)	5,5 (1,57)	5,8 (1,36)
Болгары	4,8 (1,74)	4,8 (1,66)	5,6 (1,53)	5,3 (1,46)	5,2 (1,55)	5,5 (1,30)
Сербы	4,8 (1,75)	4,9 (1,63)	5,7 (1,47)	5,4 (1,47)	5,1 (1,59)	5,7 (1,10)
Чехи	4,7 (1,77)	4,6 (1,72)	5,6 (1,51)	5,0 (1,62)	5,0 (1,60)	5,2 (1,48)
Словаки	4,7 (1,79)	4,7 (1,71)	5,6 (1,51)	5,1 (1,62)	5,0 (1,54)	5,4 (1,38)
Казахи	5,1 (1,76)	5,2 (1,61)	5,9 (1,39)	5,7 (1,25)	5,3 (1,58)	5,9 (1,22)

Примечание: Респондентам предлагался вопрос «В качестве кого Вы бы допустили представителей перечисленных этнических групп?» Варианты ответов с присвоенными баллами: 1 – членов семьи; 2 – близких друзей; 3 – соседей; 4 – коллег по работе; 5 – жителей области; 6 – посетителей области; 7 – вообще не допускали бы в область.

Таблица 12. Межэтническая дистанция в Донбассе и Галичине по шкале Э. Богардуса (шкала: 1-7). 2014 г. Представлен средний бал и в скобках стандартное отклонение, среди ответивших

№	Этнические группы, дистанцирование относительно которых изучается	Донбасс	Галичина
1.	Украинцы	1,7 (1,49)	1,4 (1,07)
2.	Украинцы с Востока Украины	1,7 (1,35)	2,9 (1,88)
3.	Украинцы с Запада Украины	3,3 (2,36)	2,1 (1,58)
4.	Русские	1,8 (1,43)	5,2 (2,04)
5.	Русские с Востока Украины	1,9 (1,45)	4,9 (1,99)
6.	Русские с Запада Украины	2,6 (1,93)	4,6 (2,01)
7.	Русские из России	2,0 (1,57)	5,4 (1,99)
8.	Белорусы	2,7 (1,80)	4,3 (1,76)
9.	Евреи	3,9 (2,03)	4,9 (1,72)
10.	Поляки	4,1 (2,08)	3,7 (1,77)
11.	Американцы (белые анго-саксы из США)	4,8 (2,14)	4,1 (1,82)
12.	Англичане	4,5 (2,08)	4,0 (1,76)
13.	Венгры	4,5 (2,00)	4,5 (1,68)
14.	Французы	4,5 (2,00)	4,3 (1,72)
15.	Крымские татары	4,3 (1,95)	4,3 (1,78)
16.	Татары	4,4 (1,96)	4,9 (1,67)
17.	Азербайджанцы	4,8 (1,95)	5,3 (1,58)

18.	Армяне	4,6 (1,98)	5,3 (1,56)
19.	Грузины	4,7 (1,99)	5,0 (1,70)
20.	Чеченцы	5,2 (1,92)	6,1 (1,49)
21.	Цыгане	5,5 (1,81)	6,1 (1,29)
22.	Африканцы	5,2 (1,81)	5,7 (1,42)
23.	Китайцы	5,1 (1,77)	5,7 (1,34)
24.	Японцы	5,0 (1,82)	5,4 (1,46)
25.	Арабы	5,2 (1,82)	5,7 (1,38)
26.	Румыны	5,0 (1,82)	5,4 (1,49)
27.	Молдаване	4,8 (1,90)	5,2 (1,57)
28.	Литовцы	4,8 (1,89)	4,7 (1,68)
29.	Латыши	4,8 (1,91)	4,8 (1,70)
30.	Эстонцы	4,8 (1,91)	4,8 (1,68)
31.	Турки	5,0 (1,89)	5,2 (1,53)
32.	Болгары	4,6 (1,95)	4,8 (1,62)
33.	Сербы	4,7 (1,96)	5,0 (1,58)
34.	Чехи	4,6 (1,95)	4,5 (1,71)
35.	Словаки	4,6 (1,96)	4,5 (1,69)
36.	Узбеки	4,9 (1,91)	5,5 (1,46)
37.	Киргизы	5,1 (1,83)	5,6 (1,43)
38.	Казахи	5,0 (1,89)	5,6 (1,42)
39.	Туркмены	5,2 (1,83)	5,7 (1,42)

Примечание: Респондентам предлагался вопрос «Как близко Вы бы допустили представителей перечисленных этнических групп?» Варианты ответов с присвоенными баллами: 1 – членов семьи; 2 – близких друзей; 3 – соседей; 4 – коллег по работе; 5 – жителей области; 6 – посетителей области; 7 – вообще не допускали бы в область.

Существенные различия между Донбассом и Галичиной фиксируются преимущественно в отношении к восточным славянам. В Донбассе всех восточных славян воспринимают как своих. В этом регионе украинцы и русские создали благодаря своему тесному контакту уже упомянутую доминирующую этническую коалицию. В Галичине достаточно четко отличают украинцев от остальных этнических групп. Этническая структура в этом регионе сейчас соответствует схеме «доминирующий титульный этнос – этнические меньшинства». Интересным фактом является и то, что и на Западе, и на Востоке относительно украинцев из восточного/западного регионов существует большая дистанция, нежели относительно местных украинцев.

Полностью подтвердилась гипотеза об отличии моделей желательного языкового развития в Донбассе и Галичине (табл. 13 и 14).

Таблица 13. Распределение ответов на вопрос: «Как Украина должна развиваться в сфере функционирования языков?» (%)

№ п/п	Варианты ответов	Луганск n = 363	Львов n=375	Стаханов n=300	Дрого-быч n=298	Села Луган-щины n=100	Села Львов-щины n=100
1.	Через утверждение на всей территории украинского языка как единого государственного	15,2	71,7	7,0	82,2	11,0	81,0
2.	Через официальное украинско-русское двуязычие на всей территории Украины	51,5	6,9	58,3	2,0	37,0	1,0
3.	Через сохранение украинского языка как государственного, но признание в областях и городах при необходимости также других официальных языков	28,7	15,7	21,7	11,7	42,0	10,0
4.	Другое	0,6	1,1	2,3	0,3	9,0	1,0
5.	Затрудняюсь с ответом	3,6	4,0	10,0	3,7	1,0	6,0
6.	Отказались от ответа	0,6	0,5	0,7	0,0	0,0	1,0

Таблица 14. Распределение ответов на вопрос: «Как Украина должна развиваться в сфере функционирования языков?» (%)

№ п/п	Варианты ответов	Донбасс (n=748)	Галичина (n=650)
1.	Через утверждение на всей территории украинского языка как единого государственного	4,6	60,9
2.	Через официальное украинско-русское двуязычие на всей территории Украины	51,7	3,8
3.	Через сохранение украинского языка как государственного, но признание в областях и городах при необходимости также других официальных языков	36,8	28,9
4.	Другое	1,4	1,1
5.	Затрудняюсь с ответом	5,4	4,9
6.	Не ответили	0,1	0,3
	Всего	100	100

Языковой вопрос в Украине усилиями гуманитарной интеллигенции и политиков приобрел излишнюю идеологичность. Благодаря этому отношение к путям его решения превратилось в индикатор отношения к целостному проекту культурного развития страны. И в отношениях между Донбассом и Галичиной оно стало камнем преткновения. Необходима деидеологизация этой проблемы. Компромиссной позицией могла бы быть та, которая предполагает сохранение украинского языка как единственного государственного в масштабах станы, но признание при необходимости в областях и городах других официальных языков. В этом может помочь и «Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств» [5]. Но сейчас общественное мнение жителей Донбасса и Галичины в языковом вопросе скорее может быть определено как конфронтационное.

В целом подтвердилось и предвидение относительно отличий внешнеполитических ориентаций донбассцев и галичан. Обобщенно можно сказать, что галичане в своем большинстве настроены проевропейски и пронатовски, а донбассцы ориентированы на развитие сотрудничества с Россией и в рамках СНГ (табл. 15 и 16). Ничего здесь не поменялось даже в период кризиса 2013 – 2014 гг.

Таблица 15. Распределение ответов на вопрос «Какими должны быть внешнеполитические ориентации Украины?» 2007 г. (%)

№ п/п	Внешнеполитические ориентации	Луганск n= 363	Львов n=375	Стаханов n=300	Дрогобыч n=298	Села Луганщины n=100	Села Львовщины n=100
1.	Стремиться к вступлению в Европейский союз	16,3	30,4	10,7	34,9	12,0	35,0
2.	Стремиться к вступлению в Европейский союз и НАТО	6,1	23,7	4,0	26,8	1,0	14,0
3.	Стремится вступить в НАТО	2,5	5,6	2,3	5,0	–	3,0
4.	Развивать сотрудничество в рамках СНГ, превратив его в крепкое межгосударственное объединение	15,4	2,4	16,7	2,7	30,0	2,0
5.	Создать межгосударственный союз Украины, России и Белоруссии	23,7	3,2	25,7	1,0	31,0	–
6.	Восстановить СССР	10,7	2,4	15,7	0,7	12,0	3,0

7.	Украина должна развиваться как нейтральная внеблоковая страна, которая во внешней политике ориентируется на собственные интересы	13,5	20,5	10,3	17,4	9,0	23,0
8.	Затрудняюсь с ответом	9,4	9,6	10,7	11,4	4,0	19,0
9.	Другое	–	1,3	1,3		1,0	
10.	Не дали ответа	2,5	0,8	2,7	–	–	1,0

Таблица 16. Распределение ответов на вопрос «Какими должны быть внешнеполитические ориентации Украины?» 2014 г. (%)

№ п/п	Внешнеполитические ориентации	Донбасс (n=748)	Галичина (n=650)
1.	Стремиться к вступлению в Европейский союз	5,5	40,9
2.	Стремится вступить в НАТО	0,4	3,1
3.	Развивать сотрудничество в рамках СНГ, превратив его в крепкое межгосударственное объединение	17,6	1,1
4.	Создать межгосударственный союз Украины, России и Белоруссии	28,3	0,2
5.	Восстановить СССР	10,3	0,5
6.	Украина должна развиваться как нейтральная внеблоковая страна, которая во внешней политике ориентируется на собственные интересы	25,0	10,8
7.	Стремиться к вступлению в Европейский союз и НАТО	1,1	39,7
8.	Затрудняюсь с ответом	9,8	3,1
9.	Другое	1,4	0,6
10.	Не ответили	0,6	0,2

Следует обратить внимание на то, что и в Донбассе, и в Галичине определенное (и в целом немалое) количество респондентов поддерживают развитие Украины как нейтральной, внеблоковой страны. Не углубляясь в проблему, скажем, что это одна из возможных точек сближения региональных общностей.

Подводя итоги можно сказать, что согласно с полученными данными для региональной системы Украины присущи разные, иногда взаимно исключающие тенденции развития. Прежде всего, это касается несовпадения экономических, политических и культурных процессов в украинской региональной системе. Это несовпадение требует объяснений. В современной мировой социологии есть теоретические направления, которые могут помочь продвинуться с этими объяснениями. Имеем в виду подход к капитализму как к мировой системе. Жаль, но в современной социологии регионов к этому теоретическому направлению вообще не обращаются. В отечественной социологии он анализируется только в общетеоретическом плане [6]. Между тем, для экономического развития страны после получения независимости важнейшее значение имел процесс вхождения Украины в мировую капиталистическую систему, поиск собственного места в ней.

Процесс этот толкал Украину на периферию мировой капиталистической системы. Внутренними агентами периферизации страны, её движения к постколониальному состоянию стали разнообразные элитные группы, которые в тот период активно формировались. Для представителей этих групп быстрый выход на мировой капиталистический рынок означал быстрое обогащение, а для страны в целом – движение от полупериферии к периферии. В сое время А.Г. Франк описал характерную для данного типа развития фрагментацию общественного пространства: «…Провинциальный капитализм, сам являясь сателлитом национальной метрополии – а последняя находится в таких отношениях с мировой метрополией – порождает собственные провинциальные центры, на орбитах которых возникают свои метрополии».

Фактически этот процесс и зафиксировали в украинском экономическом пространстве И. Сторонянская и С. Шульц. Но наши данные показывают, что в региональной системе Украины проявляются и противодействующие этому движению силы. Частично они реализуются через государственную политику. Национальное государство, хотя и утратило в условиях глобализации часть своих регулирующих возможностей, все же остается важным игроком в рамках мировой капиталистической системы. Но далеко не все сводится к регулирующим влияниям государства. С самого начала данного исследования мы подчеркивали, что с получением Украиной независимости в её региональной системе начали формироваться механизмы саморегуляции и саморазвития. По нашему мнению, одним из таких механизмов является взаимодействие между

регионами-полюсами региональной системы. Для теоретического анализа этого вопроса полезно обратиться к его разработке в географии.

Наиболее развитым направлением к описанию и анализу механизмов саморегуляции и саморазвития в различных системах является информационный подход. Для случая географических систем его оригинально разработал А. Арманд. Он считает, что «…Теоретические модели используют другие особенности информационного подхода - широкие возможности сопоставления объектов, различающихся по физической природе, но близкие по структуре. Это позволяет делать обобщения, находить закономерности, ускользающие при использовании других подходов. Для географии эта особенность информационного подхода имеет особую ценность в связи с неотчетливостью её закономерностей и интенсивными попытками построить основы её теории, предпринимаемые в последние годы» [1, с. 90].

Представляется, что такой подход может стать общим для социологии регионов и географии. Во всяком случае, методологические потребности у этих научных дисциплин в целом являются схожими. Особенно ценным в информационном подходе к изучению региональных систем является его способность обеспечить исследование в них процессов саморегулирования и самоорганизации. Следовательно, информационный подход позволяет применить идеи синергетики к пространственным общественным системам. Он ориентирует исследователей на изучение путей передачи информации в системе [1, с. 18]. При этом используются такие понятия как информация, шум, обратная связь, контур обратной связи. Обратная связь может быть позитивной или негативной, а это в свою очередь ведет к формированию в системе или самоусиливающихся (автокаталитических), или конкурирующих связей [1, с. 24-40]. Пространственные общественные системы принадлежат к системам высшей категории сложности. Это – «природно–социальные системы» [1, с. 55]. Необходимо учесть, что А. Арманд предложил все системы разделить на два класса – «дополнительные» и «однородные» [1, с. 55]. Примером первых является биологический организм, где органы не могут существовать без взаимной связи. Примером другого класса может быть лес, где отдельные деревья могут существовать и за его переделами. Сложные социально-географические системы, к которым принадлежат и региональные системы, объединяют обе характеристики.

А. Арманд пишет: «Преимущества тех и других совмещены в иерархических структурах, где между уровнями («по вертикали») реализуются дополнительные связи, а внутри уровня («по горизонтали») – однородные» [1, с. 100].

В нашем случае наличие политической формы региональной системы Украины, которую создает государство, усиливает ее как информационную систему. Во взаимодействии регионов и центра реализуется дополнительный принцип, а в отношениях между регионами – принцип однородности. Следовательно, объединение этих принципов усиливает конкуренцию между регионами и одновременно ведет к формированию их взаимозависимости в рамках национального целого. Интенсификация информационного взаимодействия между региональными полюсами Украины тоже может быть понята в этом методологическом ключе. Через систему позитивных и негативных связей формируются способы саморегуляции украинского национального организма в пространственном аспекте. Хотя опыт 2004 г. и 2013 – 2014 гг. и был драматическим и временами травматическим, но он свидетельствует именно в пользу этого вывода.

Безусловно, это пока только общие соображения по поводу возможностей применения информационного подхода к изучению региональных систем. Социологам нужно дать социологическую интерпретацию не только названых понятий, но и таких как «блоки управления», «усилители», «переключатели» и др. Но это имеет смысл и сможет придать новый импульс изучению элитных групп, системы коммуникации, в том числе и системы массовой коммуникации и их роли в процессах саморегулирования и самоорганизации в рамках региональной системы Украины.

Серьезный толчок этим исследованиям могут дать идеи исторического этнолога С. Лурье. Она пришла к выводу, что длительность существования этноса связана с наличием функционального внутриэтнического конфликта. Это понятие исследовательница переняла у Л. Козера, который считал, что конфликт между группами одного общества способствует становлению и сохранению идентичности и проведению границ этого общества. С. Лурье, отталкиваясь от этих представлений, делает вывод, что «…процесс самоструктурирования этноса происходит через внутриэтнический конфликт и, следовательно, модификация культурной традиции также связана с внутриэтническим конфликтом» [7, с. 159]. Далее она, таким образом, углубляет это положение: «…Характер взаимодействия между различными внутриэтническими группами определяется следующими двумя факторами: во-первых, адаптационной потребностью, а во-вторых, потребностью в выражении основных смыслов этнической культуры (ее «культурной темы»). И то и другое требует от этнической организации постоянного динамизма. И то и другое не может не приводить к постоянным внутриэтническим конфликтам, функцио-

нальным по своей сути. И то и другое – а особенно этот единый процесс, представляющий собой выражение основной этнической «культурной темы» в меняющихся условиях существования этноса, – выливается порой в целые мистерии, которые этнос проигрывает внутри себя» [7, с. 258].

О культурной теме исследовательница пишет так: «Ее можно представить в качестве идеологемы, имеющей некоторое значительное количество вариаций и обычно связанной с религиозными положениями, исповедуемыми этносом» [7, с. 442]. Примером такой темы в России является идея «Москва – Третий Рим – Святая Русь» [7, с. 260].

С. Лурье проанализировала основные культурные темы финнов, турок, армян, англичан и др. Фактором функционального внутриэтнического конфликта она объясняет совместимость или несовместимость контактирующих народов: «В случае близкого соприкосновения народов, имеющих различную структуру внутриэтнических конфликтов в сферах жизни, эту структуру затрагивающих, возникает противоречие, которое политологи тщетно пытаются объяснить внешними факторами» [7, с. 399]. Этнолог пришла к выводу, что наряду с функциональными конфликтами в этнических системах могут разворачиваться и дисфункциональные конфликты. По ее мнению: «…дисфункциональную смуту вызывает появление внутри этноса какой-либо ценностной ориентации, которая не может стать компонентой внутриэтнического процесса» [7, с. 159].

Исследовательница под внутриэтническими группами, как субъектами функционального конфликта, понимает социальные группы, часто генерализируя их до элитных групп и народных масс. Она, правда, не говорит про территориальные общности, но представляется вполне возможным поставить вопрос и в такой плоскости. В этом случае внутренний для этноса/нации функциональный конфликт будет отдельным случаем механизма саморегуляции и самоорганизации в рамках территориальной социальной системы.

В этом случае относительно региональной системы Украины нужно поставить вопрос о том, является ли конфликтное взаимодействие между Донбассом и Галичиной проявлением функционального конфликта, который способствует самоорганизации украинской нации. На первый взгляд, основные культурные темы Донбасса и Галичины, проявляющиеся в их общественных проектах, несовместимы между собой.

Особенно четко это проявляется в условиях общественного выбора между альтернативными путями общественного развития. Такую реакцию мы зафиксировали относительно Майдана и событий на Востоке Украины (Табл. 17).

Таблица 17. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали события:» 2014 г. (% к ответившим)

№	Характеристики	На Майдане зимой 2013 – 2014 гг.		В Донбассе весной 2014 г.	
		Донбасс n=674	Галичина n=626	Донбасс n=678	Галичина n=576
1.	Национальная революция	22,6	59,9	7,5	9,4
2.	Борьба одной части правящего класса против другой (миллионеров против миллиардеров), в какую была втянута часть народа	40,8	10,4	20,2	22,4
3.	Восстание народа, которое было поддержано национальной буржуазией	39,2	18,7	34,4	6,6
4.	Борьба Востока и Запада Украины	8,6	7,0	32,0	28,3
5.	Борьба между правящими группами в Украине, поддержанная внешними силами, и в которую была вовлечена часть народа	33,4	11,2	21,4	24,0
6.	Борьба за национальную независимость	9,3	53,2	15,8	10,9
7.	Борьба за права человека	12,3	55,6	27,0	8,3
8.	Борьба за социальную справедливость	11,9	41,4	21,2	5,2
9.	Духовное очищение	5,9	13,6	8,1	2,4
10.	Разрушение государства	32,6	3,8	18,4	51,0
11.	Силовой захват власти*	40,2	–	12,5	–
12.	Внешняя агрессия	16,6	2,1	11,7	47,2
13.	Криминальное восстание	12,9	2,1	11,9	28,1
14.	Желание избежать фашизма	4,3	7,7	33,3	3,8
15.	Желание правильных внешнеполитических отношений	8,8	17,1	14,0	4,7
16.	Желание присоединиться к другой государственной структуре	6,4	3,7	30,1	30,4
17.	Другое	1,6	0,6	2,4	0,3
	Всего	307,4	308,0	322,0	283,2

Примечания: Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов в каждом столбике. Варианта ответа «силовой захват власти» при опросе в Галичине не было.

С другой стороны, у населения этих регионов в общественном сознании четко представлена ориентация на достижение исторического компромисса во имя единства страны. В наших исследованиях стабильно фиксировалось, что при осознании наличных противоречий между регионами, жители Донбасса и Галичины выражают стремление к взаимопониманию (Табл. 18, 19, 20, 21).

Таблица 18. Распределение ответов на вопрос «Существуют ли сейчас противоречия между Востоком и Западом Украины и если они существуют, то на какому уровне?» 2007 г. (%)

№ п/п	Варианты ответов	Луганск n = 363	Львов n=375	Стаханов n=300	Дрогобыч n=298	Села Луганщины n=100	Села Львовщины n=100
1.	Противоречия существуют лишь между политиками, а на уровне населения их нет	30,6	42,9	26,0	47,3	22,0	54,0
2.	Противоречия существуют как на уровне политиков, так и на уровне населения	45,5	43,7	52,7	37,6	57,0	29,0
3.	Противоречия существуют на уровне населения, а не между политиками	7,2	4,3	6,7	2,3	3,0	2,0
4.	Противоречии нет ни на каком уровне	0,8	0,8	3,7	1,3	–	–
5.	Затрудняюсь с ответом	15,2	8,0	9,7	11,1	16,0	15,0
6.	Отказались отвечать	0,8	0,3	1,3	0,3	2,0	–

Таблица 19. Распределение ответов на вопрос «К каким отношениям между Востоком и Западом Украины необходимо стремится?» 2007 г. (%)

№ п/п	Варианты ответов	Луганск n = 363	Львов n=375	Стаханов n=300	Дрогобыч n=298	Села Луганщины n=100	Села Львовщины n=100
1.	Нужен компромисс	66,7	56,0	59,3	56,4	72,0	48,0
2.	Необходимо, чтобы ценности Восточной Украины распространились на Запад	10,7	1,3	13,7	2,0	5,0	2,0
3.	Необходимо, чтобы идеалы Западной Украины победили и на Востоке	2,8	23,5	4,3	26,8	1,0	17,0
4.	Затрудняюсь с ответом	18,7	18,1	21,7	13,1	22,0	33,0
5.	Отказались отвечать	1,1	1,1	1,0	1,7	–	–

Таблица 20. Распределение ответов на вопрос «Существуют ли сейчас противоречия между Востоком и Западом Украины и если они существуют, то на какому уровне?» 2014 г. (%)

№ п/п	Варианты ответов	Донбасс (n=748)	Галичина (n=650)
1.	Противоречия существуют лишь между политиками, а на уровне населения их нет	18,7	25,4
2.	Противоречия существуют как на уровне политиков, так и на уровне населения	65,6	61,4
3.	Противоречия существуют на уровне населения, а не между политиками	6,2	4,2
4.	Противоречии нет ни на каком уровне	0,6	1,4
5.	Затрудняюсь с ответом	6,5	6,6
6.	Не ответили	2,4	1,1

Таблица 40. Распределение ответов на вопрос «К каким отношениям между Востоком и Западом Украины необходимо стремится?» (%)

№ п/п	Варианты ответов	Донбасс (n=748)	Галичина (n=650)
1.	Следует добиваться согласия через компромисс	69,1	61,5
2.	Необходимо, чтобы ценности Восточной Украины распространились на Запад	12,1	2,0
3.	Необходимо, чтобы идеалы Западной Украины победили и на Востоке	1,4	21,2
4.	Затрудняюсь с ответом	14,4	14,0
5.	Не ответили	3,1	1,2

Сейчас невозможно найти однозначных ответов на поставленные вопросы на основе имеющейся информации. Однако имеющиеся исследования уже способны ставить вопросы, ответы на которые способны приблизить Украину к достижению исторического компромисса между ее региональными полюсами. Этот компромисс предполагает объединение разорванной украинской истории в один метанарратив, что возможно при оборачивании взгляда общества вперед, на поиск общеукраинского проекта развития. Этот компромисс может позволить Украине остановить дрейф к периферии мировой капиталистической системы. А отношения между регионами-полюсами могут придать импульс развитию всей региональной системы. Во всяком случае, именно на это должна быль нацелена государственная региональная политика и усилия гражданского общества.

Приложение. Характеристики выборочных совокупностей

Опрос 2007 г. Точки опроса:

Львов (n = 375 чел.): Женщины - 52,7%; мужчины - 47,3%; люди в возрасте 18 - 29 лет - 26,4%: 30 - 59 лет - 51,5%; 60 лет и старше - 22,2%; люди с высшим образованием - 32,8%; со средним специальным - 22,1%; с полным средним - 32,5%; с неполным средним - 8,5%; начальной - 1,6%; не дали ответа об образовании - 2,4%.

Луганск (n = 363 чел.): Женщины - 54,5%; мужчины - 45,5%; люди в возрасте 18 - 29 лет - 25,9%: 30 - 59 лет - 51,5%; 60 лет и старше - 21,8%; люди с высшим образованием - 26,2%; со средним специальным - 22,6%; с полным средним - 34,7%; с неполным средним - 12,1%; начальной - 4,4%.

Дрогобыч (n = 298 чел.): Женщины - 52,3%; мужчины - 47,7%; люди в возрасте 18 - 29 лет - 25,8%: 30 - 59 лет - 53,7%; 60 лет и старше - 20,5%; люди с высшим образованием - 23,5%; со средним специальным - 22,8%; с полным средним - 35,2%; с неполным средним - 10,7%; начальной - 3,7%; не дали ответа об образовании - 4%.

Стаханов (n = 300 чел.): Женщины - 57%; мужчины - 43%; люди в возрасте 18 - 29 лет - 22,3%: 30 - 59 лет - 53,3%; 60 лет и старше - 24,3%; люди с высшим образованием - 18,3%; со средним специальным - 31%; с полным средним - 26,3%; с неполным средним - 12%; начальной - 9%; не дали ответа об образовании - 3,3%.

Села Львовской области (n = 100 чел.): Женщины - 52%; мужчины - 48%; люди в возрасте 18 - 29 лет - 24%: 30 - 59 лет - 46%; 60 лет и старше - 30%; люди с высшим образованием - 10%; со средним специальным - 21%; с полным средним - 34%; с неполным средним - 18%; начальной - 17%.

Села Луганской области (n = 100 чел.): Женщины - 56%; мужчины - 44%; люди в возрасте 18 - 29 лет - 20%: 30 - 59 лет - 46%; 60 лет и старше - 34%; люди с высшим образованием - 8%; со средним специальным - 23%; с полным средним - 36%; с неполным средним - 23%; начальной - 10%.

Опрос 2014 г.

В Донецкой области (n = 457): Донецк (крупный город), Артемовск (большой город), Торез, Снежное (средние города), Дебальцево (малый город) и села Донецкой области;

В Луганской области(n = 291): Луганск (крупный город), Красный Луч (большой город), Свердловск, Первомайск (средние города), Кировск, Старобельск (малые города) и села Луганской области;

Во Львовской области (n =454): Львов (крупный город), Дрогобыч (средний город), Самбор (малое) и села Львовской области;

В Ивано-Франковской области(n =277): Ивано-Франковск (большой город), Калуш, Коломыя (средние), Болехов, Яремче (малые) и села Ивано-Франковской области.

Литература

1. Арманд А.Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. М.: Наука, 1988.

2. Балакина Г.Ф. Тувинские реалии перехода к рынку // Социс. 1998. №6.

3. Гудь Б. Українці – поляки: хто винен? У пошуках першопричини українсько-польських конфліктів першої половини XX століття. Львів, 2000.

4. Кононов И.Ф. «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» и демократический процесс в Украине // Вісник ЛНПУ ім. Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2006. №14 (109). Ч. 2.

5. Кононов І.Ф. Україна: шлях на периферію світової капіталістичної системи (соціологічний аналіз) // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки. 2012. №23(258).

6. Кутуев П. Методологические основы мир-системного анализа: парадигма Иммануила Валлерстайна и его школы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003.

7. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.

8. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. №1.

References

1. Armand A.D. Samoorganizatsiya i samoregulirovanie geograficheskikh sistem. M.: Nauka, 1988.

2. Balakina G.F. Tuvinskie realii perekhoda k rynku. Sotsis. 1998. №6.

3. Gud' B. Ukraïntsi – polyaki: khto vinen? U poshukakh pershoprichini ukraïns'ko-pol's'kikh konfliktiv pershoï polovini KhKh stolittya. L'viv, 2000.

4. Kononov I.F. «Evropeiskaya khartiya regional'nykh yazykov ili yazykov men'shinstv» i demokraticheskii protsess v Ukraine. Visnik LNPU im. Tarasa Shevchenka. Filologichni nauki. 2006. №14(109). Ch. 2.

5. Kononov I.F. Ukraïna: shlyakh na periferiyu svitovoï kapitalistichnoï sistemi (sotsiologichnii analiz). Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu im. Tarasa Shevchenka. Sotsiologichni nauki. 2012. №23(258).

6. Kutuev P. Metodologicheskie osnovy mir-sistemnogo analiza: paradigma Immanuila Vallerstaina i ego shkoly // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. 2003.

7. Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya. M.: Aspekt Press, 1997.

8. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma. Sotsis. 2001. №1.

Д.Н. Салыков

D. Salykov

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НОВАЦИЙ

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES IN THE CONTEXT OF MODERN INNOVATIONS

Аннотация

В работе рассмотрена трансформация партийной системы с учетом политического развития России. Акцентировано внимание на противоречия в законодательстве регламентирующих деятельность партий на политическом поле. Доказано, что изменения в федеральный закон «О политических партиях» вносились без серьезной экспертной оценки, при этом они не оказывали негативного влияния на интересы политической элиты страны в целом и правящего политического класса в частности. Проведенный опрос молодежи мегаполиса позволил потвердить тезис об абсентеизме и нежелание вступать в ряды партий. Таким образом, есть потребность в дальнейшем совершенствовании партийного строительства с учетом национальных интересов России. Отмечается, что положительного эффекта для политической системы можно было бы добиться при обдуманной либерализации партийного законодательства с упрощением системы участия в избирательных кампаниях.

Ключевые слова:

выборы, закон, демократический институт, политическая элита, политическая партия, политическое развитие, конкуренция.

Abstract

We consider the transformation of the party system in view of Russia's political development. The attention to the contradictions in the legislation governing the activities of parties in the political field. It is proved that the changes in the federal law "On political parties" were made without serious peer review, and they do not adversely affect the interests of the political elite of the country as a whole and the ruling political class in particular. A survey of young people metropolis allowed to corroborate the thesis of absenteeism and an unwillingness to join the party. Thus, there is a need to further improve the Party building, taking into account the national interests of Russia. It is noted that the positive effect for the political system could be achieved by a deliberate liberalization of party legislation simplification of participation in election campaigns.

Key words:

elections, law, democratic institute, political elite, political party, political development, competition.

В результате динамично развивающегося политического процесса в России идет процесс трансформации партийной системы, который способствует появлению на политическом поле несколько десятков политических партий. «Новые» партии располагаются по всей шкале политического спектра - от крайне левых до крайне правых.

Обратимся к одной из наиболее популярных политических тем, определяемой изменениями в современном российском законодательстве по регулированию положения и деятельности политических партий. При этом необходимо согласиться с политологами исследовавших данную проблему В.И. Буренко [1, с. 43-52; 2, с. 9-14], Л.Н. Тимофеевой [19, с. 67-80], В.И. Тимошенко [16, с. 69-77; 17, с. 46-52; 18, с. 93-96], О.Ф. Шабровым [23, с. 15-40; 24, с. 178-189], которые справедливо отмечают на многообразие противоречий в партийном строительстве произошедшими в период с момента принятия федерального закона «О политических партиях в Российской Федерации».

В современном обществе есть необходимость совершенствования облика и деятельности российских политических партий. Это возможно только при достижении буквально в обозримом будущем между правящей элитой и гражданским обществом страны принципиального консенсуса по поводу осуществления неуклонного и демократически свободного формирования института политических партий, причём важным условием данного процесса должна быть стабильная, не подверженная конъюнктурным изменениям общероссийская законодательная база.

Целью данной статьи является анализ сущности современных российских партий, с переосмыслением их качественных черт в контексте законодательных новаций, введённых в Федеральное законодательство за период 2010-2015 гг.

Основные задачи работы – это выявление и осмысление содержания политических и законодательных инициатив главы российского государства по поводу совершенствования института политических партий, а также возникших в этой связи проблем и перспектив процесса партийного строительства.

Как известно, Президент РФ В.В. Путин уже в начале своего руководства во главе России проявил интерес, волю и инициативность к тому, чтобы идея выработки закона о политических партиях получила свою скорую и эффективную реализацию.

Так, 28 декабря 2000 г. Президент РФ внёс в Государственную Думу Российской Федерации проект закона о политических партиях. Вместе с остальными четырьмя поступившими законопроектами президентский проект прошёл конкурентное обсуждения и получил большинство голосов депутатов Государственной Думы в свою пользу [15].

В итоге, вобрав в себя ряд замечаний, высказанных депутатами Государственной Думы в ходе 2-ого и 3-его чтений, президентский законопроект был принят Государственной Думой РФ, а 11 июля 2001 г., будучи подписанным Президентом РФ, вступил в законную силу [22].

Согласно принятому закону политические партии России получили основополагающий политико-правовой документ для партийного строительства, и в основу этого процесса был положен к своему созданию тип «массовой политической партии», о котором писал М. Дюверже.

Данный закон п. 1 Ст.3 определяет партию как общественное объединение, созданное с целью обеспечения участия граждан РФ в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления [22].

Важно отметить, что законодатель при выстраивании данной дефиниции партий использовал функциональный подход, вложив в определение партии ряд существенных функций, которые реализует всякая партийная структура. Но главный смысл такого функционального определения партии в том, что всякая партия по своим функциям есть не что иное, как политическая организация [4]. Вообще, определение партии, данное в Ст.3 Закона «О политических партиях», является на сегодня и ёмким, и точным определением сущности политической партии. Само же определение носит в Законе политико-правовой характер.

В данном Законе детально прописаны права, обязанности политических партий, способы создания политических партий, алгоритм взаимоотношения политических партий как между собой и с государством. Законом также определены случаи приостановки деятельности партий и судебного запрета политических партий.

Вся конкретика по поводу генезиса, институционализации и деятельности политических партий, определенная в Законе, указывает на то, что законодатель взял курс на создание типа «массовых» общероссийских политических партий.

По итогам реализации принятого закона к рубежу 2010 г. в Российской Федерации были созданы общероссийские партийные структуры, Заметим, что в июне 2001 г. официально было зарегистрировано 199 общественных объединений, из них – 58 имели статус политических партий. На

момент принятия закона действовала более 50 политических партий с неясной организационной структурой и неопределенным кадровым корпусом [3], то в 2010 г. партийная система России насчитывала только 7 общероссийских политических партий, из них 4 парламентские.

Историческая заслуга принятия закона РФ «О политических партиях» и его первые 10 лет реализации позволили навести порядок в хаотичном складывающемся процессе партийного строительства. К 2004 г. удалось создать общероссийские политические партии с четко фиксированной численностью в 50 000 членов и с такой географической конфигураций, что более чем в половине субъектов РФ, каждая партия должна была иметь не менее 500 членов в своем региональном отделении. В России сформировались общенациональные партии со своим активом, широким электоратом, финансовыми источниками, достаточно развитой партийной инфраструктурой [8, с. 54].

Процесс партийного строительства, указанный в законе РФ «О политических партиях», породил и ряд негативных явлений, в том числе за счет как более двух десятков спешных редакций данного закона, так и многих конъюнктурных редакций российского избирательного законодательства. К числу самых очевидных недостатков следует отнести такие:

- обязательное наличие, начиная с 2004 г. [21], не менее 50-ти тысяч человек кадрового состава партии при параллельном введении 7% проходного барьера в Государственную Думу (это заморозило процесс партийного строительства «снизу» если рассуждать по М. Дюверже; за несколько лет подряд до 2011 г. в России не появилось ни одной политической партий инициативным, низовым путем);

- заморозка процесса партийного строительства произошла в то время, когда в партийной системе России обнаружились политические пустоты, так, например, созрела необходимость по созданию аграрной партии России; на фоне возрастания технических катастроф стало актуальным создание экологических партий (партии зеленых); политическая элита России многократно заявляла о создании рыночной экономики, но этот порыв не имел поддержки в лице созданной рыночной либеральной партии; всё более актуальной становилась задача создания молодежной партии (на фоне растущих проблем молодежи) и т.д. [13; 25];

- к 2010 г. в России сложилась семипартийная система с доминирующей пропрезидентской партией в лице «Единой России», деятельность

которой вела к картелизации всей партийной системы, к установлению через «Единую Россию» и другие каналы полного государственного контроля за деятельностью партийных структур. В этом смысле государственная власть открыто стремилась «приручить» все существующие партии, играть по отношению к ним роль политического патрона, особым предметом таких забот для федеральной власти были оппозиционные политические партии. Но при этом сложившаяся семипартийная система явилась, по типологии известного итало-американского политолога Дж. Сартори, системой «радикального идейно-политического плюрализма», то есть «перегретой», конфликтной в виду одновременного наличия в ней и левой, и правой оппозиции по отношении к правящему режиму;

- властный режим также по сути дела ежегодно менял избирательное законодательство, что еще больше замораживало процесс партийного строительства. При очевидной заморозке процессов партийного строительства стал нарастать уличный протест и уже улица к существующим 7-ми политическим партиям стала, образно говоря, создавать 8-ю, 9-ю, 10-ю и последующие внесистемные партии, движения и блоки.

Мы полагаем, что именно эти негативные аспекты мотивировали Президента РФ Д.А. Медведева выступить с широким спектром политических и законодательных инициатив по политической модернизации страны и в первую очередь модернизации института политических партий [7, с. 153-164]. В общей сложности Д.А. Медведевым было выдвинуто более 20 политических законодательных инициатив, по развитию партийных структур, усилению их значения во властных политических процессах страны.

Самая радикальная инициатива Президента РФ Д.А. Медведева – это появление 2 апреля 2012 г. новой редакции Федерального Закона «О политических партиях». Согласно данной редакции была резко снижена необходимая минимальная численность российских политических партий и была упрощена процедура создания и регистрации партийных структур.

Так, пункт «б» раздела 2 Ст.3 закона ныне гласит: в политической партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии с учётом требований, которые предусмотрены пунктом 9 статьи 23 настоящего Федерального Закона. Уставом политической партии могут быть установлены требования к минимальной численности членной политической партии в её региональных отделениях [20].

Таким образом, содержание пункта «б» раздела 2 Ст.3 закона означает очень существенное снижение требований к численности российских политических партий по сравнению с первоначальной редакцией закона, и более того – право на определение минимальной численности членов региональных отделений партий отныне, согласно 2-ой части рассматриваемого нами пункта, отдано на усмотрение самих партий.

Считаем, что данная, существенная либерализация исходных позиций генезиса российских политических партий приходится в пользу, прежде всего, вновь создаваемым партиям, собственно говоря, вводимые облегчённые параметры, без сомнения, двигают политизированную общественность на создание новых партийных структур. Но для партий «старых», партий, действующих в России уже ряд лет, подобные послабления могут носить обратный эффект – эффект утери сложившейся кадровой численности и возможного развала сложившейся партийной инфраструктуры, которая, например, для парламентских партий уже имела общероссийский масштаб. Именно эта, общероссийская модель партийных инфраструктур может быть утеряна безвозвратно.

Резкое сокращение основных количественных критериев политической партии в момент её создания и последующей деятельности, предложенная Президентом Д.А. Медведевым, а затем реализованное в Законе от 2 апреля 2012 г., вызвало бурный рост числа новых политических партий. Так, по состоянию на май 2015 г. и Минюсте Российской Федерации было уже зарегистрировано 75 политических партий [12]. Бурный количественный рост партий привёл к резкому расширению типов существующих и возникающих партий. На сегодняшний день обозначились такие партийные типы, как массовые партии, кадровые партии, партии идейно-политического толка, правящие партии, оппозиционные партии, «всеядные партии», картельные партии, партии – спойлеры, проблемно-ориентированные партии, политтехнологические партии (проекты), партии, созданные для удовлетворения лидерских амбиций и др.

Вместе с тем предпринятые шаги к либерализации закона «О политических партиях», осуществлённые в новой редакции данного законодательного акта 2 апреля 2012 года, имеют два долговременных, проблемных последствия. Первое. Скорректированный закон продолжает сохранять достаточное количество положений, обеспечивающих однонаправленный, жёсткий контроль государства за партиями, что, в конечном счёте, сдерживает их развитие.

Так, в Ст.20 закона «Основания для приостановления государственной регистрации политической партии или её регионального отделения и отказа в государственной регистрации в политической партии или её регионального отделения» остались неизменными широкие основания в отказе от регистрации партии и которые сформулированы так, что государство («федеральный уполномоченный орган») имеет широкую возможность либо сразу отказать в регистрации, либо приостановить процесс регистрации той или иной партии. Оценивая данную правовую коллизию, российский политолог А.Е. Любарев пишет; что регистрация партий и их существование остаётся зависимым от органов исполнительной власти, потому что, во-первых, исполнительная власть, как и прежде, имеет право вмешиваться во внутренние дела партии, во-вторых, партия обязана направлять список членов, а это в свою очередь создаёт возможность оказывать давление на членов оппозиции [6, с. 133-134].

И второе последствие внезапной и быстрой либерализации закона «О политических партиях» это появление десятков мелких политических партий, по сути партий–однодневок, партий–спойлеров, партий сугубо сомнительных политтехнологических проектов, которые в совокупности не представляют никаких проблем для государственных устоев, и их судьба лежит, по оценке некоторых российских политологов, в русле «кремлёвской стратегии управляемой демократии», то есть существовавшее ранее так называемая нишевая малопартийность заменяется курсом на распыление оппозиционных голосов между большим числом разнообразных партий [6, с. 133].

Исследование, проведенное в июне 2015 г. среди студентов политологов московских вузов, выборка нерепрезентативная позволяет констатировать факт нежелания 97,5% вступать в ту или иную политическую партию и только 2,5 % являлись или планируют вступить в политическую партию. Отчасти их выбор они связывают с возможностью карьерного роста. Проведенный экспертный опрос среди российских политологов подтверждает рост абсентеизма в современной России. В российском обществе есть объективная потребность в формировании политической культуры не только при активизации органов государственной власти, но и широкого круга институтов гражданского общества. Трансформация партийной системы удовлетворяет, прежде всего, правящий класс заинтересованный в максимальном сохранении властных полномочий [5].

Полагаем, что либерализация партийного законодательства, как и партийного строительства, имела бы более взвешенный характер и ощутимые положительные последствия, если бы законодатель не бросался бы в крайности, как это произошло при принятии новой редакции закона «О политических партиях» от 2 апреля 2012 г., а просто-напросто вернулся законодательным путём к реализации первоначального проекта закона, когда была установлена численность всякой политической партии в 10 тысяч человек. Считаем, что данный шаг к либерализации и оживлению процесса партийного строительства был бы встречен с удовлетворением и пониманием как «старыми», так и «новыми» политическими партиями. На этой основе процесс партийного строительства не являл бы собой чисто популистский заход и обеспечил поддержку со стороны большинства партийных структур.

Литература

1. Буренко В.И., Предыбайлов С.М. Парламентаризм и политическое представительство // PolitBook. 2013. №3.

2. Буренко В.И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №17.

3. Доклад Фонда развития гражданского общества «Российская партийная система: текущее состояние и перспективы развития». URL: 02.12.2013.http://civilfund.ru/mat/view/42. (дата обращения 01.08.2015)

4. Златанов Б.Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1.

5. Ирхин Ю.В. Политические элиты вчера, сегодня, завтра // Социально-гуманитарные знания. 2008. №2.

6. Любарев А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалёвой. М., 2012.

7. Матвеенко Ю.И. Модернизация: теория и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. №1-1.

8. Морозова Е.Г. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт // Выборы: Законодательство и технологии. 2001. №2.

9. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5979 (дата обращения 01.08.2015).

10. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 22 декабря 2011 года, URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/14088 (дата обращения 01.08.2015)

11. Послание Президента РФ В.И. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения 01.08.2015).

12. Российская газета (Федеральный выпуск) №6676 от 12 мая 2015 г. URL: http//www.rg.ru/gazeta/rd/2015/05/19.html (дата обращения 01.08.2015).

13. Сковиков А.К. Политические партии и молодежь: диалог взаимодействия в развитии гражданского общества // Евразийский юридический журнал. 2015. №5(84).

14. Сковиков А.К. Политические партии как акторы формирования гражданского общества // Евразийский юридический журнал. 2014. №10(77).

15. Стенограмма заседаний Государственной Думы РФ от 7 февраля 2001 г. URL: http//www/akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/02/s07-02_d/htm (дата обращения 01.08.2015).

16. Тимошенко В.И. Политические партии современной России как активный и профессиональный «носитель» и «производитель» политических идеологий: теоретические и практические аспекты (Часть вторая) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. №1.

17. Тимошенко В.И. Политические партии современной России как активный и профессиональный «носитель» и «производитель» политических идеологий: теоретические и практические аспекты (Часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. №6.

18. Тимошенко В.И. «Единая Россия» - партия «правого центра» // Социология власти. 2006. №1.

19. Тимофеева Л.Н. «Партия власти» в России как политический медиатор // Социология власти. 2006. №1.

20. Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. N28-ФЗ О внесении в Федеральный закон «О политических партиях». URL: http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html (дата обращения 01.08.2015).

21. Федеральный Закон РФ «О политических партиях»: Редакция закона от 20 декабря 2004 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №52. Ст. 5272.

22. Федеральный Закон РФ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №29. Ст. 2950.

23. Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. 2006. №1.

24. Шабров О.Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. 2014. №4.

25. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // Youth World Politic. 2013. №1.

26. Shumilov A.V. Manipulation of results of elections in «young democrats» // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2013. Т. 18. №2-3(18).

References

1. Burenko V.I., Predybailov S.M. Parlamentarizm i politicheskoe predstavitel'stvo. PolitBook. 2013. №3.

2. Burenko V.I. O politicheskoi modernizatsii v sovremennoi Rossii v kontekste osobennostei ee pravyashchego klassa. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. №17.

3. Doklad Fonda razvitiya grazhdanskogo obshchestva «Rossiiskaya partiinaya sistema: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya». URL: 02.12.2013.http://civilfund.ru/mat/view/42. (data obrashcheniya 01.08.2015)

4. Zlatanov B.G. Osobennosti modernizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №1.

5. Irkhin Yu.V. Politicheskie elity vchera, segodnya, zavtra. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2008. №2.

6. Lyubarev A.E. Perspektivy razvitiya partiinoi sistemy v svete politicheskikh reform 2012 g. Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Yu.G. Korgunyuka i G.M. Mikhalevoi. M., 2012.

7. Matveenko Yu.I. Modernizatsiya: teoriya i sovremennost'. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2012. №1-1.

8. Morozova E.G. Izbiratel'nye tekhnologii: rossiiskii i zarubezhnyi opyt. Vybory: Zakonodatel'stvo i tekhnologii. 2001. №2.

9. Poslanie Prezidenta RF D.A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii 12 noyabrya 2009 goda. URL: http://archive.kremlin.ru. (data obrashcheniya 01.08.2015).

10. Poslanie Prezidenta RF D.A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii 22 dekabrya 2011 goda, URL: http://archive.kremlin.ru. (data obrashcheniya 01.08.2015).

11. Poslanie Prezidenta RF V.I. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii 12 dekabrya 2012 goda. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (data obrashcheniya 01.08.2015).

12. Rossiiskaya gazeta (Federal'nyi vypusk) №6676 ot 129 maya 2015 g. URL: http//www.rg.ru/gazeta/rd/2015/05/19.html/ (data obrashcheniya 01.08.2015).

13. Skovikov A.K. Politicheskie partii i molodezh': dialog vzaimodeistviya v razvitii grazhdanskogo obshchestva. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №5(84).

14. Skovikov A.K. Politicheskie partii kak aktory formirovaniya grazhdanskogo obshchestva. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2014. №10(77).

15. Stenogramma zasedanii Gosudarstvennoi Dumy RF ot 7 fevralya 2001 g. URL: http//www/akdi.ru/gd/PLEN_Z/2001/02/s07-02_d/htm (data obrashcheniya 01.08.2015)

16. Timoshenko V.I. Politicheskie partii sovremennoi Rossii kak aktivnyi i professional'nyi «nositel'» i «proizvoditel'» politicheskikh ideologii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty (Chast' vtoraya) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2007. №1.

17. Timoshenko V.I. Politicheskie partii sovremennoi Rossii kak aktivnyi i professional'nyi «nositel'» i «proizvoditel'» politicheskikh ideologii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty (Chast' pervaya) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2006. №6.

18. Timoshenko V.I. «Edinaya Rossiya» – partiya «pravogo tsentra». Sotsiologiya vlasti. 2006. №1.

19. Timofeeva L.N. «Partiya vlasti» v Rossii kak politicheskii mediator. Sotsiologiya vlasti. 2006. №1.

20. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 2 aprelya 2012 g. N28-FZ O vnesenii v Federal'nyi zakon «O politicheskikh partiyakh». URL: http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html (data obrashcheniya 01.08.2015).

21. Federal'nyi Zakon RF «O politicheskikh partiyakh»: Redaktsiya zakona ot 20 dekabrya 2004 g. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2004. №52. St. 5272.

22. Federal'nyi Zakon RF «O politicheskikh partiyakh». Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. №29. St. 2950.

23. Shabrov O.F. Partogenez i partiinye sistemy: parametry, klassifikatsiya, rossiiskaya real'nost'. Sotsiologiya vlasti. 2006. №1.

24. Shabrov O.F. Modernizatsiya v usloviyakh globalizatsii: podkhody, bar'ery, potentsial. PolitBook. 2014. №4.

25. Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests. Youth World Politic. 2013. №1.

26. Shumilov A.V. Manipulation of results of elections in «young democrats». Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki. 2013. T. 18. №2-3(18).

К.К. Маликов

K. Malikov

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ТАДЖИКИСТАН: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: THE WAYS TO INTERACTION AND COOPERATION

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления развития и расширения евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Проводится комплексный анализ возможностей и перспектив участия Таджикистана в евразийском проекте. На основе проведенного исследования, автор считает целесообразным продолжить дальнейшую работу по изучению экономического эффекта и последствий от присоединения Таджикистана к ЕАЭС, как для самого Таджикистана, так для государств-членов Союза. Аргументирована позиция, что развитие энергетической отрасли предоставит возможность Таджикистану решить дефицит электроэнергии, а в будущем стать влиятельным актором в формировании единого энергетического рынка в Центральной и Южной Азии. Автор приходит к выводу об обоюдной заинтересованности игроков друг в друге как политически так и экономически.

Ключевые слова:

интеграция, экономический эффект, суверенитет, Евразийский экономический союз, Таджикистан, национальная экономика, модернизация, кооперация.

Abstract

This article deals with the mainstream direction of the development and enlargement of the Eurasian integration on the post-soviet territory. Deep analysis of possibilities and prospects of Tajikistan participation in Eurasian project has been made. According to detailed research, the author considers it necessary to continue further work to study economic effects and benefits in joining Tajikistan to EEU. It would be mutually beneficial for all sides. The position is reasoned that development of power branch will give opportunity to Tajikistan to solve deficiency of the electric power, and in the future to become the influential actor in formation of the uniform energy market in the Central and the Southern Asia. The author concludes that the mutual interest of the players in each other both politically and economically.

Key words:

integration, economic effect, sovereignty, Eurasian Economic Union, Tajikistan, National Economy, modernization, cooperation.

В декабре 1991 г. в Вискулях, главы Беларуссии, РСФСР и Украины заявили, что СССР прекращает свое существование как субъект международного права и подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

С этого периода начинаются непростые процессы становления новых суверенных государств. «Для каждого нового государства стремление к обретению полноценного экономического и политического суверенитета стало важнейшим приоритетом. Но, заботясь о суверенитете, никто из здравомыслящих политиков не ставил под сомнение необходимость сохранения и развития на новой основе исторических связей между народами бывшего Советского Союза» [6, с. 9]. Об этом свидетельствуют многочисленные попытки создания на постсоветском пространстве различных интеграционных образований.

При этом важным мотивационным фактором взаимной притягательности послужили «высокий уровень взаимных кооперационных связей в самых разных отраслях национальных экономик новых независимых государств: в промышленности и сельском хозяйстве; транспорте и энергетике» [1, с. 12], а также общее социальное и гуманитарное пространство.

В течение долгого времени шаги «направленные на развитие экономических связей, были точечными и хаотичными, не носили системный характер, а целостное, стратегическое видение перспектив в тот момент лишь начинало вырабатываться и понимания того, на какой новой основе необходимо выстраивать взаимовыгодные экономические отношения, в тот момент не было [12; 13]. Не реализовались, в том числе, и перспективные соглашения в торгово-экономической сфере и в таможенной политике, предусматривающие устранение возникших торгово-экономических барьеров, обеспечение свободного движения товаров и проведение согласованной таможенной политики» [5, с. 115].

Несмотря на сложные условия хозяйствования, бывшие советские республики, готовые к более тесному экономическому взаимодействию, продолжили поиск новых форматов интеграции.

В 1995 г. Россия и Белоруссия предприняли первую попытку создании Таможенного союза. К середине 1996 г. к ним присоединились Казахстан и Киргизия, а в 1999 г. – Таджикистан.

В 2000 г. в целях перевода сотрудничества упомянутых стран на качественно новый уровень, был подписан договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС). В рамках ЕврАзЭС были достигнуты многочисленные успехи по сохранению и развитию существующих экономических взаимосвязей между странами.

Успех в рамках ЕврАзЭС был использован в качестве трамплина для более высокой ступени интеграции. Страны, которые в 2007 г. оказались готовы идти дальше – Белоруссия, Казахстан и Россия, подписали Договор о создании

единой таможенной территории и формировании Таможенного союза. Расчет был сделан на то, что другие государства - члены ЕврАзЭС присоединятся, когда будут готовы.

В 2010 году начал функционировать Таможенный союз (далее – ТС) Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, в рамках которого были установлены: единый таможенный тариф, единая номенклатура внешнеэкономической деятельности и действует Таможенный кодекс.

С 1 июля 2011 года полностью снят таможенный контроль на внутренних границах государств-участников, завершено формирование единой таможенной территории. Параллельно был начат процесс подготовки договорно-правовой основы формирования Единого экономического пространства и к концу 2011 года был подписан пакет из 17 базовых соглашений, формирующих Единое экономическое пространство (далее – ЕЭП). Эти соглашения вступили в силу с 1 января 2012 года, что положило начало работы ЕЭП Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации с рынком в более чем 170 млн. потребителей, унифицированным законодательством, свободным передвижением товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Успешное функционирование ТС и ЕЭП позволило начать работу по переходу к следующему, более высокому этапу интеграции - Евразийскому экономическому союзу.

В период с 2012 по 2014 гг. экспертами проделана большая работа по подготовке Договора о Евразийском экономическом союзе (далее - ЕАЭС).

29 мая 2014 г. президенты Беларуси, Казахстана и России подписали Договор о ЕАЭС. Он успешно прошел процедуру ратификацию в национальных парламентах и вступил в силу 1 января 2015 г.

Договором учреждается экономический союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим документом и международными договорами в рамках Союза. Союз открыт для присоединения новых членов.

В октябре 2014 г. был подписан Договор о присоединении Армении к Договору о ЕАЭС, который вступил в силу 2 января 2015 г. Также завершена работа по присоединению к ЕАЭС Кыргызстана. 23 декабря 2014 г. главами государств был подписан Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС. 8 мая 2015 г. президенты подписали три протокола к данному договору, а также решения об отмене таможенного и иных видов контроля на

кыргызско-казахстанском участке границы. После ратификации Договора и протоколов к нему национальными парламентами, Кыргызская Республика станет полноправным членом ЕАЭС.

Эффективность евразийской интеграции уже подтверждают результаты работы ТС и ЕЭП. Сотрудничество стран-членов способствовало улучшению общей экономической ситуации и обеспечило более комфортные условия ведения бизнеса. Притом, что это происходило на фоне ухудшения мировой конъюнктуры и продолжения глубокого кризиса, особенно в Еврозоне.

Доля стран Союза в мировой экономике (ВВП по паритету покупательной способности) в последнее время имеет тенденцию к росту с 2,6% в 2010 году до 3,9% в 2014 г. При этом Россия, Казахстан и Беларусь вместе составляют лишь 2,4% населения Земли.

За период 2010-2014 гг., прирост ВВП стран-членов Союза составил 16,5% (6,3% в ЕС и 11,6% в США).

Рост взаимной торговли между странами-членами ЕАЭС за этот период составил 21,9%, оборот внешней торговли – 26,5%. Однако до 2014 года взаимная торговля росла быстрее, чем внешняя (36,9% против 35,9%). Если в экспорте ЕАЭС в третьи страны доля минеральных товаров и ТЭК занимает более 73%, то во взаимной торговле – около 30%. Ещё одна позиция – машины и оборудование. Если во внешней торговле они занимают только 2,8%, то во взаимной торговле – более 20%.

Заметные экономические результаты происходящей интеграции стали стимулом для большого интереса со стороны многих государств. К настоящему моменту получено значительное число запросов от третьих стран об установлении зоны свободной торговли с ЕАЭС. Заключено соглашение о зоны свободной торговли с Вьетнамом. Сформированы совместные исследовательские группы по изучению возможности и целесообразности заключения аналогичных соглашений с Египтом и Израилем, а также формируется совместная исследовательская группа с Индией.

Подписано более 25 меморандумов о сотрудничестве и взаимодействии, включая международные организации, представительства, как иностранных государств, так и таких структур, как СНГ, Европейская экономическая комиссия ООН, ЮНКТАД и др.

Среди стран потенциальных кандидатов на присоединение к ЕАЭС особое место занимает Республика Таджикистан, как активный участник в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и др.

Все страны – члены ЕАЭС имеют тесные связи с Таджикистаном. Это прослеживается по всем направлениям экономического сотрудничества: торговля товарами и услугами, движение капиталов и рабочей силы.

Таджикистан всегда активно участвовал в интеграционных процессах на пространстве СНГ: организации договора коллективной безопасности, СНГ, Шанхайской организации сотрудничества; Евразийского экономического сообщества.

В октябре 2014 года впервые публично заинтересованность Таджикистана о вступлении в ЕАЭС высказал Президент Э. Рахмон на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС, говоря о необходимости изучения экономической базы и правовых документов Евразийского экономического союза.

Сегодня, возможность вступления в ЕАЭС активно изучается Таджикистаном. При Министерстве экономического развития и торговли образована рабочая группа, которая изучает возможное присоединение Таджикистана к ЕАЭС и все последствия от этого.

Плюсы и минусы евразийского вектора интеграции также активно обсуждаются таджикскими экспертами, которые разделились на два лагеря: сторонники и противники.

Экспертами-сторонниками образован Центрально-Азиатский экспертный клуб «Евразийское развитие», целью которого является «консолидация усилий экспертного сообщества Таджикистана, России и других стран Евразии для выработки и реализации проектов и программ евразийского развития» [4]. Ими проводится тщательная работа по оценке всех последствий для Таджикистана от евразийской интеграции. «В вопросе о присоединении Душанбе к Евразийскому экономическому союзу ставят ключевые аналитические задачи, решение которых, по их мнению, необходимо для практического продвижения данного вопроса в интересах совместного развития Таджикистана и стран, входящих в ЕАЭС» [11]: Эксперты считают, что «Таджикистан способен участвовать в новом формате интеграции, однако для этого должно быть достигнуто политическое соглашение о взаимной заинтересованности и взаимных гарантиях выполнения обязательств в рамках интеграционного процесса» [4].

С их точки зрения наиболее чувствительные вопросы, на которых должно быть сконцентрировано внимание при выработке переговорной позиции Душанбе по вопросу присоединения к ЕАЭС, следующие:

- реализация в рамках ЕАЭС программы развития в Таджикистане реального сектора экономики и совместной индустриализации по образцу деятельно-

сти Российско-Кыргызского фонда развития и создание Корпорации сотрудничества со странами Центральной Азии;

- реализация инфраструктурных проектов, прежде всего, создание прямого (непрерывного) железнодорожного сообщения Таджикистана с другими странами ЕАЭС (через территорию Кыргызстана);

- реализация интересующих Душанбе энергетических проектов и преодоление противоречий с Узбекистаном;

- положительное решение вопроса о статусе мигрантов из Таджикистана в странах ЕАЭС и гармонизация рынков труда;

- компенсация неизбежных краткосрочных потерь Таджикистана в части таможенных пошлин, оказание поддержки в сфере технического регулирования, реорганизации работы таможенного ведомства и в других аспектах;

- решение вопросов правового статуса пограничья и таможенного администрирования совместной границы Таджикистана и Кыргызстана;

- реализация транзитного потенциала Таджикистана в отношениях с Китаем в рамках ЕАЭС;

- развитие туристической отрасли Таджикистана в рамках ЕАЭС [4].

Противоположную точку зрения высказывают эксперты-противники вступления Таджикистана в ЕАЭС. Они выражают обеспокоенность тем, что «в общей доле импорта товаров в Таджикистан помимо стран Таможенного союза, большую долю занимают Китай, Турция, Иран, ОАЭ. Получается, что все товары, импортируемые из других стран, автоматически подорожают, потому что таможенные тарифы Союза намного превышают таможенные тарифы в Таджикистане. В результате стремительно возрастут цены на подержанные автомобили, бытовую и компьютерную технику, стройматериалы, одежду, обувь и много другое» [7].

Думается, что, в целом, членство в ЕАЭС будет иметь для Таджикистана больше плюсов, чем минусов, хотя это может потребовать серьезных переговоров об условиях вступления Таджикистана. К числу которых можно отнести следующее:

1. Доступ на рынок в более чем в 175 млн. человек, где: гарантируются свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; отсутствует таможенный контроль, действуют единые правила санитарного, фитосанитарного и ветеринарного контроля, применяется единая система технического регулирования.

2. Рост взаимной торговли за счет ликвидации административных и торговых барьеров. Страны ЕАЭС занимают лидирующее положение во внешнеторговых отношениях Таджикистана, где первое место принадлежит России с долей 24%, второе - Китаю (14,6%), третье - Казахстану (13,9%).

Особенно ожидается рост торговли в аграрном секторе. Это связано с диверсификацией импорта продуктов в связи с запретом на ввоз продовольствия из стран, которые ввели экономические санкции против России. Кроме того, были сняты ограничения на импорт некоторых таджикских продуктов. Таджикистан, конкурентоспособен в этой отрасли и может экспортировать хлопок-волокно, фрукты и овощи в страны ЕАЭС. При создании условий для хранения продукции на территории стран – членов ЕАЭС, в частности, Таджикистан в состоянии увеличить поставки своей продукции в Россию до 1 млн. тонн в год.

3. Повышение инвестиционной привлекательности Таджикистана и увеличение потоков прямых иностранных инвестиций (инвестиции в инфраструктурные проекты, прежде всего гидроэнергетику). Сейчас активно осуществляется инвестиционное сотрудничество стран-членов ЕАЭС с Таджикистаном. Россия, например, по итогам 2014 года находится на втором месте, уступая лишь Китаю, от объема всех прямых инвестиций. По накопленным инвестициям Россия – ведущий инвестор.

4. Доступ к дешевым энергетическим ресурсам (нефтепродукты и газ). Таджикистан в 2014 году импортировал около 580 тыс. тонн нефтепродуктов. Основным поставщиком нефтепродуктов остается Россия, на которую в 2014 году приходилось почти 90% от общего объема импортированных ГСМ, Казахстан (8,4%). По оценкам экспертов, от снятия экспортных пошлин на поставляемые в Таджикистан нефтепродукты выгода составляет примерно от 350 - 400 млн. американских долларов;

5. Реализация экспортных гидроэнергетических проектов. Таджикистан занимает восьмое место в мире по запасам гидроэнергоресурсов. Из потенциально возможных к освоению 527 млрд. кВт ч. использует всего около 16-17 млрд. кВт ч. (менее 5%). Специалистами подсчитано, что в настоящее время от полумиллиона до более одного миллиона из 8,3 млн. населения республики в зимнее время не имеют доступа к адекватному энергоснабжению.

Развитие энергетической отрасли предоставит возможность Таджикистану решить дефицит электроэнергии у себя, и играть ведущую роль в формировании единого энергетического рынка, как Союза, так и Центральной и Южной Азии.

Достаточно сравнить цены на электроэнергию в Таджикистане и в других странах и получить доказательство конкурентоспособности таджикской дешевой экологически чистой электроэнергии, которая вырабатывается на ГЭС. В России, Казахстане и других странах Союза электричество в основном получают на тепловых станциях, сжигая топливо, что в несколько раз увеличивает его стоимость.

Увеличение производства электроэнергии за счет строительства новых ГЭС, особенно Рогунской, а также строительство системы линий электропередач CASA-1000 «позволит гидроэнергетические ресурсы Таджикистана передавать и продавать летний избыток энергодефицитным странам Южной Азии, Афганистану и Пакистану. При реализации этих проектов у стран-членов ЕАЭС, в первую очередь у России появится шанс через участие в этих проектах прийти на энергетический рынок Южной Азии» [4].

6. Решение транспортной изоляции республики. Для Таджикистана, который является развивающейся страной, не имеющей выхода к морю, решение проблемы транспортно-коммуникационной изоляции имеет жизненно важное значение. Создание надежных и безопасных транспортных коридоров, обеспечивающих наименьшие издержки при транспортировке, будет содействовать ускорению темпов социально-экономического развития не только Таджикистана, но и всего региона [10]. Участие стран ЕАЭС в реализации таких проектов как железные дороги Иран-Китай через территории Афганистана, Таджикистана, Киргизии и Туркменистан-Афганистан-Таджикистан выведут Таджикистан из логистического тупика.

7. Свободное перемещение рабочей силы по территории ЕАЭС. Положительные изменения коснутся и простых граждан. Открывается доступ к единому рынку труда. Договор о ЕАЭС направлен на объединение трудовых ресурсов государств-членов Союза, а также на создание и эффективное функционирование общего рынка труда. В частности, Договор гарантирует гражданам государств-членов ЕАЭС необходимый набор социальных и медицинских прав. Не требуется получение разрешения на осуществление своей деятельности на территории стран-ЕАЭС. Также Договором предусмотрены единые условия налогообложения доходов физических лиц с первых дней работы по найму. Свободное движение рабочей силы позволит снизить уровень безработицы в республике.

По данным Евразийского банка развития, участие Таджикистана в ЕАЭС приведет к увеличению, как потока трудовых мигрантов, так и их доходов. Заработки мигрантов могут вырасти примерно на 15-50 процентов. Ежегодно

свыше одного миллиона граждан Таджикистана выезжают в поисках работы в различные регионы РФ. По неофициальной информации порядка 47 % от ВВП приходится на денежные переводы из России.

Таким образом, можно отметить, что ЕАЭС открыт к диалогу. Одной из целей ЕАЭС является всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [14]. Поиск путей взаимодействия ЕАЭС с Таджикистаном в перспективных направлениях сотрудничества повысит инвестиционную привлекательность республики и создаст предпосылки для начала переговорного процесса по присоединению к ЕАЭС. В свою очередь, возможное присоединение Таджикистана к Союзу позволит последовательно прорабатывать и решать существующие социально-экономические проблемы.

Литература

1. Годовой отчет. Библиотека Евразийской интеграции. М., 2012.

2. Договор о Евразийской экономической комиссии. М., 2014.

3. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. М., 2014.

4. Евразийская интеграция Таджикистана: дорожная карта для экспертного сообщества URL: http://eurazvitiye.org/files/Evrazijskaja-integracija-Tadzhikistana.pdf (дата обращения 07.08.2015).

5. Евразийскому проекту 20 лет. М., 2014.

6. ЕврАзЭС: экономическое притяжение. М., 2005.

7. Ишанкулов Н. Таможенный союз напоминает «реинкарнацию» СССР. URL: http://news.tj (дата обращения 07.08.2015).

8. Камышевский В.И. Кыргызстан и таможенный союз ЕврАзЭС: особенности вступления и возможные последствия // Евразийский юридический журнал. 2010. №5.

9. Мансуров Т.А. Евразийская экономическая интеграция: опыт и перспективы. М., 2014.

10. Рахмон Э. «Цели развития Тысячелетия: достижения в Таджикистане. URL: http://khovar.tj (дата обращения 07.08.2015).

11. Собянин А. Интеграция Таджикистана: дорожная карта для экспертного сообщества. URL: http://conjuncture.ru/maitdinova-19-11-2014/ (дата обращения 07.08.2015).

12. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении и политике // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. №5.

13. Шабров О. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. №2.

14. Шабров О.Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. 2014. №4.

References

1. Godovoi otchet. Biblioteka Evraziiskoi integratsii. M., 2012.

2. Dogovor o Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii. M., 2014.

3. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz. Voprosy i otvety. M., 2014.

4. Evraziiskaya integratsiya Tadzhikistana: dorozhnaya karta dlya ekspertnogo soobshchestva URL: http://eurazvitiye.org/files/Evrazijskaja-integracija-Tadzhikistana.pdf (data obrashcheniya 07.08.2015).

5. Evraziiskomu proektu 20 let. M., 2014.

6. EvrAzES: ekonomicheskoe prityazhenie. M., 2005.

7. Ishankulov N. Tamozhennyi soyuz napominaet «reinkarnatsiyu» SSSR. URL: http://news.tj (data obrashcheniya 07.08.2015).

8. Kamyshevskii V.I. Kyrgyzstan i tamozhennyi soyuz EvrAzES: osobennosti vstupleniya i vozmozhnye posledstviya. Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2010. №5.

9. Mansurov T.A. Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: opyt i perspektivy. M., 2014.

10. Rakhmon E. «Tseli razvitiya Tysyacheletiya: dostizheniya v Tadzhikistane. URL: http://khovar.tj (data obrashcheniya 07.08.2015).

11. Sobyanin A. Integratsiya Tadzhikistana: dorozhnaya karta dlya ekspertnogo soobshchestva. URL: http://conjuncture.ru/maitdinova-19-11-2014/ (data obrashcheniya 07.08.2015).

12. Shabrov O.F. Standarty kachestva v gosudarstvennom upravlenii i politike. Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2009. T. 2. №5.

13. Shabrov O. Ispytanie raznoobraziem: predely upravleniya v sovremennom mire. Gosudarstvennaya sluzhba. 2007. №2.

14. Shabrov O.F. Modernizatsiya v usloviyakh globalizatsii: podkhody, bar'ery, potentsial. PolitBook. 2014. №4.

А.А. Горбачев

A. Gorbachev

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

COUNTERING THREATS TO NATIONAL SECURITY - THE SPECIFICS OF POST-SOVIET STATES

Аннотация

В статье рассматривается проблема национальной безопасности на постсоветском пространстве. Исследуются различные подходы к определению термина «безопасность». Выделяется экономическая безопасность, как элемент национальной безопасности. Исследуются зависимости экономической безопасности от различных факторов. Выделяется взаимосвязь экономической безопасности и таких факторов как уровень безработицы, объем государственного долга (% к ВВП), международные кредитные рейтинги государства, доступ к финансовым рынкам. Демонстрируется связь между экономической безопасностью и социальной напряженностью в государстве. Показывается, что социальное неравенство, имущественное расслоение общества, ведут к росту социальной напряженности и нарушению стабильности общественной системы. Предлагаются методы повышения уровня экономической безопасности.

Ключевые слова:

национальная безопасность, постсоветские государства, политический процесс, экономическая безопасность.

Abstract

In the article the problem of national security in the post-Soviet space. Examines various approaches to the definition of "security". Allocated economic security, as an element of national security. Dependences of economic security on various factors. Stands out the relationship of economic security and factors such as unemployment, public debt (% of GDP), the international credit ratings of the state, access to financial markets. Demonstrates the link between economic security and social tension in the state. It is shown that social inequality, stratification of society, leading to increased social tensions and instability of the social system. Suggests methods of increasing the level of economic security.

Key words:

national security, post-soviet states, economical security.

Глубокие социально-политические изменения за последние два с половиной десятилетия на территории бывшего советского государства позволяют иначе взглянуть на концепцию национальной безопасности на постсоветском пространстве. Несмотря на значительное советское прошлое, сам концепт «национальной безопасности», подходы к нему, степень реализации стратегий «национальной безопасности» государств,

входящих в свое время в состав одной из сверхдержав мира, требует уточнения, а зачастую и переосмысления. На разных стадиях демократический и правовой транзит в бывших республиках [15, с. 2]. Опыт постсоветских республик существенно отличается, как и степень успешности в национальных стратегий «безопасности» государства. Вопросу специфики национальной безопасности на постсоветском пространстве и посвящено данное исследование. Начать исследование полагаем целесообразным с уточнения термина «безопасность» в контексте государства.

Прежде всего, отметим, что существуют разные подходы к понятию «безопасность», как в контексте государства, так и в более широком смысле. Так, рассматривая понятие «безопасность», А.В. Жаглин выделяет его социальный и субъективный аспект. В частности, он отмечает, что безопасность суть явление исключительно социальное, поскольку отражает отношение человека к окружающему миру [1]. Нам данное мнение представляется спорным, особенно в контексте личной безопасности. Другой взгляд предлагает А.В. Степанов. Исследуя понятия «безопасность» и «национальная безопасность», ученый рассматривает их, как «… состояние защищенности страны, при котором обеспечиваются развитие личности, общества и государства и защита национальных интересов от внутренних и внешних угроз» [8, с. 76]. Действительно, понятие безопасности противоположно понятию угрозы и соотносимо, тождественно понятию защищенности. Отметим, что ряд угроз, являются объективными явлениями, и не зависят от субъективного отношения к ним. Кроме того, по нашему мнению, понятие «безопасность» включает активные профилактические действия в отношении тех или иных явных, а также, потенциальных угроз. Фактически в разных контекстах справедливо понимать «безопасность» как отношение, как состояние, как процесс.

Если угрозы носят государственный, национальный характер, целесообразно говорить о «национальной безопасности» или «общественной безопасности». Д.А. Толстиков разводит понятия безопасности «личной» и «общественной», как состояния контролируемой опасности одним человеком или группой лиц [10, с. 104]. Отметим также, что «общественная безопасность» может вступать в конфликт интересов с безопасностью «локальной», «личной». Это так, поскольку, несмотря на то, что общество есть совокупность отдельных личностей интересы безопасности общества могут вступать в противоречия с интересами личной безопасности.

Например, действия в поддержку отечественного производителя сельскохозяйственных товаров путем ввода санкций на импортную продукцию могут рассматриваться частью общества как угроза его локальной экономической безопасности, поскольку данные действия приведут к росту цен на фермерскую продукцию, а значит к снижению покупательской способности населения на продолжительный период времени. Выигрыш от поддержки национального производителя при этом может расцениваться как незначительный. Таким образом, проблема «экономической безопасности» на постсоветском пространстве в связи с существенным изменением социально-экономических связей представляется нам крайне актуальной.

Вместе с тем, наряду с экономической безопасностью, М.А. Родионовский среди угроз на постсоветском пространстве также выделяется: угроза демографического плана, а также «… неравномерная заселенность территории, деградация населения, девальвация религиозных ценностей, экспансия исламского фундаментализма» [215, с. 104]. Однако, профессор А.Г. Караткевич справедливо усматривает взаимосвязь угроз экономического и социального плана. Он отмечает, что социальное «… неравенство воспроизводится в политическом и правовом неравенстве, которое, в свою очередь, воздействует на экономические и социальные отношения… Социальное неравенство, имущественное расслоение общества, как правило, ведут к росту социальной напряженности и нарушению стабильности общественной системы, особенно в переходный период» [2, с. 90]. В случае социально-экономического кризиса и внешнего давления на страну, в том числе в виде международных санкций, социальная напряженность может развиться в массовый социальный протест, а в максиме и политический кризис. Мы солидарны с А.М.Е. Сеииед, Й.Е. Сеииед, Х. Хусеин, М. Хусеин в том, что при определенных внутренних и международных факторах этот кризис может вылиться в «цветную революцию» [14, с. 258]. Так называемые «бархатная», «цветочная», «оранжевая» и прочие революции базировались, в том числе и на социально-экономических условиях в стране прохождения. В целом, мы полагаем, что социальное неравенство в обществе является существенной угрозой национальной безопасности в стране.

Рассматривая экономическую безопасность, как один из факторов безопасности «национальной» согласимся с исследователем Э.В. Хлыниным, выделяющим такие компоненты экономической безопасно-

сти, как «… конкурентоспособность (по образцу США и КНР), устойчивое развитие (по образцу Швеции), потенциальные угрозы и вызовы (по образцу России и Японии)». Вместе с тем, полагаем, что одним из значимых факторов национальной безопасности постсоветских государств является экономическая стабильность. Экономики этих стран пережили существенную трансформацию, часто вместе с экономическим кризисом, поэтому экономические потрясения в этих стран отрицательно влияют на общий уровень угроз. Согласимся с А.Г. Караткевичем, что «опыт изменений в постсоветских государствах и странах Восточной Европы показал, что прочность этих систем, в конечном счете, зависела от успеха их экономической системы… высоких темпов экономического роста, отсутствие резко выраженных диспропорций в распределении доходов граждан» [2, с. 92]. Экономическая стабильность минимизирует угрозу социальной напряженности, а значит, существенно снижает риск политического кризиса, в конечном счете, существенно влияя на национальную безопасность страны.

Развивая понятие «национальной безопасности», исследователь Е.А. Терешина полагает, что большинство «… стран постсоветского пространства при формировании своей государственной стратегии развития стали делать ставку на приоритет национальных интересов. Национальные интересы определяются постоянным стремлением государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» [9, с. 28]. Необходимо уточнить, что в полиэтничных государствах защита национальных интересов может подменяться защитой одного этноса в ущерб другом. Зачастую это может носить явно дискриминационный характер. В частности, по мнению Р.В. Нуркаева: «Дискриминация русских в странах ближнего зарубежья стала непременным атрибутом национального самоутверждения на постсоветском пространстве, особенно в прибалтийских странах. Постановка «русского вопроса» на территории бывших советских республик была связана с объективным противоречием между недавним статусом русских, выполнявших государствообразующую функцию в СССР, и их новым положением этнического, зачастую дискриминируемого меньшинства в новых независимых государствах» [5, с. 90]. В ряде случаев дискриминация может принимать агрессивные формы и приводить к серьезным военным конфликтам, что напрямую влияет на национальную безопасность не только участвующих в конфликте стран, но также на безопасность в регионе в целом.

Вместе с тем, Е.А. Терешина справедливо отмечает, что «… социально- экономическое и политическое развитие каждого государства в регионе обусловливается его историческим, культурным, этническим, религиозным происхождением. Дополнением к этому являются и природно-географические основы жизнедеятельности населения. Безусловно, все названные положения учитываются при определении курса развития любой страны» [9, с. 28]. Мы полагаем, что, учитывая общее советское прошлое стран, говорить о культурной, этнической и религиозной обусловленности специфики развития государств не представляется возможным. Влияние же природно-географического фактора в большей степени выражается в специфике и направленности экономики, чем политическом режиме. Основными же определяющими факторами в политическом курсе данных стран, по нашему мнению являются экономические отношения со странами-соседями, этнический состав населения, интерес ТНК к данным странам. Рассмотрим данные позиции более подробно.

В первом приближении выделим страны с низкой безработицей (менее 5%), умеренной (5-6,5%) и высокой (более 6,5%). Умеренная безработица, также называемая «естественной» соответствует полной занятости населения. При низком уровне безработицы замедляется экономический рост и развитие, при высоком ресурсы используются неэффективно. В этом случае государство расходует часть средств на пособия по безработице. Если собственных средств не хватает – используются «заимствованные». Последние зависят от кредитного рейтинга государства и действующих в отношении него санкций. Чем больше долг государства – тем тяжелее нагрузка на его граждан. Безопасным по классификации Международного банка считается долг не более 50% от ВВП. Страны с высокими долгами и отрицательными кредитными рейтингами не смогут выполнять свои обязательства по социальной поддержке безработных. Их экономическая безопасность будет под угрозой. А значит и социальная. Таким образом, нами выделены семь стран постсоветского пространства с высокой безработицей (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Эстония, Украина, Киргизия). [16] При этом во всех странах внешний долг превышает 50% от ВВП. Особенно, критична ситуация для Грузии, Киргизии и Украины, где на ряду с высоким внешним долгом (более двух третей ВВП) «запретительные» кредитные рейтинги, фактически международное сообщество считает эти страны неплатежеспособными. Несколько лучше

обстоит ситуация у Армении, где бремя долга составляет 51% ВВП и прогноз рейтинга страны, несмотря на высокую безработицу, положительный [12; 7] Фактически можно говорить о том, что Грузия, Киргизия и Украина лишены экономического суверенитета, и уровень жизни там будет падать. Для оценки уровня жизни применим измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала. (ИРЧП, ИЧР) Для Киргизии со среднем ИЧР это менее критично (ИЧР – 0,628; граница 0,698), чем для Грузии с Украиной, где ИЧР исторически высокий. (Грузия – 0,744; Украина – 0,734) [12] Иными словами, требования населения к государству в плане социальных обязательств существенно выше. Фактически же, экономическая безопасность семи стран: Армения, Грузия, Латвии, Литва, Киргизия, Украина, Эстония обеспечивается в недостаточной мере, в случае изменения экономической конъюнктуры эти страны потеряют экономический суверенитет. Для стран Балтии с очень высоким ИЧР (Литва – 0,834; Эстония – 0,84, Латвия – 0,81), являющихся членами Евросоюза это может стать началом социально-экономического кризиса. В условиях безработицы «трудоактивное» население с «европаспортами» мигрирует в более комфортные европейские страны. Их место могут занять беженцы из стран Африки и Экваториальной Гвинеи, размещением которых озадачен Евросоюз.

Определенным решением сложного положения стран постсоветского пространства мог бы стать новый формат сотрудничества между этими странами. М.А. Родионовский отмечает возможность экономической взаимоинтеграции постсоветского пространства с активным участием России. Он справедливо полагает, что залогом эффективного развития экономики постсоветских государств является «хороший бизнес-план стратегического характера для развития региональной экономической и, следовательно, социальной сферы… четкой экономической стратегии РФ не только федерального центра, но и понимания на региональном уровне приграничных регионов… нужна более четкая система управления между Россией и странами СНГ, и она должна носить стратегический и партнерский характер» [6, с. 215]. Для постсоветских государств данное решение позволило бы диверсифицировать риски, от чрезмерной интеграции одних институтов в ущерб другим. В частности, М. де Хаас обращает внимание Шанхайскую организацию сотрудничества, как альтернативный центр агрегации интересов в противовес Европейскому союзу и его орга-

низациям [11, с. 26]. Ряд исследователей возлагают определенные надежды на интеграционный потенциал ЕврАзЭС [7, с. 106]. Таможенного союза России, Беларуси, Казахстана; Организацию за демократию и экономическое развитие (ODED)–ГУАМ; [4, с. 223] и др. Высказывались также идеи Евразийского парламента [3]. Вместе с тем, проблема интеграции постсоветского пространства, вопрос необходимости и глубины этой интеграции в целях национальной безопасности стран участниц – все еще открыта для широкой научной дискуссии.

Следует отметить, что общественная безопасность может вступать в противоречие с личной безопасностью. Во-вторых, в странах постсоветского пространства национальная безопасность во многом зависит от безопасности экономической. В-третьих, экономическая безопасность зависит от многих факторов, среди которых существенную роль занимают уровень безработицы, объем внешних заимствований, а также международный рейтинг государства. В-четвертых, среди постсоветских государств наименьшую экономическую защищенность от угроз имеют Украина, Грузия, Армения, Литва, Латвия и Эстония. В-пятых, объем внешних заимствований Эстонии, Латвии и Украины позволяет усомниться в их экономическом суверенитете. В-шестых, одним из способов повышения экономической безопасности может служить дополнительная взаимоинтеграция постсоветских государств.

Литература

1. Жаглин А.В. Общественная безопасность как социальное явление и элемент системы национальной безопасности // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. №1.

2. Караткевич А.Г. Социальное неравенство как угроза политической стабильности и безопасности общества // PolitBook. 2014. №4.

3. Косов Ю.В. Проблемы политической интеграции на постсоветском пространстве: к вопросу об учреждении евразийского парламента // Управленческое консультирование. 2012. №3(47).

4. Левченков А.С. ГУАМ во внешнеполитической концепции президента Украины В.А. Ющенко (2005-2010 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. №4.

5. Нуркаев Р.В. Общественно-политическое положение русской диаспоры в странах Прибалтики (1992-2003 ГГ.) // Наука и школа. 2009. №6.

6. Родионовский М.А. Трансформация угроз для национальной безопасности РФ на постсоветском геополитическом пространстве // Система ценностей современного общества. 2008. №4.

7. Список стран по внешнему долгу. WikiPedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%83_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D1%83 (дата обращения 09.07.2015).

8. Степанов А.В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. №2(26).

9. Терешина Е.А. Проблемы безопасности в восточно-европейских государствах постсоветского пространства // PolitBook. 2012. №3.

10. Толстиков Д.А. Специфика конфликта между личной и общественной безопасностью // Омский научный вестник. 2013. №2(116).

11. De Haas Marcel. The Shanghai cooperation organisation's momentum towards a mature security alliance // Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies. 2011. №36(1)

12. Debt External. The World FactBook. CIA. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2079rank.html (дата обращения 09.07.2015).

13. Human Development Report 2014. UN. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2014 (дата обращения 09.07.2015).

14. Seyyed Ali Mortazavi Emami, Seyyed Javad Emamzadeh, Hosein Harsij, Hosein Masoudnia. Ukraine's Orange Revolution // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2013. №3.

15. Staberock G. A Rule of Law Agenda for Central Asia // Essex Human Rights Review. 2005. №2(1).

16. Unemployment. The World FactBook. CIA. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html (дата обращения 09.07.2015).

References

1. Zhaglin A.V. Obshchestvennaya bezopasnost' kak sotsial'noe yavlenie i element sistemy natsional'noi bezopasnosti. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2007. №1.

2. Karatkevich A.G. Sotsial'noe neravenstvo kak ugroza politicheskoi stabil'nosti i bezopasnosti obshchestva. PolitBook. 2014. №4.

3. Kosov Yu.V. Problemy politicheskoi integratsii na postsovetskom prostranstve: k voprosu ob uchrezhdenii evraziiskogo parlamenta. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2012. №3(47).

4. Levchenkov A.S. GUAM vo vneshnepoliticheskoi kontseptsii prezidenta Ukrainy V.A. Yushchenko (2005-2010 gg.). Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2012. №4.

5. Nurkaev R.V. Obshchestvenno-politicheskoe polozhenie russkoi diaspory v stranakh Pribaltiki (1992-2003 GG.). Nauka i shkola. 2009. №6.

6. Rodionovskii M.A. Transformatsiya ugroz dlya natsional'noi bezopasnosti RF na postsovetskom geopoliticheskom prostranstve. Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva. 2008. №4.

7. Spisok stran po vneshnemu dolgu. WikiPedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%83_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D1%83 (data obrashcheniya 09.07.2015).

8. Stepanov A.V. Bezopasnost', natsional'naya bezopasnost', migratsionnaya bezopasnost', natsional'naya migratsionnaya politika: analiz opredelenii, sootnoshenie kategorii. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. №2(26).

9. Tereshina E.A. Problemy bezopasnosti v vostochno-evropeiskikh gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva. PolitBook. 2012. №3.

10. Tolstikov D.A. Spetsifika konflikta mezhdu lichnoi i obshchestvennoi bezopasnost'yu. Omskii nauchnyi vestnik. 2013. №2(116).

11. De Haas Marcel. The Shanghai cooperation organisation’s momentum towards a mature security alliance. Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies. 2011. №36(1)

12. Debt External. The World FactBook. CIA. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2079rank.html (data obrashcheniya 09.07.2015).

13. Human Development Report 2014. UN. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2014 (data obrashcheniya 09.07.2015).

14. Seyyed Ali Mortazavi Emami, Seyyed Javad Emamzadeh, Hosein Harsij, Hosein Masoudnia. Ukraine's Orange Revolution. International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2013. №3.

15. Staberock G. A Rule of Law Agenda for Central Asia. Essex Human Rights Review. 2005. №2(1).

16. Unemployment. The World FactBook. CIA. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html (data obrashcheniya 09.07.2015).

.

А.Ю. Нечушкин,
О.В. Богданова

ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация
В статье проведен анализ основных научных подходов к трансформационному лидерству на уровне личности и государства. Рассмотрены проблемы функционирования такого типа лидерства как инновационного политического феномена, влияющего на деятельность политической элиты на современном этапе развития России, определены основные критерии оценки политической элиты, выявлены основные черты и характеристики трансформационного лидерства как нового типа руководства. Приведены основные стратегии поведения современной политической элиты. Глобальный характер и сложность современных социально-политических процессов в России, необходимость противостояния целому ряду угроз усиливают, прежде всего, интеллектуальную составляющую деятельности национальной политической элиты. Вызываю дальнейшую трансформацию элит.

Ключевые слова:
лидерство, руководство, трансформация, политическая элита, трансформационное лидерство, политический консалтинг.

A. Nechushkin,
O. Bogdanova

TRANSFORMATIONAL LEADERSHIP AS A INNOVATION POLITICAL PHENOMENON IN MODERN RUSSIA

Abstract
The article analyzes the main scientific approach to transformational leadership at the level of the individual and the state. The problems of the functioning of this type of leadership as an innovative political phenomenon that affects the activities of the political elite at the present stage of development of Russia, the basic criteria for assessing the political elite identified the main features and characteristics of transformational leadership as a new type of leadership. Presents the basic strategies of modern political elite. The global nature and complexity of modern social and political processes in Russia, the need to confront a variety of threats increase, above all, the intellectual component of the national political elite. Calling the further transformation of the elites.

Key words:
leadership, management, transformation, political elite, transformational leadership, political consulting.

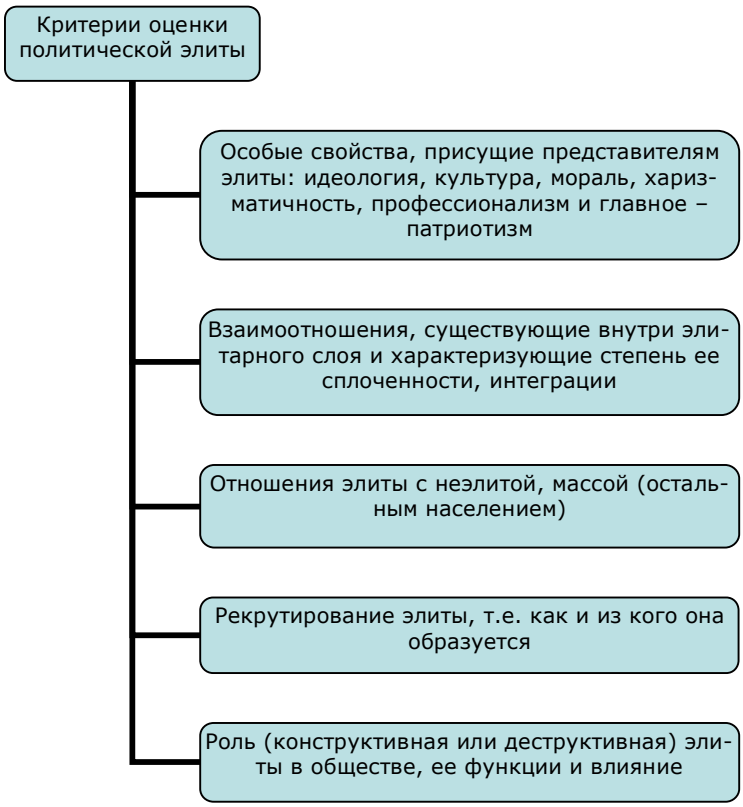
Понятие «элита» в XX веке прочно вошло в обыденный и научный лексикон. Применительно к социально-политической системе, это понятие обозначает лучшую, отборную, наиболее ценную часть общества. В словарях фиксируется тот факт, что в контексте нормативного подхода представители данной социальной группы должны обладать особыми личностными, соци-

альными, профессиональными и духовно-нравственными качествами и в силу этого им транслируется право управлять массами [14, с. 95]. Этимология термина «элита», подразумевающая под собой лучших и достойнейших представителей общества, в реальной политической практике далеко не всегда адекватно отражает его содержание [7; 8]. Средства массовой информации изобилуют сообщениями о коррупционных скандалах, безнравственном, аморальном поведении, непрофессионализме некоторых представителей властвующей элиты в России и других странах [3, с. 148-158].

В современных условиях внимание ученых фокусируется на таких актуальных характеристиках элиты, как склонность к инноватике, стремление достигать наилучших показателей в сфере своей профессиональной деятельности, способность взаимодействовать со структурами гражданского общества, способность чувствовать время, выдвигать адекватные данному историческому периоду стратегические и тактические задачи, предлагать наиболее оптимальные пути их решения [4; 23] и др. Политическая элита – особый феномен, поскольку именно в политической сфере принимаются решения, от которых зависят судьбы миллионов людей и даже стран [12]. Традиционно под политической элитой понимают внутренне сплоченную, составляющую меньшинство социальную общность, выступающую субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в сфере политики, и обладающую для этого необходимым ресурсным потенциалом [13]. К сожалению, сегодня в ранжировании ресурсов на первое место нередко выходят не организационные, интеллектуальные, психологические и иные способности и профессионализм претендентов на управление обществом, а финансовые ресурсы, семейные, клановые и иные связи. В современных условиях политическую элиту обычно отождествляют с представителями правящего государственного аппарата и приближенную к нему бизнес-элиту [6, с. 62-70], участвующую косвенным образом в политических процессах и влияющую тем или иным образом на формирование государственной политики, в том числе и через законотворчество.

В связи с этим следует согласиться с мнением Л.Н. Берга и В.И. Шерпаева в том, что при оценке политической элиты следует выделить определенные критерии (рис. 1.) [5].

Рис. 1. Критерии оценки политической элиты (по Л.Н. Берг и В.И. Шерпаеву)



Как справедливо отмечает Г.И. Авцинова, сегодня патриотизм должен стать и становится фокусом социализации личности и неотъемлемой частью формирования профессионализма властвующей элиты [2, с. 36-50]. В 90-е годы XX века ориентация российской элиты на западные ценности и стандарты потребления, некритическое восприятие идеологии либерализма, попытки перенести постулаты классического либерализма в иную социокультурную среду без учета российских национальных традиций и особенностей привели к серьезным социальным катаклизмам и коллизиям. Сегодня в российском обществе востребованы такие ценности, как долг, честь, достоинство, гражданственность, ответственность, патриотизм, готовность к самопожертвованию, добросовестному труду, социальному служению Отечеству и др. В обществе растет интерес к героическим традициям, истории страны, значимым историческим датам и памятникам, подвигам отцов и дедов. Несмотря на позитивную динамику, в духовно-нравственных ориентациях рос-

сиян значительное место занимают также прагматизм, конъюнктура, доминанта материальных ценностей и интересов над духовными. На практике подобные ценности и социальные ориентации нередко проявляется в асоциальном поведении, антигуманизме, бездуховности, безответственности, социальной незрелости и др. Патриотизм нередко перерождается в национализм, что адекватно отражается в значительном усилении националистических настроений [2, с. 36]. В этих условиях проблема патриотического становления не только подрастающего поколения, но и властвующей элиты, которая во многом определяет вектор и содержание всего процесса социализации, становится одной из теоретически и политически востребованных проблем. В ее эпицентре фокусируются такие вопросы, требующие глубокого и всестороннего научного осмысления, как место и роль России в мировой политике, имидж страны на мировой арене, престижность воинской службы, готовность граждан защищать Родину и плодотворно трудиться на благо страны и своей семьи и многие другие [10].

Происходящие за последние двадцать пять лет в России изменения привели к процессу социальной трансформации, в том числе и среди политической элиты. Как отмечает А.Г. Наронская [16], с политологической точки зрения под трансформацией следует понимать постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но вместе с тем глубокое и относительно быстрое преобразование механизмов элитообразования и состава элиты, обусловленное как внутренними потребностями системы, так и воздействием внешних факторов. В рамках трансформационного процесса происходит качественное преобразование не только системы рекрутирования и социально-группового состава элиты, но и самой системы базовых ценностей, психологических характеристик, принципов деятельности представителей элиты. На рубеже XX–XXI вв. не только в России, но в мире в целом был отмечен переход к нестационарной системе социальных связей и радикальной перемене значения политики и экономики, когда важнейшей доминантой социальной организации стала широкомасштабная маркетизация системы общественных отношений.

Как отмечала президент Российской ассоциации политической науки О.В. Гаман-Голутвина на первой конференции преподавателей общественных наук «Политическая система России: тенденции и направления развития», прошедшей в Москве в апреле 2013 года, применительно к сфере политики эта трансформация нашла свое выражение в превращении политики

в сферу бизнеса и формировании политических рынков как разновидности экономических рынков, основанных на принципах прямого обмена спроса и предложения. Причем, последнее понимается не просто как специфика современных электоральных компаний, предстающих, как преимущественно коммерческий процесс, но, как глубинная трансформация системы отношений между субъектом и объектом управления [9].

Такая трансформация несколько десятилетий назад затронула систему государственного управления более, чем в 30 странах мира – прошла целая серия реформ систем государственного управления, в соответствии с принципами нового государственного управления, когда государство обрело сервисный формат, сближающий его со сферой коммерческого обслуживания. Другими словами, это означало значимую революцию в коллективном общественном сознании, когда на место гегелевского понимания государства, как сосредоточия мирового разума, пришло понимание, что государство есть инструмент и институт, подотчетный гражданам, главная задача которого заключается в предоставлении услуг населению.

Для развития инновационных технологий управления, необходимо кардинальное усовершенствование инновационного развития политического консалтинга. Эффективное ведение инновационной деятельности допустимо исключительно использованием современного способа управления, включающие новейшие подходы к лидерству. В контексте анализа успешности деятельности политического консультанта в инновационной деятельности наиболее популярным является трансформационное лидерства, в котором выделяются интеллектуальный, реформаторский, революционный и героический варианты [15]. В описании этого термина осведомлены особые способности некоторых политических лидеров инициировать социальные достижения. Трансформационный лидер объединяет последователей для достижения некоторой высшей коллективной цели, мотивирует их перейти на более высокий мотивационный уровень, повышает их этические ожидания. Формирование стратегического мышления трансформационного лидера возможно одним из эффективных методов-коучинг, как подход и управление изменениями. Это те самые знания, которые перевоплощают политического деятеля в трансформационного лидера, тем самым формируя современную эффективную политическую элиту, открывая перед ними бесконечный мир возможностей.

В этой ситуации трансформационное лидерство выступает новым типом руководства. Важно отметить, что еще П. Друкер и У. Беннис первыми кратко сформулировали основное различие между управлением и лидерством: суть управления заключается в том, чтобы делать что-то правильно, а лидерства – чтобы правильно выбрать то, что нужно делать. С экономической точки зрения лидерство также имеет большое значение. Стремительно меняющиеся рынки приводят к тому, что многие виды продукции и услуг, которые еще несколько лет назад вполне удовлетворяли вкусы потребителей, сегодня безнадежно устарели. Именно лидерство позволяет учитывать происходящие изменения окружающей организацию среды, предугадывать настроения покупателей, создавать у них новые потребности и мотивы.

Важность лидерства отмечает Стивен Р. Кови [11]. Он отмечает, что преобразования, происходящие в наши дни практически в каждой отрасли и профессии, требуют, прежде всего, четкого лидерства, а уж потом управления. Высокопроизводительное управление в отсутствие эффективного лидерства подобно упорядочению расстановке стульев на палубе тонущего Титаника. Никакой успех в управлении не компенсирует провала в лидерстве. По мнению Б. Басса, лидерское развитие – это процесс трансформации, который влечет за собой прогрессивную реорганизацию, заканчивающуюся высшим уровнем развития. Одна из первичных целей трансформационного лидера состоит в том, чтобы развить в последователях уверенность в себе и стремление к саморазвитию [20].

Важно отметить, что вариантов лидерства может быть несколько. Например, и транзакционное лидерство, и трансформационное лидерство являются одинаково успешными, но описывают разные подходы лидеров к тому, как вести за собой людей. У каждого из них есть секреты успеха, и у каждого есть свои недостатки. В 1990-е годы большинство исследователей предлагало стремиться стать трансформационными лидерами, в современных же условиях все чаще предлагается сочетать тот и другой стиль. Самое короткое и емкое определение, чем отличается транзакционный лидер от трансформационного предложено Б. Бассом: «Транзакционный лидер действует в рамках той организационной культуры (ценности, нормы, правила), которая уже существует; трансформационный лидер изменяет организационную культуру» [19, с. 19-31].

Проведенный анализ позволил выявить и сформулировать основные характеристики транзакционного и трансформационного лидерства. В тран-

закционном лидерстве основная идея состоит в том, что взаимодействие между лидером и последователем строится как бы на трансакции «вы – организации, организация – вам» или «вы – вкладываете, и тогда вы – получаете». Основа этого типа лидерства заключается в экономическом подходе и рациональности нашего поведения. В этом случае поведение человека очень предсказуемо и хорошо управляемо, что, в свою очередь, ведет к запланированным результатам.

Приведем основные черты транзакционного лидерства:

– лидер осознает связь между усилиями людей и их вознаграждением, апеллируя к экономической рациональности людей;

– лидер отвечает на сформулированные запросы. Он ориентирован на решение насущных задач;

– лидер полагается на принятые подходы в вознаграждении, стимулировании, наказании, санкции, формы контроля и успешно применяет их;

– лидер мотивирует последователей ставить достижимые цели и обещает вознаграждение за их достижение;

– сила лидерства определяется уровнем власти и полномочий, доступными данному лидеру.

Б. Басс отмечает: «Все строится на взаимовыгодном взаимообмене, на официальном или неофициальном, проговоренном или подразумеваемом контракте, согласно которому последователи выполняют ожидаемые действия в обмен на понимание тех льгот, которые за него получат» [19, с. 26].

Основа трансформационного лидерства заключается в психологическом и психодинамическом понимании сути человека.

Приведем основные черты трансформационного лидерства:

– лидер побуждает у последователей эмоции и чувства, благодаря которым последователи выходят за рамки «взаимообмена»;

– лидер проактивен и формирует новые потребности, даже еще не заявленные людьми;

– лидер выделяется по своей способности вдохновлять людей на новые для них рубежи, предлагая индивидуальное внимание, интеллектуальное стимулирование, и идеализированное влияние через ролевую модель;

– лидер создает последователям возможности для их развития;

– у лидера есть видение, а также талант коммуникатора, что помогает создать эмоциональный контакт между ним и последователями;

– лидер мотивирует людей ставить цели, которые находятся за рамками их центрированных лично на себе интересов.

Дж.М. Бернс [22], который и ввел понятие трансформационного лидерства, отмечает, что такой лидер узнает и обращается к существующим потребностям их потенциальных последователей и ищет потенциальные мотивы в их последователях, стараясь удовлетворить потребности высшего порядка, вовлечь человека целиком, а не только его рациональную сущность. Обращаясь к более глубоким потребностям лидер достигает настоящих, а не мнимых изменений. Некоторые исследователи, характеризуя трансформационного лидера, указывают, что это такой тип лидера, который узнает и принимает транзакционные потребности потенциальных последователей, но стремится идти дальше, стараясь удовлетворить потребности более высокого порядка (по Маслоу) [21].

Трансформационный лидер усиливает мотивацию, моральный дух и производительность своих последователей с помощью применения различных механизмов и стимулов. В данной модели лидер выступает образцом для подражания для своих последователей. При этом сам лидер должен выявлять слабые и сильные стороны у своих последователей и ставить им задачи, которые могли бы оптимизировать их работу [17].

Необходимо подчеркнуть, что предложенная Дж.М. Бернсом, Р. Кови, Б. Бассом и другими методология трансформационного лидерства применима и к государству. Например, Г.И. Авцинова, как и другие авторы, относят Россию к лидерскому типу общества, для которого характерны ряд рисков. Отметим некоторые из них. Для данного типа общества характерны неразвитость и недооценка социальных механизмов регулирования общественных процессов, упование на волю первого лица, безграничная вера народа в способность национального лидера (президента, генерального секретаря) решать злободневные вопросы в кратчайшие сроки. Лидерский тип общества чрезвычайно зависим от личностных качеств властвующей элиты, особенно главы государства, с которым традиционно связывают все успехи и провалы в государстве. Г.И. Авцинова справедливо отмечает, что в сознании россиян «укоренена вера в безграничные возможности и авторитет именно верховной, а не местной власти». Именно верховная власть не только «способна», но и «должна решать вопросы и федерального, и регионального, местного уровне [1, с. 210-214]. Вместе с тем, прямая корреляция качеств, особенно морально-нравственных, властвующей элиты и успехов страны во

внутренней и внешней политике, способность такого общества минимизировать рациональную сущность и максимизировать духовно-нравственную имеет позитивное значение. В таком обществе легче и продуктивнее мотивировать людей на реализацию социоцентричных интересов и целей [18]. Сегодня Россия находится в процессе закрепления статуса трансформационного государства-лидера, которое создает условия для развития своих партнеров, оказывает существенное влияние на формирование новых межгосударственных потребностей и ценностей, вдохновляет мировое сообщество на достижение новых, качественных рубежей международного сотрудничества.

В современных условиях в России взят курс на модернизацию и импортозамещение. Успешность реализации данной стратегии во многом определяется трансформационными изменениями в российской политической элите. Учитывая негативные макроэкономические факторы (прежде всего, падение цен на нефть), пролонгацию санкций со стороны США, ЕС и ряда западных стран в отношении России, ответные меры по ограничению допуска на рынок отдельных продуктов этих стран, современная ситуация предъявляет серьезные требования к единству российского общества и поведению элит.

Необходимо использование не только финансового и экономического внутреннего потенциала общества, но и интеллектуального развития. При этом перед политической элитой стоит выбор между двумя стратегиями поведения:

– авторитарная трансформация существующей социально-политической системы, направленная на преодоление кризисных явлений;

– форсированная демократизация общественно-политической жизни, направленная на сплочение всего общества, где аккумулятором трансформационных изменений должна выступать политическая элита.

Демократические изменения приведут к неизменному обновлению политической элиты и увеличению прозрачности механизма ее прихода во властные структуры. В современной ситуации выбор политической элитой дальнейшего пути развития России – путь инновационной модернизации с укреплением демократических институтов или продолжение укрепления авторитарных тенденций – будет свидетельством уровня сформированности таких качеств политической элиты современной России, как степень ответственности, жизнеспособность, профессионализм, ценностные ориентации и установки.

Таким образом, переход большинства современных стран, в том числе и России, в информационную стадию развития и построения информационного общества определяет необходимость глубинных изменений в формировании и функционировании политической элиты. Глобальный характер и сложность современных социально-политических процессов, необходимость противостояния внутренним и внешним угрозам усиливают, прежде всего, интеллектуальную составляющую деятельности национальной политической элиты. При этом в современных условиях действия негативных макроэкономических факторов большое значение следует придавать изучению и анализу трансформационных процессов, происходящих в среде политической элиты России. Необходимость этого определяется тем, что политическую элиту следует рассматривать как важнейшую силу, оказывающую непосредственное воздействие на политическую, экономическую, культурную и социальную сферы жизнедеятельности российского общества. Через призму развития национальной элиты можно рассматривать не только недавнее прошлое, оценивать современную общественно-политическую ситуацию, но и прогнозировать перспективы дальнейшего развития российского государства. Теоретические парадигмы исследования американских ученых сформировали вывод о высоком уровне верифицированности и эвристичности концепции трансформационного лидерства, что предполагает продолжение его дальнейшего исследования.

Литература

1. Авцинова Г.И. Лидерский тип российского общества: социокультурный аспект // Лидер. Элита. Регион. Ростов н/Д. 2014.

2. Авцинова Г.И. Патриотическое воспитание молодежи как основа духовно-нравственного развития России // Культурно-духовные традиции России: взгляд из провинции. М., 2014.

3. Авцинова Г.И., Атаев Т.Б., Ахрамеева Е.С. и др. Политика. Инновации. Технологии / Под общ. ред. О.Е. Гришина, Г.И. Авциновой, Л.И. Гордеева. М., 2014.

4. Анохин М.Г., Гришин О.Е., Гордеев Л.И. Системные инновации для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. №3.

5. Берг Л.Н., Шерпаев В.И. Политические элиты Украины: трансформация и перспективы развития // Бизнес, менеджмент, право. Научно-

практический экономико-правовой журнал. URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=861 (дата обращения: 02.09.2015).

6. Бронников И.А., Буренко В.И., Горбачев А.А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации: монография / Под ред. О.Е. Гришина, А.К. Сковикова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

7. Буренко В.И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №17.

8. Буренко В.И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. №20.

9. Гаман-Голутвина О.В. Вовлеченность во властные отношения ставит перед современным человеком новые вызовы: эксперт // ИА REGNUM. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1646525.html (дата обращения: 02.08.2015).

10. Златанов Б.Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1.

11. Кови Ст.Р. 7 навыков высокоэффективных людей. М., 2011.

12. Крючков В.А., Сковиков А.К., Шумилова О.В. Зарубежный опыт политического развития общества (по материалам архивных документов) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4.

13. Крючков В.А., Сковиков А.К., Титова О.Н. Политическая элита: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. 2013. №11-8.

14. Кучерявый М.М., Шерпаев В.И. Политология. Екатеринбург. 2010.

15. Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. СПб., 2005.

16. Наронская А.Г. Особенности эволюции российской политической элиты: автореф. дисс. … к. эконом. н. Екатеринбург, 2004.

17. Шабров О.Ф. Политико-административное управление в Российской Федерации: состояние и актуальные проблемы // Власть. 2004. №11.

18. Шабров О. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. №2.

19. Bass B.M. From transactional to transformational leadership: Learning to share the vision. Organizational Dynamics, (Winter). 1990.

20. Bass B.M. Transformational leadership: Industrial, military, and educational impact. Mahwah, NJ: Erlbaum. 1998.

21. Bernard M. Transformational Leadership. Bass & Ronald E. Riggio, Lawrence Erlbaum Associates, 2005.

22. Burns J.M. Leadership. New York, Harper & Row, 1978.

23. Shumilov A. Youth policy and features of consciousness of the Russian youth // Youth in Central and Eastern Europe. sociological studies. 2014. Nr1.

References

1. Avtsinova G.I. Liderskii tip rossiiskogo obshchestva: sotsiokul'turnyi aspekt. Lider. Elita. Region. n/D. 2014.

2. Avtsinova G.I. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi kak osnova dukhovno-nravstvennogo razvitiya Rossii. Kul'turno-dukhovnye traditsii Rossii: vzglyad iz provintsii. M., 2014.

3. Avtsinova G.I., Ataev T.B., Akhrameeva E.S. i dr. Politika. Innovatsii. Tekhnologii. Pod obshch. red. O.E. Grishina, G.I. Avtsinovoi, L.I. Gordeeva. M., 2014.

4. Anokhin M.G., Grishin O.E., Gordeev L.I. Sistemnye innovatsii dlya Rossii. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2013. №3.

5. Berg L.N., Sherpaev V.I. Politicheskie elity Ukrainy: transformatsiya i perspektivy razvitiya. Biznes, menedzhment, pravo. Nauchno-prakticheskii ekonomiko-pravovoi zhurnal. URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=861 (data obrashcheniya: 02.09.2015).

6. Bronnikov I.A., Burenko V.I., Gorbachev A.A. i dr. Modernizatsiya politicheskikh institutov, protsessov i tekhnologii v usloviyakh globalizatsii: monografiya. Pod red. O.E. Grishina, A.K. Skovikova. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2012.

7. Burenko V.I. O politicheskoi modernizatsii v sovremennoi Rossii v kontekste osobennostei ee pravyashchego klassa. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. №17.

8. Burenko V.I. Sovremennyi politicheskii protsess i ponyatie «politicheskaya elita». Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2011. №20.

9. Gaman-Golutvina O.V. Vovlechennost' vo vlastnye otnosheniya stavit pered sovremennym chelovekom novye vyzovy: ekspert. IA REGNUM. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1646525.html (data obrashcheniya: 02.08.2015).

10. Zlatanov B.G. Osobennosti modernizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №1.

11. Kovi St.R. 7 navykov vysokoeffektivnykh lyudei. M., 2011.

12. Kryuchkov V.A., Skovikov A.K., Shumilova O.V. Zarubezhnyi opyt politicheskogo razvitiya obshchestva (po materialam arkhivnykh dokumentov). Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. №4.

13. Kryuchkov V.A., Skovikov A.K., Titova O.N. Politicheskaya elita: teoreticheskii aspekt. Fundamental'nye issledovaniya. 2013. №11-8.

14. Kucheryavyi M.M., Sherpaev V.I. Politologiya. Ekaterinburg. 2010.

15. Ol'shanskii D.V., Pen'kov V.F. Politicheskii konsalting. SPb., 2005.

16. Naronskaya A.G. Osobennosti evolyutsii rossiiskoi politicheskoi elity: avtoref. diss. … k. ekonom. n. Ekaterinburg, 2004.

17. Shabrov O.F. Politiko-administrativnoe upravlenie v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i aktual'nye problemy. Vlast'. 2004. №11.

18. Shabrov O. Ispytanie raznoobraziem: predely upravleniya v sovremennom mire. Gosudarstvennaya sluzhba. 2007. №2.

19. Bass B.M. From transactional to transformational leadership: Learning to share the vision. Organizational Dynamics, (Winter). 1990.

20. Bass B.M. Transformational leadership: Industrial, military, and educational impact. Mahwah, NJ: Erlbaum. 1998.

21. Bernard M. Transformational Leadership. Bass & Ronald E. Riggio, Lawrence Erlbaum Associates, 2005.

22. Burns J.M. Leadership. New York, Harper & Row, 1978.

23. Shumilov A. Youth policy and features of consciousness of the Russian youth. Youth in Central and Eastern Europe. sociological studies. 2014. Nr1.

С.В. Савойская

S. Savojscaja

КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ ИНИЦИАТИВ ПОЛЯРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

COMMUNICATIVE LANGUAGE POLICY IN THE CONTEXT OF ANALYZING LEGISLATIVE INITIATIVES POLAR POLITICAL FORCES IN MODERN UKRAINE

Аннотация

В статье рассматривается коммуникативная языковая политика и законопроектные инициативы полярных политических сил в современной Украине. Одной с главных функций языковой политики является коммуникативная, которая налаживает контакты между полярными политическими акторами, властью и обществом в целом.

Исследованная проблема является актуальной, поскольку связана с развитием политико-правовой культуры в современной Украине. Безразличие политиков к языковой проблеме и её замалчивание привели украинское общество к поляризации, противостояниям и расколу. Главной идеей статьи является необходимость урегулирования языкового вопроса в современной Украине, что зависит от желания власти и полярных политических сил договариваться, согласовывать языковые политические проблемы и другие противоречия.

Ключевые слова:

коммуникативная политика, языковая политика, законопроекты, полярные политические силы, современная Украина.

Abstract

The article deals with the language policy, laws governing the language policy. Initiatives polar political forces in modern Ukraine. One with the main functions of the language policy is communication, which establishes contacts between polar political actors, authorities and society in general.

The investigated problem is relevant, since it is connected with the development of political and legal culture in modern Ukraine. The indifference of politicians to the language problem and its silence has led to polarization of the Ukrainian society, the opposition and split. The main idea of the article is to settle the issue of language in contemporary Ukraine, which depends on the desire for power and polar political forces to negotiate and coordinate linguistic political problems and other controversies.

Key words:

communication policy, language policy, proposed legislation, polar political forces of modern Ukraine.

На современном этапе коммуникативная языковая политика в Украине переживает период стагнации, которая вызвана нежеланием современных политиков проводить изменения в культурной и политико-языковой сфере. Следовательно, ни общественность, ни политические институты власти в целом не готовы по-настоящему защищать национальные интересы и ценности, поэтому

верх взяли антиукраински настроенные политики. Они затормозили развитие коммуникаций на украинском языке, особенно на Востоке и Юге страны, а вместе с тем и государственное развитие языкового вопроса в современной Украине. Коммуникации на украинском языке часто блокировались политиками в Верховном Совете Украины, которые симпатизируют «левой» и центристской идее, участниками «круглых столов» региональных партийных организаций и др., которые осуждали те проекты законов, которые защищают украинский язык как единственный государственный в Украине, что, по их мнению, сужает употребление русского языка и вытесняет его изо всех сфер общественно-политической жизни страны.

Цель этой работы состоит в том, чтобы на основании анализа законопроектных инициатив полярных политических сил показать, какие политики симпатизируют тому или иному языку, как они его защищают, и каким образом расширяют коммуникации и границы родного языка.

Отдельные аспекты этой проблемы исследовали такие украинские учёные как Б. Билык, Т. Величко, И. Гаврилович, И. Дияк, А. Корж, И. Курас, О. Куць, И. Кресина, Н. Марченко и др. Они пытаются привлечь внимание общественности к постепенному исчезновению коммуникаций на украинском языке в политической сфере, СМИ и т. д., а именно, украинским языком стали меньше пользоваться на деловых встречах, конференциях, круглых столах, частных телеканалах, на радиопрограммах и т. п. Поэтому ликвидировать потенциальные источники напряженности в отношениях между различными культурно-политическими группами общества, сформировать украинское национальное сознание, политическую нацию и культуру, уважение к украинскому народу и любовь к Украинскому государству может, как понимает А. Корж, новое законодательство, по которому должна быть закреплена государственная финансовая поддержка и конкретизированы статус, функции и консолидирующая роль украинского языка [4].

Урегулировать языковой вопрос и расширить коммуникации на украинском языке помогут такие функции как организационно-управленческая, которая отвечает за создание законопроектов о языках; коммуникационно-информативная, которая разъясняет, какая информация заложена в законопроекте, и каким образом она будет работать на общество и государство; консультативно-методическая, которая обеспечивает наличие советника, выясняет, нужен ли такой законопроект; коммулятивно-трансляционная, которая накапливает и передает информацию о том, что данный законопроект существует;

аналитико-прогностическая – предусматривает, как отреагирует общество и политикум на внедрение того или иного законопроекта о языках. Коммуникативная функция является основной, а также синтезом всех вышеупомянутых функций, так как налаживает контакты внутри политикума, а также – власти с обществом во всех областях языковой, культурной, политической и др. жизни страны. Все эти функции могут эффективно работать в том государстве, где развиты демократические традиции. А в Украине, где демократия делает первые шаги, коммуникативный аспект языковой политики находится в состоянии неопределенности и поиска приемлемой модели функционирования [6].

Различные способы урегулирования языкового вопроса и расширение коммуникаций на том или ином языке рассматриваются в законопроектах представителей национально-демократических политических сил. Эти законопроекты, как считают учёные, которые симпатизируют национально-демократической идее, разработаны на правовой основе, без эмоциональных вкраплений, вроде «языковых предпочтений». К этому направлению следует отнести те проекты законов, которые последовательно отстаивают статус украинского языка как единственного государственного с учетом новых социокультурных обстоятельств. Это законопроекты под редакцией В.Ющенко «О развитии и применении языков в Украине», П. Мовчана и К.Сытника «О языках», И. Юхновского «Об украинском языке как государственном языке Украины», «О развитии и применении языков в Украине, П. Мовчана, А. Пономарёва, А. Погребного и Ю. Гнаткевича «О государственном языке», В. Яворивского, М. Матиос, И. Фарион, В.Бондаренко, А. Ильенко и др. «О функционировании украинского языка как государственного и порядке применения других языков в Украине» и др.

В законопроекте, который был разработан Кабинетом Министров Украины «О развитии и применении языков в Украине», предусмотрен механизм организации и контроля за выполнением закона, ответственность за нарушение законодательства Украины о языках, а также – защиты и утверждения украинского языка как государственного во всех сферах общественно-политической жизни государства. В законопроект были включены новые разделы: «Язык Вооруженных Сил Украины и других военных формирований», «Организация выполнения Закона» и т. д. и целый ряд других новых статей. По проекту этого закона государственный язык в Украине – украинский, который является основным средством общения во всех сферах общественно-политической жизни на всей территории Украины [1].

Законопроект «О развитии и применении языков в Украине» за авторством экс-Президента В. Ющенко предлагает расширить использование украинского языка и родных языков национальных меньшинств в отрасли образования, науке и др. Автор законопроекта считает, что граждане Украины, которые поступают в высшие учебные заведения, должны сдать экзамен по украинскому языку, а для получения документа государственного образца о высшем образовании они должны сдать государственный экзамен по этому же языку по программе, составленной специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти в области образования и науки в соответствии с требованиями государственного стандарта образования. Что касается образования национальных меньшинств, то в проекте закона под редакцией В. Ющенко они имеют право учиться на родном языке (двуязычное обучение) или изучать его через национальные культурные общества. Данный законопроект базируется на ст. 10 Конституции Украины и предусматривает реальное применение украинского языка как основного средства общения во всех сферах общественно-политической жизни страны. В законопроекте отмечается, что результаты научно-исследовательских работ должны выдаваться на государственном языке, но краткое изложение основных положений научных результатов может быть подано на других языках и наоборот. Оформление и защита научных работ должны происходить на украинском языке [7].

В то же время этот законопроект, как и все другие, так и не стал законом. Его даже не пытался подать экс-президент Ющенко на обсуждение и принятие в Верховном Совете Украины. Расширение функций государственного языка обсуждалось на конференциях, семинарах, деловых встречах, что нашло своё отражение в проекте закона «О государственном языке», который в среде некоторых политиков и учёных вызвал неоднозначную реакцию. Государственный язык, по проекту закона В. Яворивского, М. Матиос и И.Фарион «О функционировании украинского языка как государственного и порядке применения других языков в Украине», является языком гражданства и инструментом объединения украинского общества, средством укрепления государственного единства, независимости и национальной безопасности Украины [8]. Этот законопроект гарантирует свободное развитие, использование и защиту языков национальных меньшинств, которые должны использоваться в культурно-образовательной и других сферах общественно-политической жизни страны. Он заботится о развитии и престиже государственного языка, повышении языковой культуры граждан Украины; обеспечивает развитие материальной базы для функционирова-

ния государственного языка; способствует изданию научных и популярных работ по украинскому языку, созданию национальной словарной базы, справочной, учебно-методической, научной, художественной литературы; проводит мероприятия, направленные на развитие украинского языка. Согласно законопроекту, государство обеспечивает подготовку специалистов для удовлетворения языковых и культурно-образовательных потребностей национальных меньшинств Украины. Проект закона предостерегает, что мероприятия по развитию и защите языков национальных меньшинств не должны сужать сферу применения государственного языка или уменьшать необходимость его изучения. Должностные и служебные лица органов государственной власти и местного самоуправления, работники предприятий, учреждений и организаций обязаны владеть государственным языком и пользоваться им при исполнении служебных обязанностей. Языком обучения и воспитания в высших учебных заведениях является государственный язык. Граждане, принадлежащие к национальным меньшинствам Украины, имеют право на обучение на родном языке или на изучение родного языка в государственных и частных учебных заведениях или через национальные культурные общества. Граждане Украины, которые заканчивают общеобразовательные и другие учебные заведения и поступают в высшие учебные заведения, должны пройти государственную аттестацию, то есть сдать экзамен по украинскому языку. Для получения документа государственного образца о неполном и базовом высшем образовании граждане Украины должны сдать экзамен по украинскому языку по программе, подготовленной специально уполномоченным центральным органом исполнительной власти в области образования и науки в соответствии с требованиями государственного стандарта образования [2].

Учитывая обеспокоенность общественности тем, что государство не имеет закона о государственном языке, а это дает повод для многочисленных провокаций и идеологических спекуляций, Конгресс защиты украинского языка разработал собственный проект закона «О государственном языке», в котором указано, кто и в каких случаях несет ответственность за действия, направленные против государственной/официальной речи, под которой следует понимать такой язык, которому государством предоставлен правовой статус обязательного средства общения в публичных сферах общественно-политической жизни. «Наша миссия заключается в том, – по словам Е. Сверстюка – чтобы идти в народ и повышать его сознание». Он отметил, что защищать украинский язык как национальный язык украинского народа нужно не словом, а делом. Участники

конгресса считают, что предыдущая украинская власть уничтожила все механизмы языковой политики, которые защищали украинский и другие языки в современной Украине, а нынешняя ещё ничего не сделала для того, чтобы исправить положение. В связи с этим под угрозой оказались не только украинский язык как родной язык 65% населения Украины, а также независимость и целостность Украины. По словам В. Стрилько, к деятельности в сфере языковой политики её позвало состояние украинского языка, который за годы независимости Украины постепенно теряет статус государственного, а на его место становится русский язык [5].

Совсем другую позицию по отношению к украинскому языку и коммуникациям на государственном языке заняли политики с «левой» и центристской идеологией. Об этом свидетельствует большое количество законопроектов (более 40), которые заботятся о расширении коммуникаций на русском языке. Они были предоставлены в комитеты Верховного Совета Украины от Коммунистической партии и Партии регионов (чаще всего под ред. П. Симоненка, В. Колесниченка и Н. Шуфрича). Коммунистами и депутатами от Партии регионов 3 июля 2012 г. был также разработан и принят в Верховном Совете закон «Об основах государственной языковой политики», который провозгласил русский язык региональным и расширил коммуникации на этом языке в восточной и южной части территории Украины. О свободном выборе языка в действующем законе «Об основах государственной языковой политики» говорится так: «каждый имеет право свободно определять язык, который считает родным, выбирать язык общения, признавать себя двуязычным или многоязычным, а также изменять свои языковые предпочтения. Каждый независимо от этнического происхождения, национально-культурной самоидентификации, места проживания, религиозных убеждений имеет право свободно пользоваться любым языком в общественной и частной жизни, изучать и поддерживать любой язык»[3]. Этот закон воплотил в жизнь все замыслы и пожелания левоцентристских политических сил, которые приложили немало усилий, чтобы русский язык получил статус регионального в Украине. Более того, этот закон «создал» ранее несуществующий русинский язык, наделил его статусом регионального, расколол украинское общество за языковым принципом, углубил культурно-политический кризис, возобновил языковые политические конфликты, привёл к новым противостояниям в Верховном Совете Украины, революционным событиям на Майдане независимости, к аннексии территории Украины.

Таким образом, авторы закона предложили в языковой политической деятельности сделать всё так, как в современной Индии, где каждый регион и почти каждый город имеет собственный язык, культуру и территорию. Такая языковая политика, с одной стороны, имела б большой успех для политиков, которые симпатизируют левой и центристской идеологии, а для этнических украинцев и национальных демократов – дальнейшую и окончательную руссификацию. После отмены закона «Об основах государственной языковой политики» в Донецке, Луганске, Харькове, Одессе и других городах Юга и Востока страны начались противостояния антиукраински настроенных лиц, которые провоцировали и расшатывали языковой политический конфликт. Начались антиукраинские политические митинги, участники которых требовали присоединить Крым и Новороссию к Российской Федерации из-за того, что украинская власть «запретила» разговаривать украинским гражданам на русском языке. Можно отметить, что многие украинские учёные считают необходимым обязать говорить на украинском языке в публичных местах и никогда не переходить на другой язык, кроме разговоров с иностранцами; использовать украинский язык в информационных системах; общаться на государственном языке с властью и разнообразными сервисными службами; покупать книги, прессу и диски с украинской музыкой; смотреть фильмы, дублированные на украинском языке; посещать украинские фестивали, говорить с детьми на украинском языке; требовать от педагогов в детсадах и школах общаться с детьми и излагать учебный материал на украинском языке, то есть, делать всё возможное, чтобы изменить ситуацию в интересах украинского языка на работе, дома или в кругу друзей, распространять эти рекомендации среди наибольшего количества людей.

Литература

1. Закон Украины №1240 от 02.07.1997 «О развитии и применении языков в Украине». Архив Верховного Совета Украины. Ф.1. Оп.22. От. сб. 2677. Арк. 65, 66.

2. Закон Украины «О функционировании украинского языка как государственного и порядке применения других языков в Украине». URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45410 (дата обращения 02.07.2015).

3. Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» // Ведомости Верховного Совета Украины. 2012. №23.

4. Корж А. Языковой фактор общественной трансформации в Украине: Автор. дис. ... канд. полит. наук. Черновцы, 2004.

5. Марченко Н. Родной язык как один из главных факторов сохранения украинского общества // Украиноведческий альманах. 2011. Вып. 5.

6. Остапенко М. Политический плюрализм: нестабильность демократии и поиски социального равновесия. Киев: Изд-во НПУ имени М.П. Драгоманова, 2013.

7. Ющенко В. Проект закона 2235-4 от 30.06.2000 О развитии и применении языков в Украине. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=8703 (дата обращения 02.07.2015).

8. Barrington L. Region. Language and Nationality: Rethinking Support in Ukraine for Maintaining Distance from Russia // Dilemmas of State-Led Nation-Building in Ukraine. West-port, 2002.

References

1. Zakon Ukrainy №1240 ot 02.07.1997 «O razvitii i primenenii yazykov v Ukraine». Arkhiv Verkhovnogo Soveta Ukrainy. F.1. Op.22. Ot. sb. 2677. Ark. 65, 66.

2. Zakon Ukrainy «O funktsionirovanii ukrainskogo yazyka kak gosudarstvennogo i poryadke primeneniya drugikh yazykov v Ukraine». URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45410 (data obrashcheniya 02.07.2015).

3. Zakon Ukrainy «Ob osnovakh gosudarstvennoi yazykovoi politiki». Vedomosti Verkhovnogo Soveta Ukrainy. 2012. №23, st. 218.

4. Korzh A. Yazykovoi faktor obshchestvennoi transformatsii v Ukraine: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Chernovtsy, 2004.

5. Marchenko N. Rodnoi yazyk kak odin iz glavnykh faktorov sokhraneniya ukrainskogo obshchestva. Ukrainovedcheskii al'manakh. 2011. Vyp. 5.

6. Ostapenko M. Politicheskii plyuralizm: nestabil'nost' demokratii i poiski sotsial'nogo ravnovesiya. Kiev: Izd-vo NPU imeni M.P. Dragomanova, 2013.

7. Yushchenko V. Proekt zakona 2235-4 ot 30.06.2000 O razvitii i primenenii yazykov v Ukraine. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=8703 (data obrashcheniya 02.07.2015).

8. Barrington L. Region. Language and Nationality: Rethinking Support in Ukraine for Maintaining Distance from Russia. Dilemmas of State-Led Nation-Building in Ukraine. West-port, 2002.

СТАТЬИ

Г.И. Авцинова

G. Avtsinova

ГЕГЕМОНИЗМ И ЛИДЕРСТВО ГОСУДАРСТВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

HEGEMONISM AND LEADERSHIP OF: HISTORICAL AND CONTEMPORARY PERSPECTIVES

Аннотация

В статье анализируются феномены гегемонизма и лидерства государств, понятия «культурная гегемония», «мягкая сила» в контексте исторических и современных трендов развития мировых политических процессов и международных отношений. Основываясь на анализе теоретических взглядах некоторых зарубежных исследователей, научных дискуссиях о современной мировой политике, автор выявляет общие и специфические черты анализируемых явлениях. В статье делается вывод о гегемонизме как имманентном свойстве крупных государств, необходимости его минимизации и трансформации в лидерство, для которого не характерны склонность к мессианству, превосходству, исключительности своей страны, переоценка своих и недооценка чужих успехов. Лидерство предусматривает согласование мнений, позиций со своими союзниками и партнерами, а не давление на них под угрозой применения тех или иных санкций с целью принятия «нужных» решений.

Ключевые слова:

мировая политика, международные отношения, государство, лидерство, гегемонизм, «культурная гегемония», «мягкая сила», национальная безопасность.

Abstract

This paper analyzes the phenomenon of hegemony and leadership of the states, the concept of «cultural hegemony», «soft power» in the context of historical and contemporary trends in the development of World Politics and International Relations. Based on the analysis of theoretical views of some foreign researchers, academic discussions about contemporary global politics, the author reveals the general and specific features of the phenomenon. The article concludes that hegemony as the inherent properties of the large states, minimizing the need for its transformation into a leader and who is not characterized by a tendency to messianism, excellence, exclusivity of their country, their revaluation and the underestimation of other people's success. Leadership involves the coordination of opinions and positions with its allies and partners, rather than pressure on them under the threat of the use of certain sanctions in order to make the «right» decisions.

Key words:

world politics, international relations, government, leadership, hegemony «cultural hegemony», «soft power», national security.

В современных условиях вопросы лидерства государств на международном или региональном уровнях приобретают особую актуальность. Происходят существенные трансформации в Европейском Союзе. Сложности и

противоречия в функционировании ЕС, социально-экономическое, политическое, психологическое неравенство государств-основателей и вновь присоединившихся стран, которые все чаще и острее ощущают себя «задворками» Европы, позволяют некоторым аналитикам делать выводы о распаде ЕС в ближайшем обозримом будущем. Продолжаются дискуссии в среде ведущих европейских политиков и бизнесменов относительно целесообразности введения санкций против России [7, с. 70-77]. Несмотря на попытки формирования ее негативного имиджа нашей страны в связи вхождением Крыма и Севастополя в состав РФ, она укрепила свои позиции на мировой арене, превратилась в самостоятельный центр силы и международного влияния. В условиях негативных издержек от продолжающегося мирового кризиса, неблагоприятной экономической и политической конъюнктуры, эскалации войны в Украине, активизации деятельности террористических организаций, учащения техногенных и природных катаклизмов происходит существенная модификация роли и механизмов взаимодействия государств. Многие государства вынуждены выстраивать межгосударственные связи и отношения вопреки их экономическим и национальным интересам, переходить от союзничества к конфронтации, от взаимовыгодного партнерства к протекторату (покровительству). Действия НАТО по урегулированию этнического конфликта в Косово свидетельствовали о попирании принципов международных отношений, принятых государствами в середине 70-х годов 20 века в Хельсинки, разрушении сложившейся на их основе системы международного права. Сегодня эта негативная тенденция набирает силу. Для всего мирового сообщества опасным становится стремление некоторых государств к достижению или удержанию мирового господства любой ценой, амбиции некоторых лидеров, их стремление диктовать свою волю суверенным государствам. Опасность усиливается в связи с тем, что в международных политических процессах не существует легитимного центра принуждения, единого источника власти, воле которого подчинялись бы все акторы международных отношений, признаваемых на деле, а не просто декларируемых норм международного права. Недооценка, нередко игнорирование и прямое нарушение международного правового поля адекватно отразилось в нарушении принципов международного права, которые сегодня все чаще становятся «правом силы». Конечно, нельзя отрицать положительный опыт сотрудничества государств в рамках ООН, ОБСЕ и других организаций. Однако очевидны односторонняя трактовка некоторыми государствами норм между-

народного права, прямое их нарушение, двойные стандарты, что усиливает непредсказуемость, дисфункциональность и диспропорциональность международных взаимодействий, провоцирует и усиливает конфликты разного уровня и типа. Безусловно, в области международных отношений существуют некоторые возможности для их правового и нравственного регулирования. Более того, современная ситуация требует от всех государств незамедлительных, активных действий, направленных на объединение народов, наций и культур в единое сообщество, ориентации на гуманитарные ценности. Однако международная политическая практика, политические события прошлого и настоящего красноречиво свидетельствуют о том, что эффективность и результативность регулирования международных взаимодействий в большей степени определяется мощными экономическими и военными ресурсами государств, а не политической поддержкой международных институтов, хотя роль последних не отрицается [8; 9].

В современных условиях резко возросла непредсказуемость международных отношений, государства постоянно меняют свои позиции, мнения, тактику по отношению друг к другу. Различные конфигурации неравномерных и неравновесных отношений между государствами (равноправия, подчинения, соперничества, доминирования, устойчивого союза, временного охлаждения, четко выстроенных и хаотичных отношений, более предсказуемых и менее предсказуемых и т.д.) возникают даже во взаимодействии союзных стран, входящих в те или иные блоки государств. Несбалансированность международных отношений усиливают негосударственные акторы: международные неправительственные организации, транснациональные компании, национальные, конфессиональные, демографические группы, террористические группировки и т.д., привносящие в политику свое видение развития мировых траекторий, руководствующих своими специфическими интересами и целями. Усложняется и мотивация участия в мировой политике. Необходимо также учитывать влияние личностного поведения политических лидеров. Например, бывшие политики нередко играют роль посредников в урегулировании конфликтов. Велика роль и ответственность действующих политических лидеров, особенно если с их именем ассоциируется страна, они персонифицируют и олицетворяют собой государственную власть в глазах мирового сообщества. Эти и другие факторы актуализируют исследование проблематики гегемонизма и лидерства государств [15].

Определимся в понятиях «гегемонизм» и «лидерство с учетом специфики государства как политического института, выявим линии их совпадения и расхождения. Термин «гегемонизм» произошел от греческого термина «hegemonia», означающего господство, руководство, предводительство, выражающего стремление субъекта политики к господству. Это теория и политическая практика, обосновывающие и обеспечивающие главенствующую, руководящую роль государства (социальной группы, партии) в стране (регионе, мире), выражающуюся в попытках установить монополию на власть, диктовать свою волю и требовать от других акторов политического взаимодействия беспрекословного ее выполнения. Идейным источником гегемонизма как теории и практики являются обычно различные радикалистские, расистские, националистические, шовинистические и иные идеи и взгляды. Данные и подобные им идеологии обосновывают идеи о якобы изначальном превосходстве одних стран, народов, социальных слоев и групп над другими, право той или иной политической силы диктовать свою волю другим субъектам социально-политического взаимодействия, быть единственным выразителем высших интересов государства, нации, прогресса, истинной религии и т.д. Политические оппоненты в данном случае воспринимаются и характеризуются не как равноправные участники политического процесса, интересы которых необходимо учитывать для обеспечения баланса интересов и устойчивости международной системы, а как антинациональная, реакционная сила, не имеющая права на существование [1]. Гегемонизм может отражать объективно обусловленную, руководящую роль какого-либо класса, партии, блока или страны. Например, гегемония буржуазии в буржуазных революциях 17-18 вв. была объективно определена необходимостью приведения в соответствие растущего экономического и политического потенциала этого класса. В 40-е годы XIX века марксизм обосновал руководящую роль пролетариата как гегемона пролетарской революции. Проанализировав характер капиталистического экономического производства, кризисы перепроизводства, которые уже имели место к этому периоду, уровень и характер эксплуатации рабочих и практически полное отсутствие социального законодательства, марксизм пришел к следующим выводам. Совместный труд на крупных предприятиях объективно делает рабочий класс самым организованным классом. Он является самым эксплуатируемым классом, так как не имеет отношения к средствам производства, не имеет собственности, поэтому он является и наиболее последовательным, революционным клас-

сом, которому «нечего терять, кроме своих цепей». Исходя из этого, марксизмом была обоснована роль пролетариата в качестве гегемона пролетарской революции.

Гегемонизм имеет внутри и внешнеполитические аспекты. Во внутренней политике гегемонизм власти ведет к обострению противоречий, стимулированию конфликтов, тотальному контролю над всеми сторонами жизни, подавлению или устранению оппозиции и т.д. В практике межгосударственного взаимодействия гегемонистские ориентации закономерно трансформируются в политику, направленную на полное подчинение своему влиянию других субъектов мировой политики, сокрушение и уничтожение конкурентов, а нередко и оппонентов. На международной арене гегемонизм проявляется в диктате, экспансии, попытках подчинить своему влиянию более слабые государства, стремлении выполнять роль мировой мессии, призванной определить пути развития всего человечества. Политический гегемонизм трудно совместим с политическим и идеологическим плюрализмом, равноправием государств и народов, взаимовыгодным партнерством. Международные отношения всегда отражают конкуренцию, стремление занять главенствующие позиции если не в большинстве, то хотя бы в некоторых сегментах мировой политики. В этой связи необходимо подчеркнуть, что каждой из крупных держав в определенной мере присущи гегемонистские стремления. Это проявлялось, например, в колониальной экспансии, стремление контролировать и подчинять своему влиянию более слабые страны, малые государства, что приводило к кровопролитным войнам, стимулировало создание коалиций (например, Антанта, Тройственный Союз), соперничество между которыми в годы Первой мировой воны (1914-1918 гг.) закономерно вылилось в противоборство за гегемонию в глобальном масштабе. Стремление к мировой гегемонии демонстрировали фашистские и милитаристские державы во Второй мировой войне (1939-1945 гг.). Мировое сообщество, пережив потери и ужасы Второй мировой войны, стремилось минимизировать влияние гегемонистской идеологии и политики через создание международных организаций, закрепление принципов равноправия государств, уважения их суверенитета, неприкосновенности границ, однако крупные державы фактически осуществляли гегемонию, хотя и в разной степени и разными методами.

Для достижения своих целей политические силы, стремящиеся к мировой или региональной гегемонии, могут использовать разные методы – от

прямого насилия, вооруженного вторжения до демократических процедур. Современная практика свидетельствует и о наличии «мягких» форм гегемонизма, которые одним из первых исследовал итальянский коммунист А. Грамши. Он обратил внимание на узость традиционной трактовки понятия «гегемонизм», в которой внимание фокусируется лишь на негативных аспектах термина, репрессивных функциях капиталистического государства. А. Грамши подчеркнул идеологический контекст понятия, который, в его трактовке, предполагает «культурное господство» одного класса над другим. «Культурное господство» достигается с помощью технологии консенсуса через управление содержанием культуры и ведущих учреждений, ее формирующих и транслирующих. Согласно А. Грамши, государство является основным институтом принуждения, однако государство не существовать без общественного согласия, которое достигается через осуществление идеологического господства, «культурной гегемонии». Важнейшим, неотъемлемым компонентом достижения общественного согласия, «культурной гегемонии» А. Грамши считал гражданское общество с такими его институтами, как семья, церковь, профсоюзы, образование, СМИ. Чем более развито гражданское общество и его институты, тем вероятнее, что гегемония будет достигнута не насильственными, а мирными, идеологическими средствами. Для уничтожения капитализма, по мнению А. Грамши, угнетенный класс, помимо противостояния угнетению, должен опровергнуть идеи правящего класса, добиться идеологического превосходства, сформировать революционное сознание. Сегодня актуальность и востребованность идей А. Грамши обусловлена тем, что он обосновал важность убеждений, идеологии, ценностных ориентаций, социокультурной оснащенности политических акторов. Он фокусировал внимание на феномене гегемонии не только как политической необходимости, но и как важного фактора стабилизации существующей структуры власти и международного влияния, но не через репрессивный аппарат, а с помощью «культурной гегемонии» неотъемлемым компонентом которой является гражданское общество, гражданское сознание и ответственность [5].

Аналогичные идеи сегодня высказывает Джозеф Най, концепция «мягкой силы» которого стала очень популярна. «Мягкая сила» трактуется, как способность государственной власти добиваться от акторов политической жизни желаемых результатов на основе одобрения решений и действий власти, в целом привлекательности проводимой элитой политики, что обеспечи-

вает их добровольное участие, в отличие от «жёсткой силы», которая подразумевает принуждение. Безусловно, власть обязана использовать гибкие и разнообразные методы и формы презентации своих решений, оправдания своих действия и коммуницирования с гражданским обществом по широкому кругу нерешенных проблем [10, с. 165-179]. Политический, экономический и идеологический плюрализм, культурное многообразие, соблюдение прав и свобод человека и т.д. только при соблюдении баланса национальных и инонациональных культурных элементов и определенном контроле способствуют достижению общественного компромисса и консолидации, развитию разносторонних международных связей и отношений. Однако очевидно и другое. Техника, технологии, музыка, язык, фильмы, одежда, литература, мода и все, что принято считать элементами «мягкой силы», формируют культурные и политические ценностные ориентации, потребительские предпочтения, общественные и индивидуальные жизненные траектории развития. Предпочтение или насаждение элементов «мягкой силы» одной культуры и недооценка, игнорирование или искоренение ценностей другой культуры всегда ведут к внутренней и внешней политике, продуцирующей и транслирующей гегемонизм. При дисбалансе внедрения элементов «мягкой силы» в инокультурную и политическую системы, при всем многообразии форм ее проявления и благовидности изначальных целей и намерений, «мягкая сила» является инструментом гегемонизма, манипулятивным средством реализации собственных интересов в ущерб других интересов. В конечном итоге это всегда проявляется в попытках трансформировать многовекторность, взаимозависимость государств в одностороннюю зависимость через военно-политические, экономические, культурные, психологические и иные ресурсы. Следует подчеркнуть, что концепция «мягкой силы» была подвергнута критике как неэффективная, в частности, Нилом Фергюсоном (Niall Ferguson), по мнению которого субъекты международных отношений должны реагировать только на экономические и военные санкции. После Второй мировой войны в условиях «холодной» войны СССР и США, как сверхдержавы, фактически осуществляли гегемонистскую политику в рамках своих интересов через военные и экономические блоки. Сегодня нельзя отрицать влияние культуры на выбор политических предпочтений, стратегий и тактик политических действий и взаимодействий. Однако ценности иной культуры могут играть негативную роль, вносить дисбаланс, стать фактором разъединения общности и способствовать проведению гегемонистской поли-

тики другого государства на собственной территории только при попустительстве властвующей элиты, о чем красноречиво свидетельствует опыт России 90-х годов XX века [4, с. 18-23].

Гегемонизм. как вирусное заболевание, постоянно модифицируется. В современных условиях структурирования нового мирового порядка появляются новые формы гегемонизма. Феномен проявляется через стремление некоторых государств включить в сферу своих национальных интересов все новые и новые территории, находящиеся на существенном отдалении от границ государства-гегемона. Вызывает беспокойство мирового сообщества за судьбы человечества политика некоторых государств найти любой повод для вторжения на территорию суверенного государства под предлогом «защиты демократических ценностей, прав и свобод человека» даже в том случае, если их об этом не просили. Сегодня гегемонизм проявляется в стремлении навязать другим государствам с иной системой ценностей, культурой, религией собственные ценности, образ и стиль жизни, желании превратить международные организации в инструмент преимущественного обеспечения интересов одной державы или группы государств, что чревато серьезными коллизиями в мировой политике. Как бы ни модифицировался и не трансформировался гегемонизм, адекватно новым цивилизационным вызовам, продуцируя новые риски и конфликты «нового поколения», его суть, как феномена, остается – это трансформация всего многообразия взаимосвязей и взаимозависимостей акторов мировой политики, объективно требующих согласования и учета их интересов, в одностороннюю зависимость от гегемона [1; 6].

Вместе с тем следует признать, что гегемонизм – имманентное свойство крупных держав. В условиях глобализации «сжатие мира» (О.Янг), повышение роли транснациональных корпораций, оказывающих прямое давление на политику национальных элит, модификация сегментов связи, информации, коммуникации объективно приводит к определенной эрозии традиционных политических институтов, в том числе и государства, которое становится недостаточно эффективным институтом достижения национальной безопасности и благосостояния своего народа. Однако субъективно, несмотря на все перемены, крупные державы никогда не приуменьшали для себя важность следования принципам силового сдерживания конкурентов, «присутствия» в определении стратегии мирового развития, решении значимых общемировых проблем, проведения собственных интересов, что невоз-

можно осуществить без соответствующего экономического, военного и идеологического сопровождения. Известные исследователи и политики (Зб. Бжезинский, Дж. Болл, Дж. Кеннан, Г. Моргентау, У. Ростоу и др.) справедливо считали проявление силы, стремление к достижению национальных интересов основным, имманентным стремлением всякого государства, а международную политику как сферу соперничества, борьбы, конкуренции суверенных государств за их обеспечение. Известно, что авторитетный американский политолог, представитель теории неореализма; профессор политической науки Калифорнийского и Колумбийского университетов, президент Американской ассоциации политической науки (1987-1988 гг.), член Американской академии искусств и наук, лауреат премии имени Дж. Мэдисона (1999 г.). К. Уолтц ставил под сомнение реалистичность идеи роста взаимозависимости государств в современном мире. Он считал, что феномен взаимозависимости наблюдается лишь в сегменте отдельных фирм и корпораций, но не на уровне государств. Растиражированная идея взаимозависимости стран, по мнению К. Уолтца, является идеалистичной, она лишь затрудняет анализ глубокого неравенства стран, их реальных возможностей влияния на мировых процессы, ориентирует мировое сообщество на идеализированные цели и перспективы.

Сегодня бессмысленно опровергать тезис о том, что даже для крупных государств решение таких глобальных проблем, как предотвращение техногенных и гуманитарных катастроф, мирное освоение и использование космоса, борьба с терроризмом, охрана окружающей среды, борьба со СПИДом, распространением наркотиков, инфекционных заболеваний и т.д. требует сотрудничества, объединения ресурсов государств. Но справедливо и другое. Отсутствие верховного арбитра в международных отношениях объективно диктует государствам такую стратегию и тактику поведения на мировой арене, которые бы обеспечили превосходство, защиту собственной страны, ее устойчивую безопасность. Отсюда и стремление государств к созданию такого баланса сил, который способен быть сдерживающим фактором в условиях и «мягкого», и «силового» противостояния конкурентам. На мировой арене баланс сил между государствами и блоками государств является фактически почти единственным эффективным сдерживающим механизмом и собственно политическим регулятором их взаимодействий. Думается, что проблема состоит в минимизации гегемонистских устремлений, являющихся имманентным свойством, присущим крупным государствам. Для

этого необходимо соблюдение норм международного права, увеличение роли малых и средних государств в решении мировых проблем, учет их мнений и позиций при выработке согласованных нормативных документов, ответственность при принятии решений и др. [3, с. 9-14].

Лидерство государств, как и гегемонизм, характеризует степень влияния, воздействия страны на мировые процессы и акторов межгосударственных взаимодействий при сохранении способности презентовать и отстаивать свои национальные интересы в условиях усиления разносторонности межгосударственных отношений, сложно прогнозируемых подвижек в мировой политике. Определенная непредсказуемость во взаимоотношениях государств обусловлена многими причинами. В немалой степени она связана с увеличением количества стран, обладающих ядерным оружием, а также амбициями некоторых мировых лидеров. Лидерство государств предполагает активную внешнеполитическую деятельность, нацеленную на поиск оптимальной модели сочетания государственных, национальных интересов и интересов своих партнеров для достижения мира и укрепления собственной и международной безопасности и стабильности. Возможности и механизмы влияния государств частично носят объективный характер, поскольку их наличие или отсутствие не всегда зависит от усилий и поведения субъекта мировой политики (выход к морю, природные богатства, выгодное расположение и т.д.). Поэтому помимо природных и военных ресурсов, большое значение имеют экономические, политические, идеологические, культурные ресурсы. Их формирование во многом зависит от государства. Например, в 90-е годы 20 века в России насаждалось мнение о том, что русские являются ленивой, пьющей нацией, склонной к тоталитаризму, не имеющей «способности» к «демократическим» свободам, процедурам и ценностям в трактовке некоторых западных исследователей, что вольно или невольно формировало чувство собственной ущербности, ущербности, некоторой «недоцивилизованности». В этой связи необходимо подчеркнуть важность социокультурного аспекта в реализации государством своих лидерских потенций. Он предполагает, помимо других направлений, действия государства по недопущению ущемления другими странами своих национальных интересов, национальной культуры и традиций, отстаивание права своего народа реализовывать в социуме то понимание демократии, свободы, справедливости, которое адекватно социокультурным, историческим и национальным особенностям развития государства, культуре и менталитету граждан.

Гегемонизм и лидерство во многом схожие явления. В реальной практике их трудно, а порой и невозможно разграничить, что, в частности, обусловлено идеологическими соображениями, блоковыми интересами, политической конъюнктурой, личностным восприятием и многими другими объективными и субъективными факторами. Активная, наступательная внешняя политика по реализации национальных интересов, перманентное стремление повышать свое влияние на ход и исход мировых политических событий и процессов объединяют явления гегемонизма и лидерства государств. Но между ними можно выделить линии расхождения. В отличие от гегемонизма, лидерство не характеризуется склонностью к мессианству, превосходству, исключительности своей страны, переоценкой своих и недооценкой чужих успехов и достижений, выдвижением «неоспоримых» истин, каковыми признаются лишь собственные идеи и взгляды. Лидерство предусматривает согласование мнений, позиций со своими союзниками и партнерами, а не давление на них под угрозой применения тех или иных санкций с целью принятия «нужных» решений [14, с. 116-118].

Сегодня США позиционируют себя в качестве мирового лидера. Новая стратегия национальной безопасности, принятая в феврале 2015 года, обязывает Соединенные Штаты защищать и отстаивать национальные интересы за счет «сильного и устойчивого американского лидерства». «Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности, - считает президент США, - должна начинаться с одной неоспоримой истины - Америка должна быть лидером» (выделено мною – Г.И. Авцинова) [12]. В противоположность стремлению позиционировать себя в качестве лидера, многочисленные факты свидетельствуют о том, что во внешней политике США нарастают гегемонистские риторика и тенденции. В этой связи проанализируем речь Б. Обамы от 13 февраля 2015 года по случаю представления новой «Стратегии национальной безопасности» и приведем некоторые выдержки из его речи. «Мы обладаем вооруженными силами, чья мощь, технический уровень и геостратегический охват не имеют себе равных в истории человечества». «Мы обновили свои альянсы от Европы до Азии».

«Соединенные Штаты обладают уникальной возможностью мобилизовать мировое сообщество, и смело ответить» на глобальные вызовы. Заметим, что не ставится задача провести совместные консультации, выработать общие позиции, согласованные решения по актуальным вопросам междуна-

родных отношений, а ставится задача «мобилизовать мировое сообщество». США подтверждают свою «приверженность союзникам и партнерам», но «готовы действовать в одностороннем порядке, когда возникают угрозы нашим коренным интересам, а также «мобилизовать» другие страны «на коллективные действия» надо полагать для защиты интересов США. Американский Президент США признается, что «на всех фронтах» страна «лидирует с позиции силы», хотя это, по мнению Б. Обамы, «не означает, что мы можем и должны диктовать миру траекторию всех происходящих в нем событий». События последних лет «наглядно продемонстрировали силу и значимость незаменимого (выделено мною – Г.И. Авцинова) американского лидерства в мире. Мы мобилизовали и возглавили международные усилия по наказанию России и противодействию ее агрессии», остается огромное множество вызовов, для противодействия которым необходимо непрестанное (выделено мною – Г.И. Авцинова) американское лидерство, американская исключительность (выделено мною – Г.И. Авцинова) зиждется не только на силе нашего оружия и экономики. Прежде всего, это продукт наших основополагающих ценностей, включая власть закона и всеобщие права, а также упорство, талант и разнообразие американского народа». США намерены «лидировать, используя все инструменты американской мощи» [12].

Согласно новой стратегии национальной безопасности, США намерены помочь Европе в вопросах энергобезопасности и диверсификации импорта энергоресурсов с целью «углубляющейся зависимостью Европы от российского природного газа», содействовать «процветанию, безопасности и демократии» Западного полушария за счет расширения сотрудничества с Кубой, содействовать борьбе с терроризмом, «Исламским государством», «Аль-Каидой, вирусом «Эбола». Характерно, что так называемая российская агрессия упоминается в документе в общей сложности полтора десятка раз [13] в одном ряду с «насильственным экстремизмом и меняющейся террористической угрозой», «вызовами в сфере кибербезопасности», «ускоряющимися последствиями изменения климата», а также «распространением инфекционных болезней». Новая стратегия национальной безопасности США предусматривает «укрепление американского и международного потенциала предотвращения конфликтов как между государствами, так и в их пределах» (выделено мною – Г.И. Авцинова), США « будут в одностороннем порядке использовать военную силу в случае угрозы гражданам страны или стран-союзников» (выделено мною – Г.И. Авцинова) [13]. Стоит также отметить,

что согласно проекту бюджета, внесенного в Конгресс президентом США Бараком Обамой, Белый дом предлагает выделить 789 млн долларов на увеличение военного присутствия в Европе в 2016 году. Кроме того, Вашингтон израсходует в 2016 году 9,6 млрд долларов на программы противоракетной обороны. Параграф о «противодействии России» включен в качестве одного из приоритетных в бюджетное послание администрации Барака Обамы [13].

Приходится констатировать: действующая стратегия национальной безопасности России требует пересмотра, она не адекватна новым вызовам и рискам, отстает от потребностей современного развития страны и мира. Концепция национальной безопасности РФ была утверждена в 1997 году, в 2000 году, в начале первого президентского срока правления В.В. Путина она была обновлена, но в 2009 году была заменена на новый документ – «Стратегию национальной безопасности РФ до 2020 года». В мае 2015 года руководство страны объявило о необходимости пересмотра стратегии безопасности и принципов деятельности в сфере внешней политики и международных отношений. В первую очередь необходим пересмотр концептов информационной безопасности и политической стабильности с учетом беспрецедентной информационной войны, ведущейся сегодня против России [11, с. 162-166]. Приоритетной задачей повышения политического влияния России в мире является не просто увеличение объема и плотности транслируемой информации, а продвижение позитивного образа России, что невозможно без распространения разносторонней, объективной и правдивой информации о нашей стране, блокирования негативной информации и дезинформации. Необходимо также зафиксировать «опорные точки», которые станут ценностно-смысловым ядром российской «мягкой силы», признающейся официальными кругами страны в качестве потенциального направления внешней политики России с середины 2012 года. Дальнейшего обобщения, структурирования и концептуального осмысления требуют феномены и процессы, происходящие в информационно-коммуникативной среде, компоненты российской «мягкой силы», эффективные технологии воздействия на мнение мировой и российской общественности [2].

Сегодня США объединяют усилия ряда государств в противостоянии России, открыто объявляют нашу страну «агрессором». Необходимо осознать, что США являются сегодня нашим главным соперником в геополитическом противостоянии, что требует не агрессивной, воинственной политики, а целенаправленного перманентного наращивания усилий по решению своих

внутренних задач, увеличению потенциала, углублению интеграции на постсоветском пространстве, развитию всестороннего сотрудничества с нашими союзниками и партнерами и всеми заинтересованными в этом государствами. Только так можно противостоять американской внешнеполитической «стратегии перемалывания» (А.Д. Богатуров).

Литература

1. Авцинова Г.И. Гегемонизм // Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. Том 1. М., 2003.

2. Бронников И.А., Буренко В.И., Горбачев А.А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации: монография / Под ред. О.Е. Гришина, А.К. Сковикова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

3. Буренко В.И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №17.

4. Буренко В.И. Современный политический процесс и понятие «политическая элита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. №20.

5. Грамши А. Искусство и политика: В 2-х томах. М., 1990.

6. Загладин Н.В. Гегемонизм политический // Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Том 1. М., 1999.

7. Златанов Б.Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1.

8. Матвеенко Ю.И. Политический риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения // Социология власти. 2012. №1.

9. Матвеенко Ю.И. Современные подходы к изучению риска // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. №1-1.

10. Матвеенко Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. №1.

11. Сковиков А.К. Современные проблемы национальной безопасности России // Управление мегаполисом. 2010. №5.

12. Стратегия национальной безопасности («The White House», США) http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html (дата обращения 08.05.2015).

13. США представили новую стратегию национальной безопасности // Режим доступа http://vz.ru/news/2015/2/6/728327.html (дата обращения 07.05.2015).

14. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении и политике // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. №5.

15. Шабров О.Ф. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. №2.

References

1. Avtsinova G.I. Gegemonizm. Sotsiologicheskaya entsiklopediya. V 2-kh tomakh. Tom 1. M., 2003.

2. Bronnikov I.A., Burenko V.I., Gorbachev A.A. i dr. Modernizatsiya politicheskikh institutov, protsessov i tekhnologii v usloviyakh globalizatsii: monografiya. Pod red. O.E. Grishina, A.K. Skovikova. M., 2012.

3. Burenko V.I. O politicheskoi modernizatsii v sovremennoi Rossii v kontekste osobennostei ee pravyashchego klassa. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. №17.

4. Burenko V.I. Sovremennyi politicheskii protsess i ponyatie «politicheskaya elita». Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2011. №20.

5. Gramshi A. Iskusstvo i politika: V 2-kh tomakh. M., 1990.

6. Zagladin N.V. Gegemonizm politicheskii. Politicheskaya entsiklopediya. V 2-kh tomakh. Tom 1. M., 1999.

7. Zlatanov B.G. Osobennosti modernizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №1.

8. Matveenko Yu.I. Politicheskii risk: o nekotorykh metodakh i prikladnykh modelyakh ego analiza i izucheniya // Sotsiologiya vlasti. 2012. №1.

9. Matveenko Yu.I. Sovremennye podkhody k izucheniyu riska. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2012. №1-1.

10. Matveenko Yu.I., Galaeva M.G. «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoi geopolitiki. PolitBook. 2015. №1.

11. Skovikov A.K. Sovremennye problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii. Upravlenie megapolisom. 2010. №5.

12. Strategiya natsional'noi bezopasnosti («The White House», SShA) http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html (data obrashcheniya 08.05.2015).

13. SShA predstavili novuyu strategiyu natsional'noi bezopasnosti. Rezhim dostupa http://vz.ru/news/2015/2/6/728327.html (data obrashcheniya 07.05.2015).

14. Shabrov O.F. Standarty kachestva v gosudarstvennom upravlenii i politike. Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2009. T. 2. №5.

15. Shabrov O.F. Ispytanie raznoobraziem: predely upravleniya v sovremennom mire. Gosudarstvennaya sluzhba. 2007. №2.

Н.А. Омельченко

«РУССКИЙ ОПЫТ»: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ И ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация

Статья посвящена осмыслению существующих в научной литературе и отечественной публицистике методологических подходов и трактовок истоков и специфики российской государственности. По мнению автора статьи, строго объективное осмысление особенностей формирования российской государственности невозможно только в парадигме институционального анализа отечественных социальных и политических практик. Первостепенное значение должно быть отведено субъектному подходу к изучению происходивших в России процессов и явлений, внеинституциональным аспектам политики, в первую очередь особенностям национальной политической культуры и политической психологии. В статье обосновывается необходимость выяснения и объективной оценки роли государства в жизни российского общества и отношения к нему населения. Дается анализ причин широкого распространения в русском общественном сознании упрощенных представлений о соотношении основополагающих для жизни любого общества принципов свободы и порядка, являющихся базовыми составляющими либеральной и консервативной парадигм общественного развития в их классическом понимании. Обосновывается беспочвенность либеральной и консервативной утопии в условиях России и выясняются причины широкого распространения политического и социального радикализма в общественно-политической жизни российского общества.

N. Omelchenko

«RUSSIAN EXPERIENCE»: THE QUESTION OF METHODOLOGIES APPROACHES AND PROBLEMS OF STUDYING RUSSIAN STATEHOOD

Abstract

The paper considers the existing scientific literature and domestic journalism, methodological approaches and interpretations of the origins and the specifics of the russian statehood. According to the author, is strictly an objective understanding of the features of formation of russian statehood can not be only in the paradigm of institutional analysis of domestic social and political practices. High priority should be given to the subject approach to learning taking place in Russia processes and phenomena, extra-institutional aspects of the policy, especially the peculiarities of national political culture and political psychology. The necessity of finding and objective assessment of the role of the state in the life of russian society and the attitude of the population to it. The analysis of the causes of a wide spread in russian public consciousness simplified representations of the relationship between fundamental for the life of any society the principles of freedom and order, which are basic components of the liberal and conservative paradigms of social development in the classical sense. Substantiates the groundlessness of the liberal and conservative utopia in Russian conditions and the reason for widespread political and social radicalism in social and political life of russian society.

Ключевые слова:
государство, радикализм, политическая культура, мобилизационное развитие, русский либерализм, консерватизм.

Key words:
state, radicalism, political culture, mobilization type of development, russian liberalism, conservative values.

Вынесенный в название статьи основной концепт рассматриваемой проблемы ставит перед вдумчивым читателем ряд принципиальных вопросов. Какое содержание вкладывается в понятие «русский опыт»? Можно ли вообще говорить об историческом опыте российской государственности? Чему может научить этот опыт? В чем следует искать значение этого опыта для политических реалий современной России, объявившей себя «новым демократическим государством» и наследницей лучших традиций в истории российской государственного и политического управления? [13].

Всем, кто хоть немного знаком с развитием русской истории и общественно-политической мысли, известна нашумевшая история, связанная с публикацией в начале XIX века знаменитых «Философических писем» П.Я. Чаадаева, в которых он делился своими представлениями о настоящем, прошлом, и будущем России. Что было особенного в размышлениях русского философа, вызвавших бурное негодование большей части образованных современников, усиленное властным окриком императора Николая I? «Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать», - с горечью писал П.Я. Чаадаев в своем первом «Философическом письме». «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли… У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда… Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно…» [11].

Хотя в остальных семи «письмах» П.Я. Чаадаев неожиданно для многих стал проповедовать взгляды внешне «прямо противоположные» (об историческом преимуществе России как более «молодой» по сравнению с другими народами нации, и даже о ее призвании в этом смысле «дать миру какой-то важный урок»), остается без ответа главный вопрос. Что заставило одного из умных людей России вынести столь суровый приговор российскому обществу и его истории (произнести «отходную России») в первом своем письме, явно адресованному, по свидетельству современников и мнению исследователей, широкому кругу русского обра-

зованного общества для обсуждения? И как мы должны относиться к высказыванию философа о несамостоятельном характере русской политики и культуры, «всецело заимствованной и подражательной», о движении страны по линии, не приводящей к цели?

Поставленные русским философом вопросы не исчерпывают весь спектр проблем, связанных с осмыслением истории российской государственности. Остается нерешенным судьбоносный для российской государственности вопрос, насколько жизненной или, напротив, утопичной является сама идея демократического пути развития страны в историческом и современном контексте и каковы те организационно-политические формы, которые могли бы обеспечить сегодня выход России на новые рубежи возрождения и развития? [15]. Должны ли и можем ли мы развиваться в русле либерально-демократического тренда, по которому уже более века идут многие западные страны, или нам необходимо учитывать наши традиции и искать свой собственный путь развития? Насколько применимы к нашей почвенной психологии идеи и принципы западной «секулярной демократии», не нашедшие, как представляется, достаточного идейного обоснования и практических подтверждений в условиях исторической и современной России. Вопросы не простые, если учесть господствующее в современном российском обществе крайне негативное отношение к либеральным ценностям, которое воспроизводится и возводится политическим классом и государственной бюрократией в ранг государственной идеологии [14].

Принципиально важным представляются выяснение и объективная оценка роли государства в жизни российского общества и отношения к нему населения. Актуальность постановки вопроса обусловлена тем, что в последнее время на волне антиэтатистских и антитоталитарных настроений в нашей научной литературе и публицистике получили широкое распространение исключительно отрицательные оценки роли государства в жизни российского общества, что является, конечно, явным упрощением. В этой же связи следует рассматривать назревшую необходимость преодоления клишированных, ложных мифов о русском народе как неспособном к гражданской самоорганизации. Пожалуй, первым, кто указал на эту распространенную ошибку, был И. Солоневич. Он считал бездарной выдумкой многочисленные интерпретации русской истории, исходя из которых можно заключить, что государственность в России словно прыгнула «из какой-то таинственной засады» на шею народа «и оседлала его

на несколько веков… Так, как если бы русский народ был только материалом для стройки» [7, с. 121].

Согласимся с мыслью Эдварда Радзинского, что в России «вера в царя умирает последней». Но не только это отличает наш самобытный менталитет, делает его уникальным. Точно так же, как «вера в хорошего и умного царя» была неизбывной для большинства наших сограждан, вопрос «как нам обустроить Россию» не одну сотню лет тревожит умы и сердца всех, для кого слова «родина» и «отечество» - не пустой звук. Однако вряд ли где-либо еще, кроме России, ответы на этот вопрос остаются столь неоднозначными и противоречивыми.

Нам уже приходилось писать о причинах, объясняющих эту нашу традиционную «неустроенность». По нашему глубокому убеждению, дело здесь вовсе не в полиэтничности, пассионарности и других «уникальных» факторах нашей государственности. Дело, очевидно, в том, что эти и другие факторы, исторические уроки почему-то слабо учитываются при разработке и реализации проектов государственного строительства России. Не погрешим против истины, если скажем, что в современной общественно-политической мысли и государственно-управленческой практике отсутствует та «система координат», которая обычно способствует публичной самоидентификации человека, общности, народа со своим политико-историческим прошлым и настоящим, ментально сращивает власть и общество. Историческая амнезия – едва ли ни единственная и, к сожалению, не преодоленная пока традиция российского государственно-политического проектирования, нивелирующая практическую ценность предлагаемых рецептов обустройства нашей страны. Последствия этого – отсутствие собственной методологии современной российской общественно-политической науки, абсурдность и абстрактность предлагаемых рецептов обустройства России, противоречивость целей и средств политической элиты, ментальная расколотость постсоветской общественности, - словом, перманентное ощущение политической конъюнктурности, «бездомности» и бесперспективности общественно-политического бытия в собственном государстве. Это ощущение «бездомности в собственном доме» присуще как представителям элиты, так и рядовым гражданам современной России [6].

Один из сквозных вопросов при рассмотрении исторического опыта строительства российской государственности – изучение особенностей

политической культуры общества, которая в России формировалась, как и в любой другой стране, в течение всего ее исторического развития. Мы исходим из того основного для нас положения, что строго объективное осмысление истоков и особенностей формирования российской государственности невозможно только в парадигме институционального анализа отечественных социальных и политических практик, и что в политике, особенно на переломных этапах развития государства и общества, именно политическая культура зачастую играют едва ли не большую роль, чем идеология. И именно поэтому первостепенное значение должно быть отведено субъектному подходу к изучению происходивших в России процессов и явлений, внеинституциональным аспектам политики, в том числе и в первую очередь особенностям национальной политической культуры и политической психологии. Исторический опыт показывает, что именно рамками политической культуры и политической психологии, в конечном счете, определяются массовое политическое поведение и формируется мотивационная база властных отношений. В любом случае за фасадом социальных и политических институтов, за деятельностью народных масс, элит и лидеров всегда присутствуют устойчивые традиционные архетипы. Не всегда осознаваемые, они зачастую оказывают определяющее влияния на характер политических процессов, принимаемых управленческих и властных решений. Для политического развития России, традиционно отличавшейся от большинства европейских стран слабостью институциональных оснований политики и власти, отмеченная закономерность имеет особое значение.

Стал уже хрестоматийным пример состоявшегося в конце 1812 г. разговора между русским полководцем М.И. Кутузовым и императором Александром I, предложившим фельдмаршалу возглавить поход русской армии в Европу с целью окончательного разгрома наполеоновских войск. «Разве мы – не Европа?» – с удивлением спрашивал царь Кутузова в ответ на замечание фельдмаршала, что России «в Европе делать нечего». «Нет, не Европа», – отвечал полководец. «А кто же мы? Может, Азия?» – продолжал удивляться император. «Нет, – возражал Кутузов, – мы и не Азия». «Так кто же мы все-таки?». «Мы, Ваше Величество, Россия» [3, с. 3].

Нет слов, оригинальность и пафосность приведенных высказываний легендарного русского полководца о России не может не подкупить патриотически мыслящего читателя. Однако здесь возникает и масса вопро-

сов. Так ли Россия не имеет ничего общего с Европой и ей в ней «нечего делать»? И как она связана с Азией? Не угадывается ли в словах М.И. Кутузова «гордыня русского мессианизма» [9], о которой писал в начале 1920-х гг. российский политический мыслитель П.Б. Струве, оценивая настроения, господствовавшие в среде русской послеоктябрьской эмиграции. Ибо если согласиться с положением о том, что России «в Европе делать нечего», тогда не очень понятной становится вековая борьба России за признание ее «европейской державой», равно как и извечная тяга русской общественной мысли к европейским ценностям и институтам.

Найти ответы на эти и другие вопросы можно только с учетом всего многообразия условий и факторов, которые на протяжении веков доминировали в государственной и политической истории России, определяя общественно-политический тренд развития страны.

В контексте наших рассуждений уместно привести точку зрения исследователя русской культуры политического управления С.А. Морозова, согласно которой основу стабильности православно-славянской цивилизации составляли, с одной стороны, «ориентация на идею общеевропейского христианского дома» (как пример обычно приводят попытку Александра I создать содружество европейских христианских государств после разгрома Наполеона), с другой стороны – «последовательное сохранение цивилизационной незападной идентичности, выразившееся в отторжении всех попыток вестернизации» [4, с. 16]. В качестве доказательства этой мысли приводится провал всех попыток ассимиляции западнорусских земель (в частности, в Великом Литовском княжестве в XIV – XV вв.), равно как и сохранение основ православно-славянской цивилизации, несмотря на неоднократные попытки вестернизации России в период правления Петра I, Екатерины II, Александра I и, в известном смысле, в эпоху большевистской диктатуры, которую сегодня можно уже рассматривать как один из ярких примеров «псевдозападничества».

По наблюдениям современных исследователей, на протяжении всей своей политической истории русское общество развивалось под воздействием постоянного противоборства принципиально противоположных - либеральных и патриархально-традиционных, патерналистских ценностных установок, доминировавших в политическом дискурсе и общественно-государственном развитии. С одной стороны, русским людям были всегда присущи (не в меньшей мере, чем западному человеку) частная ини-

циатива, стремление к экономической самостоятельности и ограничению государственного вмешательства в жизнь общества. Русские люди отличались большим трудолюбием, желанием самоутвердиться в различных жизненных ситуациях. По наблюдениям Н.О. Лосского, доброта как одно из первичных свойств русского народа, искание абсолютной правды и религиозность воспитали и развили у русских разностороннюю одаренность, теоретический и практический ум, способность к высшим формам опыта (религиозного, нравственного, этического). С другой стороны, в массовом сознании российского общества господствующее положение длительное время занимали воспитанные историей, религией, географией и властью авторитарно-коллективистские ценности – соборность, общинность, коллективизм, патернализм и этатизация общества, приверженность сильному харизматическому лидеру. Все это, как считают специалисты, не только не создавало условий для развития либеральных тенденций в России, но и обусловило цикличность русского исторического процесса, его дискретный характер: либеральная тенденция, не успев закрепиться в результате проведенных реформ, сменялись новым возвратом к традиционным массовым ценностям.

К числу методологически важных вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении, следует отнести выяснение и анализ причин институциональной неопределенности как имманентной черты российской государственности, неизбежно приводящей к дисфункциям власти, которые в России чаще всего, по мнению большинства специалистов, снимались с помощью ресурсов персоналистского (авторитарного или полуавторитарного) режима. В России по причине слабости институциональных оснований политики место институтов, в отличие от других государств, традиционно занимали «неформальные отношения», различного рода «персоналистские сети», «теневые практики». Основной вывод исследователей данной проблемы заключается в том, что развитие неофициальных связей чаще всего вызывается тем, что ресурсы социальной власти концентрируются в руках отдельных лиц или конкретных функционеров государственного аппарата. Любой авторитарный недемократический строй, любая однопартийная система, так или иначе, порождают и закрепляют клиентарные отношения в системе власти и управления. Это было характерно для России дореволюционной, советского строя с его партийно-

государственной номенклатурой, и сохраняется в большинстве случаев в современном российском обществе.

В тесной связи с отмеченными «сквозными» проблемами формирования и эволюции российской государственности находится ключевая для развития России проблема обретения отечественной политикой публичности, которая, с нашей точки зрения, не может быть решена в ее узколиберальной трактовке и предполагает выявление специфики и «проблемных зон» практики взаимодействия российской власти и общества. С нашей точки зрения, основными характеристиками публичной политики в России всегда были: безусловный примат внутренних, политико-культурных и психологических аспектов легитимности власти над внешними формами политического участия; наличие монопольной идеологии, разделяемой всеми социальными группами; сословно-привилегированный характер форм и методов политического участия [5].

Совершено особое место в контексте осмысления природы и особенностей российской государственности занимает еще до конца не осознанный российским обществом и властью вопрос о соотношения свободы и государственного порядка в общественно-политической истории России. Можно утверждать, что именно проблема свободы и проблема власти (порядка) в России в их изначальной дуальности, в сложном переплетении и сочетании на протяжении веков составляли основу и ведущий мотив государственного и культурного развития страны. Множество факторов, как объективных, так и, особенно, субъективных, предопределяли сложность и противоречивый характер решения этой проблемы.

Речь должна идти не только о том, что в отличие от многих стран Европы власть в России была в неизмеримо меньшей степени ограничена индивидуальными и групповыми интересами, что превращало ее во власть самодержавную и чаще деспотическую, поглощавшую и подчинившую и общество, и личность. Очень важно иметь ввиду, что в российском общественном сознании и общественно-политической практике долгое время господствовали и во многом не преодолены и сегодня искаженные представления о свободе в ее онтологическом и практических аспектах. К сожалению, в России очень часто свобода понималась массами не как признание не только своих, но и чужих прав, а, прежде всего, как насилие одних лиц над другими. С другой стороны, уникальность ситуации состоит в том, что у нас те, кто выступал за свободу, как правило, не

любили порядок, и напротив, те, кто защищал порядок, обычно выступали за ограничение свободы.

Именно поэтому двумя основными и нерешенными проблемами развития российской государственности всегда считались, во-первых, утверждение свободы личности и, во-вторых, необходимость упорядочения государственного властвования, введения его в рамки правомерности и закона.

В свете сказанного нельзя не обратить внимания и на само отношение к демократии в русском обществе, которое характеризовалось по большей части идеалистическими представлениями о природе и способах воплощения этого сложного явления общественной жизни. Вера в различные «конечные цели» и химеры – одно из основных свойств русского менталитета. В то время как на Западе, успевшем испытать многие политические формы, проблема демократии уже давно, отмечал в начале прошлого века Н.А. Бердяев, ставится очень сложно, в широких кругах русской интеллигенции демократические идеи и идеологии никогда не брались критически, демократия «представлялась чем-то определенным и простым», принималась как само собой разумеющаяся правда – она «должна принести всякие блага, должна освободить личность» [1, с. 226].

Можно говорить о феномене демократического идолопоклонничества, являвшегося одной из слабых сторон мировоззрения дореволюционной русской западнической интеллигенции, предопределившей ее поражение в начале XX века, и, как это не раз бывало в нашей истории, ставшей одной из сущностных черт современного постсоветского политического бытия [6]. Во многом именно эта особенность обусловила провал ультралиберальных радикальных преобразований постсоветской России в «лихие девяностые».

Заслуживает пристального внимания еще одна особенность, которая традиционно отличала русское общество от всех других стран и народов и в этом смысле может быть признана одной из неотъемлемых черт «русского опыта» строительства национальной государственности. Суть этой особенности заключается в том, что в истории России практически каждая попытка модернизации завершалась «рецидивом» политического радикализма, игнорировавшем опыт прошлого, в том числе и в первую очередь особенности национального менталитета и политической культуры общества.

Причины широкого распространения политического и социального радикализма в общественно-политической жизни российского общества

долгое время находились на периферии исторической науки, им не уделялось необходимого внимания. Во многом они были обусловлены особенностями русского исторического процесса, для которого в силу своеобразия исторического пути России был свойственен «мобилизационный» и «догоняющий» тип развития. Такой тип развития, не в малой степени сложившийся под влиянием особенностей геополитического положения российского государства (сложных природно-климатических условий, постоянной внешней угрозы и т.д.) и предопределивший ставшее традиционным для страны использование чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, уже сам по себе заставлял российское общество в борьбе за выживание подчинять частные интересы государственным, ограничивать личную свободу своих членов [2, с. 157]. С другой стороны, хроническое отставание России от Западной Европы, отсталость и нищета масс, а также сильная поляризация общества делали неприемлемым путь постепенного выравнивания жизненных уровней различных слоев, путь длительной трансформации традиционных структур.

Неудивительно, что в общественно-политической жизни России, как в народных массах, так и особенно в среде образованных классов, господствующим стало стремление к радикальному обновлению социально-экономических и политических отношений, неприятие эволюционных методов решения проблем.

Отмеченные изъяны русской идейной жизни были одинаково свойственны как леворадикальным партиям и течениям в России, так и русскому либерализму и отечественному консерватизму. В России понятие либерализма долго употреблялось не в его истинном значении, нередко не отделялось от радикализма. За либеральным «английским фасадом» нередко скрывалось «чисто русское толстовство, т.е. дворянское неприятие государственного дела» [10, с. 349]. Общая же слабость русского консерватизма была следствием его подлинной беспочвенности. По большей части он являлся государственным миросозерцанием русской бюрократии и опирался на силы исторической инерции. Его охранительный характер, резко отвергавший реформы, способен был лишь спровоцировать всплеск радикального реформаторства, что никогда и ни к чему хорошему не приводило. Представляя собою «особую форму западничества», он часто охранял «не вековые основы народной жизни, а известный этап их разрушения» [10].

В заключение напомним о двух наиболее серьезных методологических ошибках, которые часто допускают при изучении и осмыслении истории российской государственности и на которые автор уже обращал внимание в своих прежних работах. Первая из них состоит в стремлении ученых и практиков вольно или невольно переносить современные политические понятия на события и факты недавней и особенно древней истории, модернизировать события прошлого без достаточного на то основания.

На эту распространенную ошибку столетие назад указывал один из выдающихся русских историков В.О. Ключевский, справедливо считавший, что люди всегда будут впадать в анахронизм, если, встречая привычные выражения в памятниках отдаленного времени, будут понимать их в современном смысле слова.

Другую не менее серьезную ошибку исторических исследований (которую мы условно назвали «ошибкой короткого замыкания») автор статьи связывает с не преодоленной до сих пор привычкой, в духе господствовавшей в советской историографии теории исторического детерминизма преувеличивать значение «объективных закономерностей» в историческом развитии и недооценивать роль и значение субъективного фактора в истории.

Никто не станет отрицать, что за совокупностью фактов исследователь должен видеть определенные внутренние закономерности развития, выявлять закономерные связи в историческом развитии, внутреннюю логику этого развития. Но также бесспорно и то, что историческая жизнь слагается из замыслов, действий людей и результатов этих действий, она по своей сути неотделима от конкретных деятелей, субъектов исторического процесса. А это приводит нас к выводу, что в исторической жизни народов и государств абсолютного детерминизма не существует и не может существовать и что огромную роль здесь могут играть ошибки тех или иных политических сил или отдельных исторических деятелей.

Об этом писали многие русские мыслители начала XX века, активно выступавшие против «ложного исторического фатализма» и не разделявшие мнения, что при оценке исторических явлений можно говорить только о причинах, а не о чье-либо вине. Как заметил в этой связи один из русских мыслителей и политических деятелей начала XX века, за пределами сферы относительной необходимости в истории всегда есть и сфера относительной свободы и так как в ней действуют человеческий разум и

воля, вопрос о вине и ошибках отдельных исторических деятелей не может быть снят с повестки дня [8]. В противном случае мы обречены делать одну и ту же ошибку, исключая при изучении исторических явлений и фактов личную ответственность и морально-политическую оценку человеческого поведения.

В любом случае мы не должны забывать об альтернативности, поливариантности исторического процесса. История, конечно, инвариантна, она не терпит сослагательного наклонения (что было бы, если бы?). Вместе с тем в самом историческом развитии всегда заложены различные возможности, альтернативы. Если реализовалась одна из них, то это еще не говорит о неизбежности именно такого варианта развития и что все другие комбинации были не возможны. Как однажды написал А.И. Герцен, «история пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу дверей». Поэтому очень важно изучать как реализованные, так и не реализовавшиеся возможности исторического развития. Это необходимо не только в целях правильной исторической перспективы, но и для того, чтобы учиться на уроках прошлого, делая из них необходимые выводы для сегодняшней политической практики.

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. воспроизв. издания 1918 г. М., 1990.

2. Гудименко Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. 1994. №2.

3. Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов. К истории российской государственности. М., 2002.

4. Морозов С.А. Культура политического управления. Краснодар, 1999.

5. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Публичная политика в России: политический миф или реальность? // Вестник университета (Государственный университет управления). М.: ГУУ, 2010. №22.

6. Омельченко Н.А., Гимазова Ю.В. Россия и демократия. Поклонение идолу или к вопросу об архетипах русской политической культуры // Политический маркетинг. 2011. №5(158).

7. Солоневич Л. Народная монархия. М., 1991.

8. Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. 1923. Кн. VI-VIII.

9. Струве П.Б. Дневник политика // Россия и славянство, 1932. 21 мая.

10. Федотов Г. П. Революция идет // Современные записки, 1929, Кн. XXXIX.

11. Чаадаев П. Философические письма. URL: http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html (дата обращения 17.07.2015)

12. Шабров О.Ф. Стандарты качества в государственном управлении // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. №5.

13. Gaman-Golutvina O. Russian society and elites in 1989-2009: transformation results and future perspectives // Historical Social Research. 2010. T. 35. №2.

14. Gaman-Golutvina O. The changing role of the state and bureaucracy in the context of public administration reforms: Russian and foreign experience // East European Politics. 2008. T. 24. №1.

15. Ledyaev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power. 2014. T. 7. №2.

References

1. Berdyaev N. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti. Reprint. vosproizv. izdaniya 1918 g. M., 1990.

2. Gudimenko D.V. Politicheskaya kul'tura Rossii: preemstvennost' epokh. Polis. 1994. №2.

3. Luk'yanova E.A. Na styke epokh i kontinentov. K istorii rossiiskoi gosudarstvennosti. M., 2002.

4. Morozov S.A. Kul'tura politicheskogo upravleniya. Krasnodar, 1999.

5. Omel'chenko N.A., Gimazova Yu.V. Publichnaya politika v Rossii: politicheskii mif ili real'nost'? Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). M.: GUU, 2010. №22.

6. Omel'chenko N.A., Gimazova Yu.V. Rossiya i demokratiya. Poklonenie idolu ili k voprosu ob arkhetipakh russkoi politicheskoi kul'tury. Politicheskii marketing. 2011. №5(158).

7. Solonevich L. Narodnaya monarkhiya. M., 1991.

8. Struve P.B. Poznanie revolyutsii i vozrozhdenie dukha. Russkaya mysl'. 1923. Kn. VI-VIII.

9. Struve P.B. Dnevnik politika. Rossiya i slavyanstvo, 1932. 21 maya.

10. Fedotov G.P. Revolyutsiya idet. Sovremennye zapiski, 1929, Kn. XXXIX.

11. Chaadaev P. Filosoficheskie pis'ma. URL: http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html (data obrashcheniya 17.07.2015)

12. Shabrov O.F. Standarty kachestva v gosudarstvennom upravlenii. Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2009. T. 2. №5.

13. Gaman-Golutvina O. Russian society and elites in 1989-2009: transformation results and future perspectives. Historical Social Research. 2010. T. 35. №2.

14. Gaman-Golutvina O. The changing role of the state and bureaucracy in the context of public administration reforms: Russian and foreign experience // East European Politics. 2008. T. 24. №1.

15. Ledyaev V., Chirickova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community. Journal of Political Power. 2014. T. 7. №2.

.

О.Е. Гришин,
А.Д. Митрофанова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ШОУ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация
Статья посвящена актуальной теме использования технологий политического шоу. В настоящее время появляется необходимость развития и усовершенствования новых технологий коммуникации между политическими структурами и обществом, с помощью которых можно привлечь внимание аудитории, а также интерпретировать события в интересах власти и управлять массами. Значимо исследовать особенности, закономерности, механизмы и перспективы использования технологий шоу в процессе политической коммуникации. Насущно изучение подачи информации посредством шоу-технологий в тех странах, которые находятся в состоянии кризиса. Деятельность правительств таких государств создает условия, при которых население гораздо больше интересует не содержательная часть кризиса и пути выхода из него, а форма, особая зрелищность, скандальность подачи информации об актуальных проблемах.

Ключевые слова:
политическое шоу, политическая коммуникация, технологии коммуникации, политический перфоманс, ток-шоу, политический юмор, концерт, шоу-бизнес, избирательная кампания, флеш-моб.

O. Grishin,
A. Mitrofanova

POLITICAL SHOW HOW TECHNOLOGY OF THE COMMUNICATION

Abstract
The article is devoted to the actual topic of the use of technologies of political show. Currently, there is need for development and improvement of new technologies of communication between the political agencies and society, by which you can attract the attention of the audience, as well as to interpret the events in the interests of power and control the masses. Significantly explore the features, patterns, mechanisms and perspectives of using technology to show the process of political communication. Urgently study the flow of information through technology show in those countries that are in crisis. Activities of the Governments of such countries create conditions in which people are not interested in much more substantial part of the crisis and the ways out of it, and the form, special entertainment, scandal supply information about the actual problems.

Key words:
political show, political communication, communication technology, political performance, talk-shows, political humor, concert, show business, election campaign, flash-mob.

В условиях современной политической действительности объемы поступающей информации слишком велики для восприятия массами. Постепенно народ перестает следить за новостной хроникой, утрачивает интерес к текущим проблемам, в частности, к конфликту вокруг Украины, развивающемуся экономическому кризису. В связи с этим появляется необходимость развития и усовершенствования новых технологий коммуни-

кации между политическими структурами и обществом, с помощью которых можно привлечь внимание аудитории, а также интерпретировать события в интересах власти и управлять массами [15].

Технологии политического шоу анализируются в публикациях М. Каневского [8], А.Ю. Карповой [9], Е.Ф. Коханова [10] и Э. Могилевской [13]. Анализ показал, что технологии шоу-политики позволяют преподносить новости в развлекательном, даже ироничном ключе, делая акцент на малозначимых деталях. К тому же элементы шоу-политики используются различными представителями власти и шоу-бизнеса в целях PR, а также как способ манипуляции настроениями граждан. Кроме того, когда по какой-либо проблеме поступает слишком много информации, у людей пропадает интерес к ней. С помощью технологий шоу можно привлечь внимание к выгодной для конкретных политических структур информации. Также с их помощью восполняются потребности населения в удовольствии и положительных эмоциях, что немаловажно в условиях современной обстановки.

Существует достаточно много определений феномена «политическая коммуникация». Так, например, Ю.В. Ирхин, В.Д. Зотов и Л.В. Зотова определяют политическую коммуникацию как «смысловой аспект взаимодействия субъектов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть и ее осуществление» [6, с. 310]. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса. Как правило, исследователи трактуют политическую коммуникацию как процесс взаимодействия и обмена политической информацией между различными социальными группами и индивидами на всех уровнях [11].

Процесс шоуизации политики начался в XX веке и активно продолжил развиваться после Второй Мировой войны, когда политическая коммуникация стала формироваться в самостоятельную отрасль науки. Кроме того, развитие данного процесса было связано с возникновением и распространением новых рекламных и PR-технологий в политической и социальной сферах. Однако следует отметить, что элементы шоу применялись и в древности. Ритуальность и церемониальность, сакральность и поклонения институтам и атрибутам политической власти существовали во все времена. Современная шоу-политика, как особый самостоятельный феномен, связана с развитием телевидения, кино и Интернета [2].

В самом общем смысле шоуизация политики подразумевает использование технологий шоу в ходе процесса политической коммуникации. В данном случае в роли Заказчика может выступать как государство в целом, так и отдельные политические лидеры. В качестве сообщения может быть мотив поддержать того или иного лидера, навязывание необходимого мнения по конкретной проблеме, побуждение к определенным действиям и прочее. Передатчик доносит необходимую информацию до получателя. Им может быть какой-либо политический деятель, звезда шоубизнеса, СМИ. Получателем являются массовые аудитории, а не конкретный человек. В итоге Заказчик получает обратную реакцию в виде, например, массовых выступлений, высказывания общественной позиции в его интересах, поддержки лидеров и партий на выборах и т.п.

Наиболее популярными технологиями политического шоу в современном мире являются: политический перфоманс, ток-шоу, юмористические передачи, концерты, привлечение звезд шоу-бизнеса к избирательной кампании, флеш-мобы.

Политический перфоманс. Данная технология получила научное обоснование в начале 50-х годов XX века. Однако элементы перфоманса использовались еще в Средневековье. В самом общем смысле политический перфоманс можно определить как символическую и ритуальную деятельность по производству поступков, которые создают нужное впечатление и ложатся в основу имиджей.

Можно выделить несколько основных принципов перфоманса [3], которые, однако, не всегда соблюдаются в отдельно взятых акциях:

– временное развитие действия;

– тактильность;

– игровой момент;

– обязательное наличие сценария;

– многослойность цели;

– эпатажность;

– актуальность действия.

Одной из основных функций политического перфоманса является возможность манифестации политических идей и демонстрации роли своих приверженцев. В качестве примера использования данной технологии в современной практике можно привести акцию украинского движения Femen. В ноябре 2011 года представительницы данной организации при-

няли участие в акции «Во имя итальянского народа». Девушки появились перед публикой в цветах итальянского флага: тело одной из трех было полностью покрыто зеленой краской, второй – белой, а третьей, соответственно, красной. Их головы украшал традиционный украинский венок [24]. Политический перфоманс в мире чаще всего связан с протестами и скандалами. Так, ряд подобных мероприятий в разных странах вызвала акция группы Pussy Riot, проведенная в феврале 2012 года в Храме Христа Спасителя. А в июле того же года мэр Рейкьявика Йон Гнарр устроил перфоманс в поддержку участниц группы. Он надел розовое платье и шапку-балаклаву и ездил по улицам Рейкьявика в автомобиле с плакатом «Свободу Pussy Riot» [1]. Также, во время Выборов Президента Украины в 2010 году участницы FEMEN прорвались на участок, где должен был голосовать Виктор Янукович, с плакатами «Хватит насиловать страну», обращенными ко всем политикам страны, а не только к Президенту. А в октябре 2014 года Активистки движения предстали топлес перед президентом Франции Франсуа Олландом во время его общения с журналистами. Пресс-служба организации заявила, что поводом для данной акции послужили два обвинения в эксгибиционизме, недавно выдвинутые французской судебной системой, в адрес двух активисток FEMEN Яны Ждановой и Элоиз Бутон [24].

Ток-шоу. Данный жанр возник в 60-х гг. XX века, и его родоначальником считается американский телеведущий Фил Донахью. Ток-шоу – это телевизионная передача в виде свободного обмена мнениями на заданную тему, в ходе которой специалисты отвечают на вопросы ведущего, присутствующих гостей и телезрителей [13, с. 21].

Ток-шоу распространены в различных странах мира. В связи с конфликтной обстановкой на Украине [4] и ее последствиями актуальными остаются политические ток-шоу. Так, в Германии очень популярно шоу Майбрит Ильнер [14]. Среди ключевых тем ее программ особенно выделяются следующие: «Русская рулетка – Можно ли доверять Путину?» (от 24.04.2014), «Новая Россия Путина» (от 04.09.2014), «Россия против Запада — мир в Европе в опасности?» (от 07.02.2015).

Практически в каждой стране есть свой вариант программы, в которой обсуждаются важные и актуальные общественно-политические проблемы. С развитием ситуации на Украине появляется большое количество телепередач данного формата, которые зачастую используются для мани-

пуляции сознанием населения. Так, на украинском телевидении существует три политических ток-шоу: «Черное зеркало» с Евгением Киселевым, «Шустер Live» с Савиком Шустером и «Право на власть», где вместо ведущего гости слышат только голос за кадром.

Можно кратко описать каждую из приведенных выше передач. «Черное зеркало» представлено в виде открытой площадки, где гости в студии и журналисты обговаривают важные вопросы и события, произошедшие в стране и в мире за прошедшую неделю. Среди тем прошлых выпусков «Черного зеркала» были такие вопросы, как: «Льготы участникам АТО: как их получают на практике», «Смягчение режима Америки в отношении Ирана: какие выгоды от этого будут для Украины», «100 дней работы нового Правительства: предварительные итоги». Данная программа носит ярко выраженный проамериканский характер. Такой вывод можно сделать по тону общей дискуссии в студии, где ведущие и гости жестко критикуют политику российских властей. Кроме того, на сайте ток-шоу был проведен опрос «Как вернуть Крым в Украину?». Варианты ответа были следующими: отвоевать (9,92%), отсудить (8,52%), привлечь реформами (40,98%), сначала Донбасс (40,58%) [7]. Ведущий утверждает, что Крым был аннексирован и, его необходимо вернуть в состав Украины.

«Шустер Live» более пророссийская программа. В ней обсуждаются также важные и актуальные события, но в более критичном по отношению к Украине ключе. Например, после подписания Минских соглашений в феврале 2015 года вышла передача, где основным вопросом было: «Кто быстрее нарушит пункты соглашения: Россия или Украина?». В ходе дискуссии ведущий и гости пришли к выводу, что это будет Украина. Также по вопросу Крыма никто в студии не говорил об аннексии. Поэтому, можно сказать, что «Черное Зеркало» и «Шустер Live» – ток-шоу с полярными позициями по одинаковым проблемам.

«Право на власть» отличается по формату от предыдущих шоу. В студию программы раз в неделю приглашают четырех политиков, претендующих на места в Верховной Раде. Гостям задают вопросы из различных сфер и проверяют их по следующим критериям: верят ли им зрители, разделяют ли их позицию эксперты, согласятся ли с ними оппоненты и не поймают ли их на лжи журналисты. В целом данное шоу направлено не

на формирование мнения украинцев о России и Америке, а на конкретный результат: победу кандидата на выборах в Раду.

Несмотря на распространенность данной технологии, с ее помощью нельзя оказать влияние на большие массы людей. По данным опросов, проведенных ведущими мировыми издательствами в 2014 году, политические ток-шоу на Украине, которую мы рассматривали в качестве примера, смотрит около 30% населения [16]. По данным опроса, проведенного немецкими СМИ, около 40% жителей Германии смотрят политические ток-шоу [25]. В США на сайте канала CNN был проведен подобный опрос. По его результатам оказалось, что около 45% американцев смотрят данные телепередачи [26].

Юмористические программы. Данный вид шоу появился во второй половине XX века в США. Передачи ироничного характера направлены на развлечение зрителей. Во время просмотра таких программ люди расслабляются. В таких условиях они быстрее поддаются различным манипуляциям. Поэтому часто в юмористических шоу появляется политическая тематика.

Этот вид коммуникации распространен во многих странах мира. Существуют различные форматы таких программ. Это могут быть и авторские ток-шоу, как, например, в свое время британское «Шоу Бенни Хилла», российский «Вечерний Ургант». Ведущие данных телепередач в ироничном ключе рассказывают зрителям об актуальных событиях и обсуждают их с приглашенными гостями в студии.

Также популярны передачи с сольными или командными выступлениями. Одним из наиболее ярких примеров является международный союз КВН. Игры Клуба проходят в разных странах мира, чаще всего в странах СНГ. Команды Клуба выступают с концертами в США и Европе. В ходе выступления команды затрагивают, помимо всего прочего, и актуальные политические темы, высмеивают действия конкретных политиков и правительств различных стран. В таком упрощенном контексте определенная информация подается зрителям в необходимом для власти ключе, так как, безусловно, подобные программы проходят жесткую цензуру.

Данный вид юмористических шоу, а также различные мультипликационные и кукольные передачи («Куклы») больше популярны среди русскоговорящей публики в странах СНГ. Их формат предполагает упрощенную передачу информации за счет шуток. За просмотром подобных про-

грамм зрители отдыхают и получают актуальную информацию, не задумываясь о сути проблем. С помощью данной технологии можно внедрить определенную «мысль-вирус», касающуюся определенной проблемы.

В США большой популярностью пользуется ежедневное авторское ток-шоу «The Daily Show». По данным различных источников, рейтинги программы варьируются от 55 до 70% при общей аудитории канала около 45% от всех жителей Америки [22]. Помимо этого шоу, на американском телевидении есть более десяти вариантов передач похожего формата. А также еще в 15 странах мира существуют различные варианты подобных программ: Англия – «The Graham Norton Show», Бразилия – «The Noite com Danilo Gentili», Австрия – «Willkommen Österreich with Stermann & Grissemann». Формат всех этих шоу предполагает наличие одного ведущего и, в некоторых вариантах, со-ведущего. Ведущий рассказывает последние новости страны и мира, преподнося их в юмористическом ключе. После в студию приходят гости – популярные певцы, актеры, с которыми продолжается обсуждение новостей, а также личной жизни гостей.

Так, например, в США после убийства Бориса Немцова в эфир 2 марта 2015 года вышел очередной выпуск «The Daily Show». Ведущий Джон Оливер, обсуждая эту новость с гостями, сказал следующее: «Наверное, у русских вместо «До свидания!» используется фраза «Надеюсь, Путин тебя не убьет!» [28]. Далее Оливер развил свою мысль. Но уже по одной этой фразе можно судить об отношении ведущего к России и Путину, а также об общей направленности передачи.

Концерты. Чаще всего концерты проводятся во время избирательной кампании в поддержку определенной политической силы. Это могут быть как бесплатные концерты на открытом воздухе в рамках митинга, так и платные сольные концерты звезд шоу-бизнеса, собранные средства от которых направляются в предвыборный фонд кандидата или партии. Например, в США перед президентскими выборами 2012 года известные американские рокеры Брюс Спрингстин и Билли Джоэл дали концерт в поддержку Барака Обамы. Средства, полученные от продажи билетов, были переданы в предвыборный фонд действующего президента.

В странах Европы и США очень распространены концерты в честь какой-либо политической силы. Они могут проводить как в рамках предвыборной агитации, так и после выборов в честь победы. Кроме того, концерты проводятся для поздравления с каким-либо праздником бес-

платно для привлечения большего числа зрителей. Обычно на подобных мероприятиях озвучивается, что они организованы при поддержке какой-либо партии или политика. В таком случае поддерживается положительный имидж, привлекается больше сторонников.

К примеру, в июне 2012 года на площади у Букингемского дворца в центре Лондона состоялся в честь Бриллиантового юбилея королевы Елизаветы. Следует отметить, что в Англии положение монарха нестабильно. Часто люди недовольны тем, сколько средств тратится на содержание монаршего дома. Поэтому такие концерты отвлекают народ от проблем, дают им возможность бесплатно отдохнуть, не забывая, что праздник проводится в честь Королевы.

Нередко в США во время предвыборных кампаний проводят концерты в поддержку определенных кандидатов. Автор приводил ранее пример такого мероприятия ранее. В честь победы на выборах также проводятся концерты, на которых победитель благодарит за поддержку своих сторонников. Часто выигравший кандидат использует такие конструкции в своей речи, как: «мы победили», «вместе с вами» и т.п. Это, своего рода, приемы НЛП, с помощью которых можно влиять на сознание людей. Чувство единения сплачивает народ и позволяет мотивировать его к определенным действиям в случае необходимости.

В январе 2009 года прошел масштабный концерт в честь инаугурации нового президента страны Барака Обамы. На этом мероприятии выступили самые популярные артисты Америки, в числе которых были U2, Beyonce, Стиви Уандер и другие, а также знаменитые актеры. Они со сцены поздравляли Обаму с избранием, желали ему успехов и благодарили избирателей за их выбор.

Отдельно стоит выделить технологию привлечения звезд шоубизнеса к участию в политической деятельности. Здесь речь идет не только о концертах, а также и об активной поддержке кандидата или партии (доверенные лица), в целом об агитации граждан для участия в выборах и о непосредственном участии «звезд» в политической жизни страны.

Например, в той же Америке различные актеры и певцы перед выборами 2012 года активно заявляли о своих политических предпочтениях. В частности, Барака Обаму поддерживали Джордж Клуни, Мэтт Дэймон, популярная телеведущая Опра Уинфри, звезды музыки Мадонна,

Эминем и другие. Кроме того, перед этими выборами была запущена масштабная рекламная кампания для привлечения избирателей к голосованию. Стивен Спилберг снял мобилизующий ролик «DON'T VOTE!» («Не голосуй!»), в котором приняли участие такие знаменитости, как Уилл Смит, Леонардо ДиКаприо, Джастин Тимберлейк и др.

Очень распространен во многих странах и переход известных людей из шоу-бизнеса в политику. Многие знаменитые актеры, певцы, спортсмены вступают в партии, баллотируются на высокие государственные должности, принимают участие в высших органах власти своей государств. Одним из наиболее ярких примеров является бывший губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер.

Мы констатируем, что, привлекая к предвыборной кампании известного и популярного в стране актера или певца, можно заручиться большей поддержкой электората. Для многих людей позиция импонирующей им медийной персоны может оказать решающее влияние во время выборов. Кроме того, мысль, высказанная популярной «звездой», быстрее получит отклик у граждан, чем мнение профессиональных, но малоизвестных широким массам экспертов.

Часто звезды шоу-бизнеса начинают политическую карьеру: вступают в партии, занимают важные руководящие должности. Популярным артистам проще добиться успехов в большой политике: их знают и любят многие люди, которые могут оказать им существенную поддержку на выборах. С другой стороны, некоторые люди в таких случаях, наоборот, меняют отношение к артисту в худшую сторону. Но этот вариант характерен больше для России.

В США было несколько знаковых случаев перехода звезд в политику. Рональд Рейган начинал как актер и радиоведущий. Он успел сняться в 54 художественных фильмах. В 50-х гг. XX века он активно участвовал в избирательных кампаниях Дуайта Эйзенхауэра и Ричарда Никсона. В 1967 году он был избран губернатором Калифорнии, а переизбран в 1970. После в 1981 году Рональд Рейган был избран на пост Президента США и занимал его два срока до 1989 года. Можно отметить, что его политическая карьера была гораздо успешнее, чем актерская.

Еще одним примером является австриец по происхождению, популярный актер Арнольд Шварценеггер. К 2015 году он снялся более чем в 250 художественных фильмах, и на этом его карьера актера не заканчи-

вается. Кроме того, он выступил продюсером и режиссером нескольких картин. А в 2003 году он был избран на пост губернатора Калифорнии и стал первым губернатором штата, родившимся за пределами США, с 1862 года. Этот пост Шварценеггер занимал два срока до 2011 года.

После своей отставки с поста губернатора Калифорнии Арнольд Шварценеггер основал Институт государственной и глобальной политики Шварценеггера. 24 сентября 2012 года Институт официально начал свою работу, проведя первый симпозиум. Открывая его, Шварценеггер подчеркнул, что он сам, будучи республиканцем «никогда не рассматривал демократов, как злодеев», и даже «был женат на демократке 25 лет». По мнению Шварценеггера, сотрудничество республиканцев и демократов должно стать ключевым для решения проблем американской нации. Институт, по заявлению его основателя, будет сотрудничать со всеми «новаторами» всех политических убеждений, поскольку «ни одна идеология не имеет монополии на принятие решений» [20].

Стоит сказать, что бывший губернатор Калифорнии рассматривал перспективу стать Президентом США. Однако, по Конституции, этот пост может занять только родившийся в Америке человек. В Парламенте рассматривался вопрос о внесении поправок по данной статье. Согласно законам США, для принятия поправки необходимы голоса, по крайней мере, в тридцати восьми (трёх четвертях) штатов, в каждом из них требуется большинство в две трети голосов. В настоящий момент поправки не были приняты. Кроме того, к перспективе избрания Шварценеггера президентом США положительно относятся 26% американских избирателей [21]. Также многие американцы говорят, что карьера губернатора Шварценеггера была не очень успешной.

Флэш-моб – это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (сценарий) и затем расходится [8]. Данное явление появилось в США вначале 2000-х гг. В настоящее время флэш-мобы чаще всего организуются с помощью сети Интернет. Чаще всего для наиболее красочного действия участникам раздают символы по теме проводимой акции. Также по окончании действия участники могут раздавать определенную символическую продукцию зрителям.

В качестве примера политического флэш-моба можно привести акцию белорусского сообщества «Революция через социальные сети». 8

июня 2011 года они провели молчаливый политмоб в Минске [27]. Они призывали через социальные сети выходить на главные площади городов Белоруссии по средам вечером без транспарантов и флагов. Целью акции было вернуть доступ к социальным сетям для жителей страны.

Флэш-моб как технология только набирает популярность. Однако во многих странах прошли различные флэш-мобы по важным и актуальным проблемам. Целью этих акций было привлечение внимания к проблеме властей и поиск сторонников среди населения. Например, в Венесуэле 13 марта 2015 года прошел флэш-моб против Барака Обамы и агрессии США. На большом поле люди выстроились в фигуру знака мира, образовали фразу «Yankee Go Home» и окружили фотографии латиноамериканских лидеров. Остальная толпа держала надпись на испанском «Venezuela se Respeta!» («Венесуэла, с уважением!»). Данная акция была освещена в социальных сетях, особенно в сети Twitter, и получила одобрение у многих пользователей этого микроблога [17].

Таким образом, целью шоуизация политики является влияние на широкие массы, формирование интереса к определенной информации, выгодной для конкретной политической силы позиции и получение соответствующей реакции граждан, а также развлечение и отвлечение внимания от некоторых проблем. Технологии шоу-политики развиваются и остаются популярными в различных странах мира. Многообразие данных технологий требует более детального их изучения, выявления особенностей и закономерностей, а также дальнейших перспектив.

В современной России политическое шоу не является новой технологией. При этом оно постоянно набирает обороты, а интерес населения к данному виду технологий не уменьшается. Во многом это связано с интересом к событиям на Украине. Такая тенденция позволяет автору сделать научно обоснованные предположения о существующей взаимосвязи между возрастающим интересом населения к шоу-технологиям и волне политического и социально-экономического кризиса внутри государства [12].

Шоуизация политики – распространенный и актуальный процесс. Он представляется как элемент коммуникации и позволяет донести информацию до населения в том виде, в котором людям будет проще ее принять. При анализе и классификации различных видов, механизмов и способов шоуизации автор пришел к выводу, что данный процесс является перманентно существующим. Однако он предсказуемо актуализируется в

период избирательной кампании, а также в целях популяризации молодых политических лидеров, которые еще не вошли в правящую или околгосударственную элиту [3].

Шоу-технологии в российском политическом процессе напрямую затрагивают наиболее острые темы: коррупция, конфликт на Украине, В.В. Путин и его реформы. При этом существуют такие проблемы, которых не касается шоу-политика: национальный вопрос, терроризм. Это позволяет говорить о возможности использования шоу-технологий в рамках цветных революций или нелегальных технологиях избирательных кампаний [19]. Наибольшую актуальность эта проблема может приобретать в связи с потенциальной невозможностью введения государственной цензуры на обсуждение этих вопросов.

Политическое шоу в России имеет свои тенденции. Их популярность в обществе зависит от актуальности темы, а также от доверия населения к тому политику или артисту, который задействован в коммуникации. Особое значение на первом этапе становления политического шоу играет имидж и личность ведущего, а в дальнейшем большое значение приобретает рейтинг и мнение приглашенных гостей.

Постепенно шоу-политика в России переходит от этапа замещения личности к непосредственному общению лидера с населением. То есть вместо представления известной персоны в виде куклы, люди имеют возможность напрямую пообщаться с политиком, услышать его личное мнение по актуальным проблемам. Автор рассматривает сложившуюся практику общения через Прямую Линию Президента и народа как пример такого рода шоу.

В политическом процессе и, особенно в политической коммуникации в России последние 15 лет наблюдается постепенный спад интереса населения к таким важным событиям, как выборы, общественное обсуждение актуальных и важных проблем. Это может свидетельствовать о том, что политика как деятельность перестает быть интересной широким слоям населения, создаются условия для управления элит [18]. Шоу-политика как технология коммуникации потенциально способна вернуть интерес населения к данным процессам. При этом большую роль может сыграть яркий имидж тех, кто приходит в политику, например, у известных актеров, певцов, спортсменов.

Говоря о перспективах Российской Федерации и дальнейшем развитии в ней шоу-технологий, можно предположить следующее. Чем ближе будет по времени избирательный цикл 2016 года (выборы в Государственную Думу РФ) и 2018 года (выборы Президента РФ), тем более насущными и востребованными будут изучаемые технологии политического шоу как эффективный способ коммуникации между государством и обществом, партиями и электоратом, кандидатами в президенты и народом.

Литература

1. Братство балаклавы: мэр Рейкьявика устроил перформанс в поддержку Pussy Riot // Forbes Media. URL: http://www.forbes.ru/news/88543-bratstvo-balaklavy-mer-reikyavika-ustroil-performans-v-podderzhku-pussy-riot (дата обращения: 02.04.2015).

2. Бронников И.А. Будущее политических интернет-технологий: два сценария развития // Власть. 2014. №1.

3. Буренко В.И. О политической модернизации в современной России в контексте особенностей ее правящего класса // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №17.

4. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства // Искусство России. URL: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/#first. (дата обращения 30.03.2015).

5. Жильцов С.С. Государственное устройство Украины: проблемы современного развития // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2015. №5(304).

6. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. М., 2001.

7. Как вернуть Крым в Украину? // Проект «Подробности». URL: http://podrobnosti.ua/ (дата обращения: 02.04.2015).

8. Каневский М. Мобильный дозор. OSMыSливая политику. М., 2006.

9. Карпова А.Ю. Шоу-политика или шоу в политике // Власть. 2014. №3.

10. Коханов Е.Ф. Политические ток-шоу: диалогичность и интерактивность // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т.4. №1

11. Лебедев С.В. Теоретико-методологические проблемы политической коммуникации в трудах российских ученых // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №32.

12. Матвеенко Ю.И. Политический риск: о некоторых методах и прикладных моделях его анализа и изучения // Социология власти. 2012. №1.

13. Могилевская Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования, 2006.

14. Немецкое политическое ток-шоу: «Можно ли доверять Путину». URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1487489 (дата обращения 02.04.2015).

15. Нестерчук О.А. Опасный контент как технология скрытого управления массовым сознанием и поведением в современных условиях // Безопасность Евразии. 2013. №2(46).

16. Опрос РБК-Украина: Более трети респондентов разочаровались в политических ток-шоу // РБК-Украина. URL: http://www.rbc.ua/rus/analytics/opros-rbk-ukraina-bolee-treti-respondentov-razocharovalis-13052013102900 (дата обращения 02.04.2015).

17. Политический флэш-моб в Венесуэле 13 марта 2015 года против Барака Обамы и агрессии США. URL: http://pikabu.ru/story/venesuyela_fleshmob_protiv_obamyi_i_agressii_ssha_13_marta_2015_3171407 (дата обращения 02.04.2015).

18. Сковиков А.К. Политическая и правящая элиты современной России: взаимодействия и противоречия // Политика и общество. 2010. №10.

19. Шабров О.Ф. Государственное управление в России: проблемы эффективности // Социально-гуманитарные знания. 2005. №2.

20. Шварценеггер основал политический институт // Новостной портал Лента.Ру. URL: http://lenta.ru/news/2012/08/03/schwarzenegger/ (дата обращения 04.04.2015).

21. Cable News Network. URL: http://edition.cnn.com/specials/polls/35789 (дата обращения 02.04.2015).

22. Comedy Central TV URL: http://www.cc.com (дата обращения 02.04.2015).

23. FEMEN – искусство политического перфоманса // Ежедневный интернет-журнал «Культурология.Ру». URL: http://www.kulturologia.ru/blogs/281010/13351/ (дата обращения 02.04.2015).

24. FEMEN разделись в Риме против Берлускони // Обозреватель. URL: http://obozrevatel.com/abroad/femen-razdelis-v-rime-protiv-berluskoni.htm (дата обращения 30.03.2015).

25. German talk-shows are not so popular among Germans // SPUTNIK online media. URL: http://sputniknews.com/world/20140513/189790190.html (дата обращения 02.04.2015).

26. Poll: TV-Show Pros or Cons // Cable News Network URL: http://edition.cnn.com/specials/polls/46589 (дата обращения 02.04.2015).

27. Stern David L. Belarusians organize flash mob protests // Global Post. World News. URL: http://www.globalpost.com/dispatch/news/regions/europe/110701/belarus-flash-mob-protests-facebook (дата обращения 02.04.2015).

28. The Daily Show. URL: http://thedailyshow.cc.com/videos (дата обращения 02.04.2015).

References

1. Bratstvo balaklavy: mer Reik'yavika ustroil performans v podderzhku Pussy Riot. Forbes Media. URL: http://www.forbes.ru/news/88543-bratstvo-balaklavy-mer-reikyavika-ustroil-performans-v-podderzhku-pussy-riot (data obrashcheniya: 02.04.2015).

2. Bronnikov I.A. Budushchee politicheskikh internet-tekhnologii: dva stsenariya razvitiya Vlast'. 2014. №1.

3. Burenko V.I. O politicheskoi modernizatsii v sovremennoi Rossii v kontekste osobennostei ee pravyashchego klassa. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. №17.

4. Gnirenko Yu. Performans kak yavlenie sovremennogo otechestvennogo iskusstva Iskusstvo Rossii. URL: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/#first. (data obrashcheniya 30.03.2015).

5. Zhil'tsov S.S. Gosudarstvennoe ustroistvo Ukrainy: problemy sovremennogo razvitiya Nauchno-analiticheskii zhurnal «Obozrevatel'–Observer». 2015. №5(304).

6. Irkhin Yu.V., Zotov V.D., Zotova L.V. Politologiya. M., 2001.

7. Kak vernut' Krym v Ukrainu? Proekt «Podrobnosti». URL: http://podrobnosti.ua (data obrashcheniya: 02.04.2015).

8. Kanevskii M. Mobil'nyi dozor. OSMySlivaya politiku. M., 2006.

9. Karpova A.Yu. Shou-politika ili shou v politike. Vlast'. 2014. №3.

10. Kokhanov E.F. Politicheskie tok-shou: dialogichnost' i interaktivnost'. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. T.4. №1

11. Lebedev S.V. Teoretiko-metodologicheskie problemy politicheskoi kommunikatsii v trudakh rossiiskikh uchenykh. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2012. №32.

12. Matveenko Yu.I. Politicheskii risk: o nekotorykh metodakh i prikladnykh modelyakh ego analiza i izucheniya. Sotsiologiya vlasti. 2012. №1.

13. Mogilevskaya E. Tok-shou kak zhanr TV: proiskhozhdenie, raznovidnosti, priemy manipulirovaniya, 2006.

14. Nemetskoe politicheskoe tok-shou: «Mozhno li doveryat' Putinu». URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1487489 (data obrashcheniya 02.04.2015).

15. Nesterchuk O.A. Opasnyi kontent kak tekhnologiya skrytogo upravleniya massovym soznaniem i povedeniem v sovremennykh usloviyakh. Bezopasnost' Evrazii. 2013. №2(46).

16. Opros RBK-Ukraina: Bolee treti respondentov razocharovalis' v politicheskikh tok-shou. RBK-Ukraina. URL: http://www.rbc.ua/rus/analytics/opros-rbk-ukraina-bolee-treti-respondentov-razocharovalis-13052013102900 (data obrashcheniya 02.04.2015).

17. Politicheskii flesh-mob v Venesuele 13 marta 2015 goda protiv Baraka Obamy i agressii SShA. URL: http://pikabu.ru/story/venesuyela_fleshmob_protiv_obamyi_i_agressii_ssha_13_marta_2015_3171407 (data obrashcheniya 02.04.2015).

18. Skovikov A.K. Politicheskaya i pravyashchaya elity sovremennoi Rossii: vzaimodeistviya i protivorechiya. Politika i obshchestvo. 2010. №10.

19. Shabrov O.F. Gosudarstvennoe upravlenie v Rossii: problemy effektivnosti. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2005. №2.

20. Shvartsenegger osnoval politicheskii institut. Novostnoi portal Lenta.Ru. URL: http://lenta.ru/news/2012/08/03/schwarzenegger/ (data obrashcheniya 04.04.2015).

21. Cable News Network. URL: http://edition.cnn.com/specials/polls/35789 (data obrashcheniya 02.04.2015).

22. Comedy Central TV URL: http://www.cc.com (data obrashcheniya 02.04.2015).

23. FEMEN – iskusstvo politicheskogo perfomansa. Ezhednevnyi internet-zhurnal «Kul'turologiya.Ru». URL: http://www.kulturologia.ru/blogs/281010/13351/ (data obrashcheniya 02.04.2015).

24. FEMEN razdelis' v Rime protiv Berluskoni. Obozrevatel'. URL: http://obozrevatel.com/abroad/femen-razdelis-v-rime-protiv-berluskoni.htm (data obrashcheniya 30.03.2015).

25. German talk-shows are not so popular among Germans. SPUTNIK online media. URL: http://sputniknews.com/world/20140513/189790190.html (data obrashcheniya 02.04.2015).

26. Poll: TV-Show Pros or Cons. Cable News Network URL: http://edition.cnn.com/specials/polls/46589 (data obrashcheniya 02.04.2015).

27. Stern David L. Belarusians organize flash mob protests. Global Post. World News. URL: http://www.globalpost.com/dispatch/news/regions/europe/110701/belarus-flash-mob-protests-facebook (data obrashcheniya 02.04.2015).

28. The Daily Show. URL: http://thedailyshow.cc.com/videos (data obrashcheniya 02.04.2015).

Л. Донай **L. Donaj**

ПРАВО НА ПУБЛИЧНУЮ ИНФОРМАЦИЮ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬШЕ

RIGHT TO OF THE PUBLIC INFORMATION AND SECURITY OF THE STATE IN POLAND

Аннотация
Одним из наиболее важных элементов, обуславливающих существование современных демократий, а также неотъемлемо связанных с их функционированием, является гарантия всеобщего доступа к публичной информации. Однако в настоящее время заметна тенденция к ее утаиванию государственными учреждениями в различных сферах наряду с более обширным вторжением в личную жизнь граждан.
В статья анализируются принципы, регулирующие доступ к публичной информации в Польше. Проиллюстрирована дилемма: право гражданина на личную жизнь versus обязанность государства обеспечить гражданину информационную безопасность.

Ключевые слова:
публичная информация, публичность, информационная безопасность.

Abstract
One of the most important elements that lead to the existence of modern democracies, as well as integral to their operation, is to ensure universal access to public information. Currently, however, there is a tendency to its concealment government agencies in various fields, along with more extensive invasion of privacy of citizens.
The article analyzes the principles governing access to public information in Poland. Illustrates the dilemma: a citizen's right to privacy versus the duty of the State to ensure the information security of the citizen.

Key words:
public information, transparency, information security.

По мнению К. Лиделя – польского юриста, специалиста в области международного терроризма и борьбы с ним, доктора военных наук – на переломе XX и XXI веков мы наблюдаем увеличение значимости очередной информационной области национальной безопасности – информационной безопасности, которая наряду с экономической безопасностью становится приоритетным аспектом национальной безопасности. Происходящие благодаря цифровой революции технические и организационные перемены, вызовут появление новой дифференциации между странами и народами, вытекающей из степени внедрения новых решений в экономическую практику и в процессы функционирования каждого общества. Темп перемен сильно обусловлен экономически и общественно, а важными достоинствами в «игре

за завтрашний день» является экономический потенциал, имеющаяся информационная инфраструктура, размер и динамика рынка, инновационность и открытость на изменения, а также способность к общественной адаптации и, наконец, уровень и качество образования, возрастная структура общества, а также сознание и детерминация действий элит. Передача и обмен информацией, согласно прогнозам, будут основой для правильного функционирования фирм, администрации всех уровней, а также жизни отдельных лиц. Как утверждает Э. Тоффлер, они станут «главным фактором производства и силы человека» в информационном обществе. Возникновение такого общества является вызовом для национальной безопасности, а новая техника это новое поле потенциального определения, борьбы интересов и даже открытого конфликта, вынуждающее иметь успешную систему информационной безопасности. Практики очень часто понимают информационную безопасность как охрану информации от нежелательного (случайного или намеренного) обнародования, модификации, уничтожения или воспрепятствования её обработке. Средства безопасности предпринимаются с целью обеспечения конфиденциальности, интегральности и доступности информации. Их целью является исключение угрозы для информации. Это указывает на то, что приведённая выше дефиниция информационной безопасности была сформулирована в негативном понимании. Наряду с интеллектуальным развитием и политехнизацией жизни, информация стала иметь всё большее значение. Владение ею стало условием лучшего и более безопасного существования. Также и на этом фоне появилась конкуренция. Информация стала более охраняема - как материальное добро. Желание создать для себя похожие на другие или лучшие условия для жизни создало необходимость получения информации. Таким образом, зародился своего рода вид борьбы: одни - всеми возможными способами стремятся получить информацию, а другие – с похожей вовлечённостью – пытаются им в этом воспрепятствовать. В таких действиях возникает несогласованность целей и действий, то есть наиболее дистинктивных особенностей, которые ассоциируются с десигнатом понятия «борьба». Можно сказать, что предметом данной борьбы стала информация, а инструментами – все средства, приспособленные для её получения, нарушения и защиты. Данная борьба называется информационной борьбой [14].

Однако проблемой является то, чтобы в данной борьбе за информацию не был нанесён ущерб невинному гражданину. Следует помнить, что одним

из наиболее важных элементов обусловливающих, а также имманентно связанных с функционированием современной демократии, является гарантия всеобщего доступа к публичной информации. Введение соответствующих норм в правовую систему отдельных стран является решающим для возможности сознательного и свободного участия всего общества, а не избранной его части или лишь некоторых граждан, в общественной жизни. Другими словами, обеспечение возможности получения информации на тему деятельности органов общественной власти, а также людей, выполняющих функции, определённые общественностью, непосредственно влияет на уровень демократизма в государстве [2; 23, с. 58].

Верно, утверждает Ш. Оссовский, что право доступа к публичной информации подразумевает, что граждане сознательно функционируют в демократии не только путём исполнения избирательного права, но также интересуясь и зная правила функционирования государства: механизмы принятия решения и расходования общественного капитала, а также их последствия. Основой демократии является предположение, что государство принадлежит гражданам, и граждане в нём управляют посредствам избранных ими представителей. Это означает, что принятие решений властями и функционирование страны должно осуществляться открыто – видимо и понятно для всех. Право доступа к публичной информации усиливает осознание того, что знания на тему механизмов функционирования государства и расходования общественного капитала доступны каждому. Благодаря этому возможно взаимодействие граждан с властью в выполнении общественных заданий, принятии совместных решений в области целей расходования общественного капитала, это создаёт возможность гражданской активности. Кроме того, пользуясь правом доступа к публичной информации, мы контролируем власть: проверяем, законно ли то, что делают правящие, объективно ли и согласно процедурам принимаются решения, как расходуются государственные деньги. Мы уполномочены превентивно воздействовать на правящих, которые в свою очередь должны помнить, что каждый гражданин, без предоставления каких-либо обоснований, имеет право получить информацию на тему их действий [18].

Однако из-за этого возникает конфликт между публичностью и приватностью, и, следовательно, возникает дилемма, как между ними проложить границу. Исторически можно указать, что горизонт мышления на тему информационной публичности и политической лжи устанавливают Б. Спино-

за и Н. Макиавелли. На Б. Спинозу, ожидающего полной публичности государства, часто ссылались заступники неограниченной демократии. В то время как Н. Макиавелли сделал святой политическую ложь и призвал к «выборочной информационной политике». Согласно Ш. Врубелю слабой стороной понимания Макиавелли является разделение на неморальную и просвещённую власть, а также непросвещенный и набожный народ, потому как в таком фальшивом мире и одна и вторая сторона начнут демонизировать друг друга. Понимание Спинозы не даёт уверенности в том то, что «недавно вылупившееся единство народа и власти на самом деле является радикальной демократией или радикальным тоталитарным режимом». Из столкновения спинозовской и макиавеллевской позиции следует вывод, что нужно воздерживаться от мифологизации и чёрно-белого представления отношений власть versus народ, потому как каждая гегемонистская власть наталкивается на оппозиционную власть. Следует также отбросить миф СМИ, обладающих специфическим видом власти над властью, который дал о себе знать во время скандала WikiLeaks, породившего соблазн восприятия блогов, а также порталов как всемогущих и оглушить рождение открытого мира [20].

История концепции гласности действий власти неразрывно связана с созданием процедур выбора власти и правил её функционирования. Принятие в учёт правила гласности в этом процессе гарантировало, что каждый член общества имел возможность проверить, проходят ли действия власти, которая по большому счёту действует для его добра, согласно с договорённостью, а в случае нарушения договорённости – имел возможность требовать изменения власти. Правовые решения и гарантии обеспечения публичности действий государства, а также ответственности чиновников за нарушение прав, принадлежащих гражданам, появились в правовых актах уже в XVIII веке [18].

Концепция публичности действия общественной власти и гарантия доступа граждан к информации об этой деятельности окончательно стала формальной лишь после второй мировой войны, наряду с развитием концепции прав человека II и III генерации, а также созданием глобальных и локальных систем защиты прав человека. Записи, касающиеся права иметь собственные взгляды, а также искать, получать и распространять информацию, появились во Всеобщей декларации прав человека ООН, Международном пакте о гражданских и политических правах, а также в Европейской конвенции прав человека. Затем право на публичную информацию чётко

сформировалось в рамках системы права Европейского Союза (изначально в рамках Европейских сообществ), что отразилось в Хартии Европейского Союза по правам человека как одно из основных прав (ст. 42) [18].

В Польше о действительном функционировании права доступа к публичной информации можно говорить лишь с начала девяностых годов XX века. Принятие концепции о том, что международное право обязательно во внутреннем правопорядке Польши, гарантировало непосредственное применение записей, гарантирующих публичность действий власти [18].

Ева Анна Лентовска – польский юрист, ординарный профессор юридических наук в Институте Юридических Наук Польской Академии Наук; первый польский уполномоченный по правам человека, судья Высшего административного суда Польши и Конституционного Трибунала – задумываясь над тем, почему Центральной и Восточной Европе так сложно одобрить мысль о «конституционной» защите личного пространства пишет, что в этих странах не хватало традиции (хотя чисто теоретически существовала такая возможность) непосредственного использования международного права судами второй инстанции в качестве оружия для защиты отдельных лиц. Политическое недоверие (добавим, что вполне обоснованное) по отношению к актам прав человека (даже когда из-за международного общественного мнения они были формально ратифицированы) привела к тому, что они были безуспешными в качестве критерия контроля того, что делали законодатель и администрация. Когда речь идет о конституционной защите личного пространства, появляются дополнительные препятствия, независимо от препятствий в общем усложняющих признание каждого рода конституционно охраняемых прав личности границей свободы законодателя и исполнительной власти – осуществляющей административные действия. Общества стран Центральной и Восточной Европы традиционно были воспитаны в убеждении о неполноценности индивидуального интереса, который по своей природе должен подчиняться общественному интересу, интересу коллектива, группы, государства. В данной ситуации мысль, что какая-то область личных интересов единицы должна была бы приобрести форму конституционно охраняемых прав, а благодаря этому – являться границей для действий законодателя (и администрации) – становилась ко всему прочему чужой и экзотичной. Потому как в таком случае право единицы являлось бы ограничением для действий, которые по своей природе были признаны интересом группы, общества. Даже в тех случаях, когда конституции этих стран фрагментарно предусмат-

ривали защиту каких-то областей личного пространства (чаще всего неприкосновенности жилища и тайны корреспонденции) – они делали это настолько обобщённо, что конституционная декларация подобного рода никак не ограничивала законодателя и даже администрацию, когда они издавали постановления, вторгающиеся, при чём глубоко и непропорционально болезненно с точки намеченной цели – в личное пространство человека. Администрация, критикуемая польским омбудсменом за практику, нарушающую личное пространство – принимала эту критику с недоверием. В критикуемых головах не укладывалось, что предосудительным может быть смягчение критериев врачебной тайны по отношению к пациентам-детям, взаимное свободное предоставление друг другу информации, касающейся гражданина, органами администрации за спиной этого же гражданина или же составление для нужд полиции списков гостей отелей. Также жестоко нарушалось личное пространство заключённых в плане обращения с их корреспонденцией, условий проведения интимных встреч, распространения личных данных. Впрочем, в случае легальных действий (например, обыск дома полицией) не считалось неуместным присутствие оператора с телевидения во время данного процесса. По сути дела в основах данного удивления лежало убеждение в том, что личное пространство всегда должно уступать не только необходимым с точки зрения общественного интереса ограничениям, но также таким действиям администрации, которые продиктованы её удобством, ленью или оппортунизмом. Таким образом, в то же самое время, когда другие страны Европы, имели возможность на протяжении сотен или десятков лет развивать проблематику границ защиты личного пространства, ища для неё соответствующие обоснования в своих Конституциях, страны Восточной и Центральной Европы не имели даже подходящего случая, чтобы свыкнуться с самой мыслью, что определённые области личной жизни человека являются непреодолимым барьером для законодателя и администрации, что данный барьер создают конституционно (следовательно, на уровне, перешагивающем обычное законодательство) охраняемые права личности (гражданские права) и что реализация данной защиты доверена судам, действующим по инициативе самих пострадавших [15].

В данном контексте в очередной раз появляется дилемма между правом на личную жизнь с одной стороны и правом доступа к общественной информации с другой (характеризуемым как позитивными предпосылками, так и негативными – ограничивающими этот доступ в силу различного рода

тайн) [26, с. 13, 14]. Гражина Копиньска, ссылаясь на работы Дж. Поппа, который на протяжении долгих лет был шефом Transparency International, а также профессора Т. Ставецкого, выдвигает тезу, что общественные учреждения должны быть как можно более прозрачны, а гражданам должна быть гарантированна максимальная конфиденциальность. В то же время ее опыт в качестве директора программы «Против коррупции Фонда Батория» указывают на заметную тенденцию к сокрытию государственными учреждениями всё большего количества сфер жизни наряду с всё более широким и лёгким вторжением в частную жизнь граждан. У проблемы есть много общего с вопросом доверия граждан государству и государства гражданам – оценивает Г. Копиньска [20].

В Польше право доступа к публичной информации напрямую следует из положения ст. 61 Конституции Республики Польши с 1997 года. Положение ст. 61 Конституции является основой доступа к публичной информации. Два первых пункта данного постановления напрямую определяют, к какой информации у нас есть доступ и каким образом реализуется право на информацию. В первом пункте было указано, что Гражданин имеет право на получение информации о деятельности (…) - то есть право на информацию гарантирует возможность доступа к каждой информации, связанной с деятельностью, например, общественных учреждений (с исключением охраняемых законом благ, например права на личную жизнь). В том же пункте были перечислены субъекты, которые должны информировать о своей деятельности:

– органы публичной власти;

– лица, выполняющие публичные функции;

– органы хозяйственного и профессионального самоуправления;

– другие люди и организационные единицы в той области, в которой они выполняют задания общественной власти и распоряжаются коммунальным достоянием или имуществом Государственной Казны.

В то время как во втором пункте указано, что право на получение информации заключает:

– доступ к документам;

– вход на заседания коллегиальных органов публичной власти сформированных всеобщими выборами, с возможностью записи звука или изображения.

В третьем пункте были записаны причины ограничения доступа к информации, которые вместе должны отвечать двум критериям:

– определено законами (исключительно ввиду определённой законами);

– должно быть защищено одно из благ, перечисленных в этом положении (охрана свободы и прав других лиц и хозяйствующих субъектов, а также охрана публичного порядка, безопасности или важного экономического интереса государства).

Последний пункт ст. 61 относится к процедурам доступа к информации, определённой во всей этой статье [1; 13].

Следует помнить, что доступ к информации (процедуры) согласно ст. 61 пкт. 4 регулируют законы, а относительно сейма и сената их уставы (например, Закон о доступе к публичной информации от 6 сентября 2001 года). Данное регулирование указывает, что в законах должна быть указана исключительно процедура, а не охват права на информацию. Поэтому также хорошее знание ст. 61 Конституции очень важно как при предоставлении, так и при получении публичной информации [1; 28; 29].

Право на информацию регулируется также в постановлениях международного права, в том числе в статье 10 пкт. 2 упомянутой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая обеспечивает гражданам государств, которые ратифицировали конвенцию: свободу выражения мнения, а также получения и передачи информации и идеи без вмешательства публичных властей и несмотря на государственные границы. Указание Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод является настолько важным, что 14 апреля 2009 года Трибунал по правам человека в деле, касающимся доступа к публичной информации, на основании ст. 10 Европейской конвенции прав человека (Társaság a Szabadságjogokért versus Hungary, № 37374/05) вынес решение об обоснованности жалобы. Это важное постановление для свободы права на информацию. Заключение принципа свободы доступа к публичной информации в международном документе такого ранга делает его неотъемлемым правом человека [3; 7; 8].

Право на информацию может быть реализовано в различных формах. Часть из этих форм была определена в Конституции РП, в то время как другие в определённых нормативных актах, которые не только подробно описывают соответствующие процедуры, но также намечают круг субъектов, обязанных передавать, а также имеющих право требовать информацию.

Право на информацию было очень широко охвачено в польской правовой системе. Многочисленные каталоги субъектов, а также практически неограниченный предметный спектр, создают необычайно сложную и в тоже время либеральную систему единиц с зачастую неточными правами и обязанностями. Поэтому также особенную роль в конституционном праве следует признать судам. Они в процессе рассмотрения дел и в результате проведённых правовых анализов определяют всё более конкретные области воздействия закона, хотя конечная форма и его охват, всё также поддаются необычайно динамичной эволюции [2].

Однако как очень часто показывает практика, и у судов – деликатно выражаясь – есть проблемы с соответствующей интерпретацией права на информацию, в структуре: гражданин vs закон, они отдают предпочтение тому другому. Однако это не означает, что гражданин находится в проигрышной ситуации. В Польше существуют такие организации как Гражданская сеть «Watchdog Польша» [21], Фонд Станьчика [11], Фонд Батория [9] или Фонд Паноптикон [10], которые вели с государственными органами и учреждениями бои в таких вопросах как, например, получение публичной информации от канцелярии Президента РП, Министерства Иностранных Дел (далее – МИД), Премьер-министра, маршаловских управлений и многих других [5; 6; 12; 17; 25].

Фонд Паноптикон в ноябре 2014 года представил настольную игру «Игра за информацию» - см., ниже. Она возникла в результате горького опыта борьбы за передачу государственными учреждениями информации об участии Польши в международной системе превентивного наблюдения PRISM (Program for Robotics, Intelligents Sensing and Mechatronice), обнародованной Э. Сноуденом. Игра имеет 17 полей, которые являются преградами на пути препятствий. Дойти до последнего поля нередко означает начать игру заново. Потому как, если даже суд сочтёт, что в предоставлении информации отказано неправильно, то учреждение найдёт другой повод для отказа. В ноябре 2014 года Паноптикон проиграл одно дело из цикла «Сто вопросов правительству на тему PRISM», заданных год тому назад. Проиграл МИДу, который на часть вопросов ответил уклончиво. Суд постановил, что хоть это и не существенный ответ, однако какой никакой ответ, таким образом нельзя счесть, что орган был «бездейственным» по отношению к вопросам. Несколько дней позднее Паноптикон выиграл подобное дело у премьера. Речь шла об ответе: «У нас нет такой информации», в том числе на во-

прос, одобрял ли премьер соглашение о разведывательном сотрудничестве с американскими службами по вопросу передачи телекоммуникационных данных. А также, какова была международная реакция польского правительства в вопросе обнародования системы PRISM. Победа не продвинула вперёд дело «Ста вопросов правительству на тему PRISM», потому, что канцелярия премьера, как и другие опрашиваемые по этому вопросу ведомства, может применить бездействие, отказать в ответе, ответить уклончиво – и снова нужно идти в суд, и так по кругу. Учреждение, использовав всяческие уловки, может попросту не исполнить судебного решения, за что ему грозит штраф. Данную методику протестировала президент города Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, последовательно отказывая – несмотря на судебные решения – предоставлять информацию по вопросам договоров на услуги внешних экспертов, на которые город выдал 31 млн. злотых [22].

Должностные лица упрекают граждан в «злоупотреблении правом на информацию» из-за забрасывания вопросами. На страницах для служащих местного самоуправления появились советы, как – используя соответствующую интерпретацию закона о доступе к информации – избавиться от назойливости. Концепцию «злоупотребления правом на информацию» два года назад сформулировала судья Высшего Административного Суда Польши (далее – ВАС) И. Каминская, специализирующаяся на приговорах о доступе к информации. Она дала интервью Польскому Агентству Печати, в котором сказала: «В суд попадают многочисленные жалобы от заявителей, которые действуют с целью преследования органа, например войт, бурмистр, президент города и делают это исключительно из личных побуждений. В то время как в законе о доступе к публичной информации нет правовой нормы, которая позволяла бы ограничивать злоупотребление этим правом. В связи с этим, признаюсь, у нас в суде существует огромная проблема»[22].

Летом 2014 года ВАС в постановлении, судьёй-докладчиком которого была И. Каминская, нашёл решение этой проблеме. Он рассматривал жалобу эксперта Конфедерации Левиафана, который приготовил рапорт о злоупотреблении налоговой и ему были необходимы данные о налоговых разбирательствах. Генеральный Инспектор Финансового Контроля счёл, что речь идёт о «переработанной информации», то есть о такой, которую нужно создать из уже существующей, что требует усилий со стороны ведомства. Отверг аргумент эксперта, что достаточно закинуть вопрос в информационную систему налоговой. Директор установил, что эксперт не проявил «особо

важного публичного интереса», что необходимо для того, чтобы получить «переработанную информацию». Несмотря на то, что рапорт должен был быть представлен Трёхсторонней Комиссии (правительство, работодатели, профессиональные союзы) и служить написанию проекта изменения закона. Воеводский Административный Суд в Варшаве, а затем ВАС согласились, что эксперт не проявил особого публичного интереса. В обосновании постановления ВАС можно прочесть: Намерение представления информации о деятельности органа публичной администрации более широкому кругу граждан, не может обосновать требования создания новой в качественном плане информации. Кроме того, жалобщик не показал, каким образом требуемая им информация, способствует улучшению работы налоговых органов. Далее суд заключил, что эксперт не имеет власти, для того, чтобы повлиять на то, что рапорт вызовет изменения в деятельности налоговых органов. Таким образом: если нет власти, то нет «существенного публичного интереса». И он не получит информацию. Ссылаясь на это решение, подчиняющаяся Министерству Народного Образования Центральная Экзаменационная Комиссия отказала исследователям в предоставлении данных о школьных достижениях детей, которые пошли в школу, имея шесть лет. Несмотря на то, что эти данные доступны одним щелчком в электронной Системе Образовательной Информации. Данное решение поддержала вице-министр образования [22].

Действительно ли граждане злоупотребляют правом на информацию? Это исследовала Гражданская Сеть «Watchdog». Опросила 2,5 тыс. муниципальных управлений, сколько заявлений на получение информации ежегодно они получают. Оказывается, что чаще всего поступает от одного до двух заявлений в неделю. Более 70 проц. гмин получает ежегодно 50 заявлений. В Управлении города Варшавы их больше всего: 4,6 тыс. Эта информация не даёт основания для осуществления действий, которые бы освобождали администрацию от обязанности ответа на вопросы – считает К. Батко-Толуч из Сети Watchdog [22].

Наиболее простым методом препятствия доступа к информации является её сокрытие. «Ежедневник Правовая Газета» в сентябре 2014 года описал, что канцелярия премьера скрыла явный до той поры рапорт Верховная Контрольная Палата из контроля в Управлении Социального Страхования (далее - УСС), из которого следовало, что до 2013 года УСС не знало фактической задолженности предприятий, потому как не работала купленная за миллиарды информационная система [22].

Основы «Игры за информацию» просто и понятно показывают, что может сделать гражданин, чтобы получить публичную информацию. К сожалению, также показывает, что несомненное преимущество имеют государственные органы… Нотабене, те последние «вытачивают» очередные «орудия» – например, Министерство Иностранных Дел работает над введением, так называемой, дипломатической тайны. МИД предоставил ко всему прочему каталог информации, доступ к которой останется закрытым. И закрыт будет изначально. Обнародование данной информации будет возможно лишь в случае «если согласие на её обнародование выразили бы субъекты, чьих прав либо интересов информация касается, либо также в случае прекращения обстоятельств, из-за которых предоставление данной информации не пошло бы на пользу правам или интересам субъектов, которых касается данная информация». Данный каталог будет импонирующим:

– информация, касающаяся процесса переговоров и заключения Республикой Польшей международных соглашений, в особенности, касающихся предписаний по переговорам и определения положения польской делегации перед началом переговоров с заграничными субъектами международных соглашений, а также другие документы международно-правового характера;

–информация, касающаяся хода переговоров над международными соглашениями, а также материалы и документы, появившиеся в процессе переговоров;

– информация, связанная с участием Республики Польши в работах международных организаций и учреждений, а также международных конференций, в особенности касающиеся подготовки польской точки зрения по отношению к вопросам, являющимся предметом их деятельности;

– информация, касающаяся подготовки позиции Республики Польша, а также осуществления от её имени действий в ходе международных судебных процессов, а также в других процессах, связанных с урегулированием международных споров;

– информация, разработанная в связи с внедрением в польский правопорядок решений международных организаций и учреждений в области введения, приостановления и отмены международных санкций;

– информация, касающаяся проводимых процессов в области реституции утраченных культурных богатств, если её обнародование может осложнить проведение данных процессов;

– информация, которая могла бы вызвать действия властей государств, в которых проживает Полония и поляки, которые не соответствуют общепринятыми стандартам защиты прав людей, относящихся к польским меньшинствам, а также лицам польского происхождения;

–информация, которая подвергала бы Полонию и поляков за границей репрессиям или другим действиям, ухудшающим их общественную ситуацию, экономическую, политическую или личную;

– информация, которая могла бы подвергнуть лиц и субъектов, реализующих проекты и бенефициары польской помощи развития, репрессиям или другим действиям, ухудшающим их общественную ситуацию, экономическую, политическую или личную;

– информация, касающаяся используемых в иностранных представительствах и Министерстве Иностранных Дел процедур физической и телеинформационной безопасности.

Такая конструкция положения вызывает сомнения не только из-за того что противоречит тезису Высшего Административного Суда, что «Общим правилом, следующим из ст. 61 Конституции, является доступ к информации. Все исключения из этого правила должны быть чётко сформулированы, а сомнения должны быть в пользу доступа.» (Решение ВАС от 2 июля 2003 г. сигн. II SA 837/03), но также по причине того, что решения по вопросу доступа граждан и гражданок к информации должны приниматься абсолютно произвольно. Это не только нарушает принцип прозрачности государства, но также принцип доверия граждан государству. Напомним, что Конституционный Трибунал (далее – КТ) установил, что «(…) принцип доверия государству и составляемым им законам, основывается на требовании правовой определённости, то есть на таком наборе качеств, принадлежащих закону, который гарантирует единице правовую безопасность; даёт ей возможность решать как поступить на основании полного осведомления о предпосылках действий государственных органов, а также правовых последствий, которые могут повлечь за собой её действия» (постановление КТ от 14 июня 2000 года, П 3/00, ПКТ 2000, №5, поз. 138). Особенно возмутительным кажется то, что в то время как, например, в случае с информацией, касающейся Полонии и поляков, определено, что будет ограничен доступ к информации, обнародование которой могло бы подвергнуть их репрессиям, то в случае с информацией, касающейся переговоров правительства РП над договорами, не определено, какие ценности должны охраняться. Обоснованным кажется

утверждение, что, по сути, данный проект идёт к непропорциональному ограничению права человека на информацию, под предлогом защиты поляков, проживающих за границей [27; 30; 31].

По мнению ранее упомянутого Ш. Оссовского, сложно представить демократическое общество без действенного права человека на публичную информацию. Однако также всё сложнее представить общество, которое активно не проинформировано властями обо всех действиях. Следует помнить, что именно власти должно быть важно то, чтобы действия, решения и расходование публичного капитала были явными и чёткими для общества [18]. Однако в настоящее время, мы находимся в достаточно парадоксальной ситуации, в которой с одной стороны, разные центры власти поняли, что следует предпринимать действия с целью увеличения уровня участия граждан в публичной жизни, а с другой стороны – уже на начальном уровне, каковым является обеспечение гражданам возможности получения знаний по публичным вопросам, другие центры власти уменьшают данную способность участия [16].

Верно констатируют деятели фонда Паноптикон, которые пишут, что в настоящее время особенным вызовом для свободы является политика страха и связанное с ней постоянное чувство угрозы. Чем выше уровень страха в обществе, тем легче даётся ограничение очередных прав и свобод во имя безопасности. Одним из важных импульсов для развития политики страха было окончание холодной войны. Политические игроки (дециденты) и промышленность, сосредоточенные до той поры на наружной угрозе, перенаправили как своё внимание, так и продукцию на внутреннюю безопасность. Очередным важным и особенно драматичным предлогом для «завинчивания винта» стали террористические атаки с начала XXI века. В результате во многих странах были приняты решения, увеличивающие права служб ценой драматического ограничения прав и свобод граждан. Одним из ответов на современные угрозы, в том числе на терроризм, должен быть сбор данных обо всей популяции и профилирование её членов под углом риска «стать» преступником. Как в «Рапорте Меньшинств» полиция и другие службы хотят быть на шаг впереди от несостоявшегося зачинщика и схватить его, прежде чем он сделает что-то плохое - однако основываются не на предсказаниях ясновидящих, а на действии алгоритмов. Создаются системы интеллигентного мониторинга или обыска сети, которые должны помочь выловить из моря людей или биты «чего-то» подозрительного. Таким образом, на прицеле

служб может оказаться каждый из нас, если только система посчитает, что наше поведение тревожно отходит от установленной нормы. Развитие техник автоматического обнаружения угроз влечёт за собой риск ничем необоснованной стигматизации и исключение нетипичных людей, выходящих за рамки общепринятых схем. У нас есть право ожидать, что службы будут нас охранять от обычной преступности, экономических афер, дорожных пиратов и даже терроризма. Однако забота о безопасности имеет свои границы в лице нашей свободы и личной жизни. Конечно, наши права могут быть ограничены, но только тогда, когда это действительно необходимо. К сожалению, не все действия служб проходят этот тест. Одни из них непропорционально глубоко ограничивают нашу сферу прав и свобод, другие попросту безуспешны и при этом отводят внимание от альтернативных, в меньшей степени вмешивающихся в наши права решений [24].

Хотим мы этого или нет, но мы живём в обществе, находящимся под наблюдением. Однако мы должны понять это как продукт современности – это в свою очередь помогает избежать две существенные ловушки: мышление о наблюдении как о заговоре злых сил, а также мышление, сводящееся к тому, что наблюдение является исключительно результатом новых технологий (естественно самые большие параноики попадают в обе ловушки одновременно). Однако восприятие наблюдения в надлежащей перспективе как результата бюрократии и стремления к успешности, быстроте, контролю и координации, не означает, что всё в порядке. Это означает, что следует быть осторожным в идентификации ключевых моментов и бдительным при обращении на них внимания. У наблюдения есть две стороны, следует признать также его пользу. Однако в то же время в системах, запроектированных с большим размахом, существует постоянный риск, а также опасность, а власть, естественно, коррумпирует либо как минимум изменяет перспективу тех, кто ею обладает [19]. Соответствующий, уравновешенный консенсус между правом на неприкосновенность частной жизни и доступом к информации должен быть главным определителем развития демократического правового государства. В противном случае, граждане почувствуют себя отстранёнными от государства.

References

1. Art. 61 Konstytucji. Zespół PC DIP. URL: http://informacjapubliczna.org.pl/31,100,art_61_konstytucji.html (accessed 05.01.2015).

2. Bidziński M., Konstytucyjne prawo dostępu do informacji publicznej. URL: http://www.marszalek.com.pl/przegladprawakonstytucyjnego/ppk12/06.pdf (accessed 05.01.2015).

3. Case of Társaság a Szabadságjogokért v. Hungary, (Application no. 37374/05), Judgment, Strasbourg 14 April 2009, Final, 14.07.2009. URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-92171#{%22itemid%22:[%22001-92171%22]} (accessed 05.01.2015).

4. Czarny scenariusz. Gra o dostęp do informacji publicznej, Fundacja Panoptykon, sieć obywatelska WATCHDOG. URL: http://panoptykon.org/sites/panoptykon.org/files/czarny_scenariusz_gra_w_dostep_do_informacji_publicznej.pdf (accessed 05.01.2015).

5. Czym jest projekt ustawy o Trybunale Konstytucyjnym?, czytelnik. URL: http://informacjapubliczna.org.pl/11,900,czym_jest_projekt_ustawy_o_trybunale_konstytucyjnym.html (accessed 05.01.2015).

6. Dostęp do informacji publicznej; ograniczenie prawa do informacji z uwagi na ważny interes państwa, K33/11. URL: http://trybunal.gov.pl/rozprawy/komunikaty-prasowe/komunikaty-po/art/2270-dostep-do-informacji-publicznej-ograniczenie-prawa-do-informacji-z-uwagi-na-wazny-interes-panstw/s/k-3311/ (accessed 05.01.2015).

7. Europejska Konwencja o Ochronie Praw Człowieka i Podstawowych Wolności, zespół PC DIP. URL: http://informacjapubliczna.org.pl/27,267,europejska_konwencja_o_ochronie_praw_czlowieka_i_podstawowych_wolnosci.html (accessed 05.01.2015).

8. Europejska Konwencja o Ochronie Praw Człowieka i Podstawowych Wolności. URL: http://www.strasbourgre.mfa.gov.pl/resource/fedf40b7-3c0a-42d2-8bdf-296772ce7295 (accessed 05.01.2015).

9. Fundacja Batorego. URL: http://www.batory.org.pl (accessed 05.01.2015).

10. Fundacja Panoptykon. URL: http://panoptykon.org (accessed 05.01.2015).

11. Fundacja Stańczyka. URL: http://www.stanczyk.org.pl (accessed 05.01.2015).

12. Kłusek M., ред. Żak P., Wyrok NSA ograniczający dostęp do informacji publicznej - tekst pochodzi z bloga prawnego Fundacji Stańczyka. URL: http://informacjapubliczna.org.pl/6,955,_wyrok_nsa_ograniczajacy_dostep_do_informacji_publicznej.html (accessed 05.01.2015).

13. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. URL: http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/polski/kon1.htm (accessed 5.01.2015).

14. Liedel K., Bezpieczeństwo informacyjne jako element bezpieczeństwa narodowego. URL: http://www.liedel.pl/?p=13. (дата обращения 05.01.2015).

15. Łętowska E., Prawo do prywatności w Europie. URL: http://www.psep.pl/grundtvig/6/prawo_do_prywatnosci.pdf (accessed 05.01.2015).

16. Makowski G., Gwarancje dostępu do informacji publicznej - najważniejsze problemy i kierunki zmian prawnych. URL: http://www.maszglos.pl/wp-content/uploads/2013/04/Prawo-a-partycypacja-publiczna.pdf (accessed 05.01.2015).

17. Mojkowski K., Kluczowy wyrok sądu najwyższego, czyli jawne zachodniopomorskie. URL: http://informacjapubliczna.org.pl/6,936,kluczowy_wyrok_sadu_najwyzszego_czyli_jawne_zachodniopomorskie.html (accessed 05.01.2015).

18. Osowski Sz., Prawo dostępu do informacji publicznej jako bierny i czynny obowiązek informowania – wprowadzenie. URL: http://siecobywatelska.pl/files/szymon_osowski___czynny_i_bierny_obowiazek_dip_czynny_i_bierny_obowiazek_i1e6.pdf (accessed 05.01.2015).

19. Raport o społeczeństwie nadzorowanym, sporządzony przez Surveillance Studies Network dla Rzecznika ds. Informacji, wrzesień 2006 r., под редакцией: D.M. Wood. URL http://nadzor.panoptykon.org/sites/default/files/raport-o-spoleczenstwie-nadzorowanym.pdf (accessed 05.01.2015).

20. Relacja z debaty: Państwo i obywatel: jawność i jej granice. URL: http://www.batory.org.pl/programy_operacyjne/debaty/2011/panstwo_i_obywatel_jawnosc_i_jej_granice (accessed 05.01.2015).

21. Sieć Obywatelska «Watchdog Polska». URL: http://siecobywatelska.pl. (accessed 05.01.2015).

22. Siedlecka E., Kto pyta urząd, ten błądzi. URL: http://m.wyborcza.pl/wyborcza/1,105402,16971650,Kto_pyta_urzad__ten_bladzi.html (accessed 05.01.2015)

23. Skrzydło W., Konstytucja RP. Komentarz, Kraków 1998.

24. Służby. URL: http://panoptykon.org/temat/uprawnienia-sluzb (accessed 05.01.2015).

25. Szymielewicz K., Klicki W., Rząd nie może zasłaniać się niewiedzą: kolejna wygrana w sporze o inwigilację! URL: http://panoptykon.org/wiadomosc/rzad-nie-moze-zaslaniac-sie-niewiedza-kolejna-wygrana-w-sporze-o-inwigilacje (accessed 05.01.2015).

26. Taczkowska-Olszewska J., Dostęp do informacji publicznej w polskim systemie prawnym, Warszawa 2014.

27. Tajemnica dyplomatyczna nabiera rozpędu. URL: http://informacjapubliczna.org.pl/11,951,tajemnica_dyplomatyczna_nabiera_rozpedu.html (accessed 05.01.2015).

28. Ustawa o dostępie do informacji publicznej z 6 września 2001 r. URL: http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU20011121198 (accessed 05.01.2015).

29. Ustawa o dostępie do informacji publicznej. Komentarz. URL: http://www.zb.eco.pl/bzb/38/wstep.htm (accessed 05.01.2015).

30. Wyrok NSA z dnia 2 lipca 2003 r. o sygn. akt. II SA 837/03. URL: http://orzeczenia.nsa.gov.pl/doc/05039159BA (accessed 05.01.2015).

31. Wyrok TK z 14 czerwca 2000 r., P 3/00, OTK 2000, Nr 5, poz. 138. URL: http://otk.trybunal.gov.pl/orzeczenia/zeszyt2.asp?rok=2000&zeszyt=5. (accessed 05.01.2015).

В.К. Иванов

V. Ivanov

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

STATE POLICY IN THE SPHERE OF MASS MEDIA

Аннотация

Помимо важнейшего орудия идеологического воздействия на массы, печатные средства массовой информации (СМИ) в прошлом столетии играли роль источника объективной общественно-политической информации, ориентира в сложных проблемах текущей ситуации в стране и за рубежом. С развалом СССР, а вместе с ним административной политической системы, цензуры, последовавшей за ним деидеологизацией общества и абсолютизацией рыночных отношений, проникающих сегодня во все сферы жизни, в том числе в культуру, социальную сферу и даже политику, изменились условия функционирования и собственно содержания СМИ. Получил дальнейшую аргументацию тезис, в отношении того, что государственная политика в области печатных СМИ пока еще далека от совершенства и настоятельно требует серьезной корректировки. Доказано, что государственная политика должна стать главным интегратором субъектов медийного пространства, проповедующих самые разные политические, культурные, религиозные ценности, ориентиром направления, отражающего интересы и потребности всего общества.

Ключевые слова:

СМИ, политика, общество, власть, медиа, демократия, государство.

Abstract

Among the most important tools of ideological influence on the masses, print media played the role of a source of objective socio-political information, guide in the complex problems of the current situation in the country and abroad in the last century. With the collapse of the Soviet Union and it`s political administrative system, censorship, the followed deideologization of society and the absolutization of the market relations, penetrating today in all spheres of life, including culture, social policy and even politics, conditions of operation and the actual media content changed. I received the further argument the thesis as regards the state policy in the field of print media is still far from perfect and presses serious adjustment. Proved that a state policy has to become the main integrator of the subjects of media space preaching the most different political, cultural, religious values, a reference point of the direction reflecting interests and requirements of all society.

Key words:

media, politics, society, government, media, democracy, state.

С учетом понимания места и роли СМИ в политическом процессе становится очевидной актуальность государственной политики, обеспечивающей направление их развития в русле задач, решение которых составляет важнейшую сторону реформирования российского общества. Именно государственная политика в конечном итоге определяет реализацию позитив-

ного или деструктивного потенциала СМИ, одинаково востребованного в современных непростых условиях, когда сама иерархия социальных ценностей и идеалов выглядит весьма расплывчато.

Таким образом, государственная политика в сфере средств массовой информации – это направленное воздействие субъектов политической власти на сознание, психику, поведение и деятельность людей посредством масс-медиа в интересах государства и гражданского общества.

Для оптимально успешного функционирования СМИ как социального института демократического общества необходима внятно артикулируемая и последовательно реализуемая государственная политика в области СМИ.

Правовая основа политики в сфере средств массовой информации была заложена законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года №2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ – авт.), принятым на волне «демократической эйфории». В нашей стране этот документ до сих пор является одним из самых либеральных в мире.

За годы действия Закона о СМИ в него были внесены изменения и дополнения двадцатью тремя законодательными актами, что диктовалось как принятием новых законов, в той или иной мере затрагивающих сферу деятельности средств массовой информации, так и сложившейся в регулирующих и судебных органах практикой его применения. Ограничения деятельности СМИ, внесенные законодательством в 2002-2006 годах, касались предупреждения случаев использования СМИ в противоправных, экстремистских и антиобщественных целях. В редакции закона от 27.07.2006 запрещалось использование СМИ «в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости» [1].

Учредителем средства массовой информации, согласно закону о СМИ, «может быть гражданин, объединение граждан, организация, государственный орган». Учредителем (соучредителем) печатного средства массовой информации в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” может быть орган местного самоуправления» [1].

В соответствии с законом деятельность средства массовой информации может быть прекращена или приостановлена только по решению учредителей или по решению суда в порядке гражданского судопроизводства. Помимо пропаганды экстремизма и насилия деятельность средства массовой информации может быть приостановлена в результате нарушения законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах.

Редакцией закона от 09.02.2009 было конкретизировано право граждан на оперативное получение достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений и должностных лиц. Для реализации этой нормы государственные органы учреждения местного самоуправления, общественные объединения, чиновники и администраторы разных уровней обязывались предоставлять сведения о своей деятельности по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и других материалов.

Принципиальную роль в унификации правого поля, регулирующего деятельность СМИ, сыграл Федеральный закон от 22 августа 2004 года №122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», (известный как «закон о монетизации льгот»), согласно которому в Ст. 5 Закона о СМИ внесена поправка о том, что нормативные и правовые акты в области средств массовой информации принимаются исключительно на уровне Российской Федерации. В нынешней редакции указанная статья приведена в соответствие с требованиями Ст. 71 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, информация и связь относятся к компетенции Российской Федерации.

Перспективы развития государственной информационной политики были конкретизированы в концепции государственной информационной политики, одобренной Комитетом Государственной Думы по информационной политике и связи (15 октября 1998 г.) и Постоянной палатой по госу-

дарственной информационной политике Политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации (21 декабря 1998 г.).

В концепции специально выделены основные направления ГИП в области средств массовой информации. Во-первых, недопущение подчинения СМИ конъюнктурным интересам власти и бизнеса и усиления возможностей их влияния на СМИ (прямой нажим, снабжение СМИ неполной, неопределенной, искаженной или ложной информацией, откровенной дезинформацией, умышленные недоговоренности, сращивание структур власти, бизнеса, прессы и т.п.). Во-вторых, регулирование уровня концентрации и монополизации СМИ (препятствие уменьшению независимых источников информации, сосредоточению СМИ в руках представителей экономической элиты, бесправию журналистов и т. п.). В-третьих, защита интересов региональных рынков массовой информации и содействие развитию местных СМИ. В-четвертых, совершенствование национального законодательства в части гарантий свободы слова и информации, свободного распространения массовой информации, в том числе на трансграничном уровне, недопущения распространения насилия и нетерпимости через СМИ, обеспечения плюрализма СМИ, доступа к официальной информации [2].

Общие правила, касающиеся роли СМИ в организации и проведении выборов в нашей стране, определены в Федеральном законе от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в связи с принятием которого в Закон о СМИ была введена Ст. 16, закрепляющая за Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации право обращаться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий регистрацию СМИ, с представлением о приостановлении выпуска средства массовой информации, использованного в целях нарушения законодательства о выборах и референдумах.

Это нововведение первоначально породило немало опасений. Но сомнения медиасообщества в том, что Ст. 16 на практике будет использоваться лишь как средство борьбы с неугодными власти изданиями в ходе федеральных избирательных компаний 2003-2004 гг., были минимизированы постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. №15-П, в котором нормы избирательного закона о приостановлении выпуска средства массовой информации по причине использо-

вания его в целях нарушения законодательства о выборах и референдумах были признаны противоречащими Конституции РФ. Одновременно Конституционный Суд подчеркнул, что журналисты как представители организаций, действующих на основе редакционной независимости и вырабатываемых журналистским сообществом норм саморегуляции, должны занимать этичные и взвешенные позиции, освещая избирательные компании «справедливым, сбалансированным и беспристрастным образом».

Заметным направлением трансформации законодательства о СМИ в середине первого десятилетия нынешнего века стало последовательное изменение системы государственной поддержки средств массовой информации. В известном смысле точку в этом вопросе поставил Федеральный закон от 22 августа 2004 года №122-ФЗ, с принятием которого фактически завершился процесс упразднения системы дотаций, установленных федеральными законами от 1 декабря 1995 года 191-ФЗ «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» и от 24 ноября 1995 года №177-ФЗ «Об экономической поддержке районных (городских) газет». Это решение по своей сути означало утрату на практике печатными СМИ, связанными с образованием, наукой и культурой, юридических оснований относить себя к социально значимой продукции.

К тому же, согласно Федеральному закону от 31 декабря 2002 года №195-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в статьи 149 и 164 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», с 1 января 2005 года утратили силу абзацы третий-шестой подпункта 3 п.2 Ст.164 Налогового Кодекса, в связи с чем налогообложение по пониженной 10-процентной ставке НДС периодической печати стало осуществляться только в отношении розничной реализации периодических печатных изданий, за исключением периодических печатных изданий рекламного или эротического характера, тогда как реализация тех же изданий по подписке указанным налогом подлежала обложению.

Такой подход в отношении СМИ выглядит явно нелогично, так как именно по подписке преимущественно реализовывалась так называемая социально значимая периодическая печать: научная, литературно-художественная, для инвалидов, ветеранов, детей и молодежи, региональные и муниципальные газеты, значительные объемы общефедеральной ежедневной прессы, а также малотиражные издания, которым места в роз-

ничных сетях распространения по экономическим причинам, как правило, не находится. Подобная практика налогообложения не практикуется в большинстве стран мира, о чем говорит приводимая ниже таблица [19].

Налогообложение НДС печатных СМИ в странах мира

Страна	Продажа тиража (%)	Реклама (%)	Бумага (%)	Новое оборудование (%)	Стандартная ставка НДС (%)
Азербайджан	0	0	0	0	0
Аргентина	0	21	21	21	21
Бельгия	0	21	21	21	21
Бразилия	3	3	0	0	18
Великобритания	0	17.5	17.5	17.5	17.5
Германия	7	16	16	16	16
Дания	0	25	25	25	25
Испания	4	16	16	16	16
Италия	4	20	4	20	20
Китай	13	0	17	17	17
Латвия	9	18	18	18	18
Мексика	0	15	0	15	15
Нидерланды	6	19	19	19	19
Норвегия	0	24	24	24	24
США	0	0	0	0	0
Турция	1	18	8	0	18
Финляндия	22	0	0	0	22
Франция	2.1	19.6	19.6	19.6	19.6
Швейцария	2.4	7.6	7.6	7.6	7.6
Швеция	6	25	25	25	25
Япония	5	5	5	5	5

В 2004 году в рамках административной реформы было ликвидировано Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации, а его функции и полномочия распределены между Министерством культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и подведомственными ему органами: Федеральным

агентством по печати и массовым коммуникациям и Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. При этом функции нормотворчества были закреплены за министерством, функции управления государственным имуществом – за федеральным агентством, функции регистрации, лицензирования и контрольные – за федеральной службой, что существенно отразилось на содержании и практической реализации мер государственной поддержки периодической печати страны.

На реализацию конституционных прав граждан свободного доступа к информации направлена целевая государственная финансовая поддержка определенной группы изданий за счет средств федерального и региональных бюджетов. Такая поддержка адресована изданиям, имеющим особое социальное или информационное значение. В число датируемых периодических изданий (таковых в 2005 году насчитывалось 3 тыс. наименований) входят региональные, районные и городские газеты, издания для инвалидов, детей, художественная и культурно-просветительская периодика.

На цели государственной поддержки социально значимой прессы по статье «Периодическая печать» в федеральном бюджете 2005 года были предусмотрены средства в размере 47 млн. 582 тыс. руб. [5, с. 42]. Субсидии выделяются 220 редакциям на частичное возмещение расходов по закупке бумаги, оплате полиграфических услуг и услуг по распространению тиража в пределах Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом №177-ФЗ от 24.11.1995 «Об экономической поддержке районных (городских) газет» в 2000-2004 гг. также осуществлялось финансирование из средств федерального бюджета периодических печатных изданий, входящих в Федеральный реестр районных (городских) газет. На эти цели ежегодно расходовалось в 2001 г. – 235 млн. руб., в 2002-2004 гг. по 170 млн. руб. В соответствии с Федеральным законом от 22 августа 2004 года №122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации», Федеральный за-

кон от 24 ноября 1995 года №177-ФЗ «Об экономической поддержке районных (городских) газет» с 1 января 2005 года утратил силу, поэтому федеральная бюджетная поддержка районных (городских) газет с этого времени была прекращена.

Прекращение субсидирования районных (городских) газет из средств федерального бюджета нанесло, на наш взгляд, ущерб возможности их независимого развития. Неоправданное с точки зрения интересов общества и государства решение о передаче финансирования местных СМИ региональным и муниципальным бюджетам привело к резкому возрастанию зависимости этих изданий от территориальных органов власти, замкнуло круг освещаемых ими проблем исключительно границами той или иной административной единицы.

Полностью за счет бюджетов субъектов РФ существует большинство общественно-политических региональных газет. На эти цели региональные органы власти выделяют значительные средства. Так, в 2005 году на поддержку региональных СМИ в бюджете Ямало-Ненецкого АО было предусмотрено 390 млн. руб., в бюджетах Липецкой и Иркутской областей по 51 млн. руб., Волгоградской области – 147 млн. руб., Вологодской – 17 млн. руб., Республики Дагестан – 172 млн. руб., в Алтайском крае – 3,5 млн. руб., в Краснодарском крае – 328 млн. руб., в бюджете Москвы на 2008 год было заложено 697 млн. руб. на городскую периодическую печать, в республике Татарстан – 630 млн. руб., республики Башкортостан – 1 млрд. руб. [6, с. 28; 8, с. 6].

Механизм подчинения региональных и местных СМИ властным структурам за счет возможности финансирования «нужных» изданий хорошо описан в монографии омских авторов, раскрывающих механизм функционирования регионального медиапространства [3].

Позиция региональных структур власти на информационном пространстве соответствующих территорий значительно укрепились с вступлением в силу с 1 января 2006 года Федерального закона от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», согласно которому и в контексте п. 2 пп. 38 Ст.28.3 Федерального закона от 6 октября 1999 года (в редакции от 29.12.2004 г.) №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», предусматривающего учреждение и финансирование

из бюджета области, города, района, поселения по одному печатному средству массовой информации для официального опубликования соответствующих правовых актов и иной официальной информации.

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина от 28 февраля 2005 года Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям в 2005 году подготовило для дальнейшего представления в Правительство Российской Федерации предложения, касающиеся поддержки в 2006 году и далее социально значимых проектов в общефедеральных, региональных и местных периодических печатных средств массовой информации. В результате объем средств на субсидирование периодических печатных изданий на указанные цели в федеральном бюджете 2006 года был увеличен до 150 582 тыс. руб.

Согласно приказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям от 4 апреля 2006 года №43 «Об организации работы по предоставлению государственной поддержки в сфере периодической печати» на получение государственной субсидии в 2006 году претендовали печатные СМИ с любой организационно-правовой формой и любой тематической направленности (за исключением бюджетных учреждений), в том числе региональные и районные (городские) газеты, но только под публикацию в них социально значимых проектов, ориентированных на реализацию насущных государственных задач и приоритетов, а именно: популяризацию приоритетных национальных проектов, формирование культа семьи и здорового образа жизни, борьбу с коррупцией, преступностью, наркоманией, расовой и межконфессиональной рознью, обеспечение безопасности на дорогах, на развитие межнационального общения и творчества народов Российской Федерации, разъяснение принимаемых законов и т.д.

По каждому тематическому направлению устанавливался минимально необходимый объем и количество публикаций. Редакциям печатных СМИ, претендующим на получение государственной субсидии, возмещались расходы, связанные с подготовкой и опубликованием социально значимых материалов: это авторский гонорар журналиста, подготовившего публикацию, оплата труда редактора и корректора, а также часть производственных затрат (в процентном отношении ко всем затратам, понесенным редакцией газеты, журнала или альманаха при выпуске отдельного номера издания) [6, с. 25-26].

Важной проблемой, требующей своего разрешения при участии государства, являлось реформирование региональной прессы. Эта проблема была и остается особенно злободневной потому, что в населенных пунктах с населением до 250 тыс. человек в Российской Федерации проживает более 60% населения. Необходимость использования потенциала "малой" прессы очевидна, так как даже элементарный учет масштаба аудитории местных и региональных газет зримо показывает далеко превосходящую численность читателей центральных сетевых изданий, что подтверждает следующая таблица.

Разовый тираж общественно-политических газет [7, с. 52].

Федеральные округа	Сетевые издания	Региональные издания	Местные издания
ЦФО	2 315 456	1 958378	10 816751
СЗФО	1 122 110	2 225 032	2 573 095
ЮФО	1 137 628	913 043	1 853 454
ПФО	1 903 011	1 976 929	3 175 143
УФО	668 271	626 062	1 475 706
СФО	938 908	1 380 285	2 389 427
ДФО	486 076	575 753	536 259
Всего:	8 571460	9 655482	22 819835

Осознавая важность и проблемность процессов, происходивших с региональными СМИ, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям при поддержке Медиа Союза 19-20 мая 2006 года организовало в г. Вологде Всероссийское совещание редакторов районных и городских газет на тему: «Роль муниципальных печатных СМИ в реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и приоритетных национальных проектов».

В резолюции, принятой по итогам совещания, указывалось, что районные и городские газеты являются основой информационного пространства России и залогом его цельности. Исключительно важно, чтобы местная печать не только сохранилась на существующем уровне, но и поступательно развивалась в будущем.

На совещании была поднята важная проблема эффективности использования государственных средств, отчисляемых на поддержку СМИ. Стремление регионов оказать такую поддержку средствам массовой информации расценивалось учредителями совещания позитивно, поскольку это способствовало их развитию. Другое дело, что механизм финансовой помощи должен быть предельно прозрачен. Проще говоря, все средства следовало бы распределять исключительно с применением конкурсных процедур, как того, кстати, требует действующее законодательство.

Во многих субъектах РФ именно так и обстоят дела. Так, поддержка СМИ в виде целевых грантов, выделяемых на конкурсной основе, осуществляется в Алтайском крае. В Саратовской области дотации газетам распределяются по конкурсу в рамках местной целевой программы "Развитие информационного партнерства органов государственной власти Саратовской области со СМИ". Благодаря региональным грантам СМИ Псковской области в 2006 году реализовались проекты по освещению деятельности областного Собрания депутатов, обладминистрации, а также мероприятий общероссийского и областного значения. В форме реализации государственно заказа поддерживаются СМИ в Калужской области и ряде других регионов.

Но практика выделения средств региональными бюджетами на конкурсной основе и в виде конкретных госзаказов была скорее исключением, нежели правилом. Например, в Москве в 2005 году без всякого конкурса на финансирование муниципальных газет было потрачено 326,5 млн. рублей [6, с. 28].

И сегодня проблема избирательного оказания финансовой поддержки СМИ по принципу «свой» - «чужой» из региональных и местных бюджетов остается актуальной. По мере расширения количества региональных периодических изданий наметилась тенденция их консолидации в объединения под эгидой местных властей.

Руководство Алтайского и Красноярского краев отстояли свои законы «Об экономической поддержке СМИ». Дума Ханты-Мансийского автономного округа приняла региональный закон о СМИ, регулирующий взаи-

моотношения органов государственной власти и средств массовой информации. На основании этого закона к концу 2006 года все медийные и полиграфические организации, учрежденные окружными властями, объединены в издательский дом.

В январе 2006 года приступила к работе Общественная палата, в составе которой имеется Комиссия по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации. Главными вопросами в работе Комиссии определены свобода слова и общественная экспертиза законопроектов с точки зрения их влияния на функционирование и развитие рынка СМИ. Комиссия намерена принять активное участие в подготовке новой редакции Закона «О средствах массовой информации», предпринять дополнительные меры по защите общества от недобросовестной деятельности СМИ [6, с. 52].

В 2006 году Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям впервые осуществляло распределение бюджетных средств организациям в сфере печати, реализующим социально значимые проекты. Всего за год в Агентство поступили заявки от 759 организаций в сфере печати, осуществляющих реализацию таких проектов. Гранты по статье «Мероприятия в сфере культуры, кинематографии и средств массовой информации» получили 349 организаций в сфере печати из 54 регионов Российской Федерации под реализацию 404 социально значимых проектов на общую сумму 127 582 000 рублей. Еще 23 000 000 рублей было направлено 26 организациям в сфере печати, осуществляющим выпуск периодических печатных изданий для инвалидов и для инвалидов по зрению.

Наиболее востребованными в 2006 году темами социально значимых проектов были: «Популяризация и освещение хода реализации национальных проектов», «Укрепление здоровья нации, сокращение смертности и увеличение рождаемости, внедрение здорового образа жизни, борьба с алкоголизмом, наркоманией, курением, аморальным поведением и бытовой распущенностью населения, прежде всего молодежи», «Безопасность на дорогах», «Поддержка литературного, музыкального, изобразительного, научно-технического и иных общественно полезных форм творчества населения», «Развитие межнационального и межконфессионального общения, сохранение самобытности народов Российской Федерации, упрочение дружбы и сотрудничества между ними, идеи национального единства» [9, с. 88]. Суммарно это выглядит следующим образом.

Структура распределения средств на реализацию социально значимых проектов (по типам изданий, всего в млн. руб. (в %)

Годы / Категория изданий	2006		2007		2008	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
Издания для инвалидов	–	–	19,1	15,3	23,0	16,4
Издания для ветеранов	2,42	1,9	1,63	1,2	0,791	0,6
Детские издания	20,65	16,2	20,06	16,0	18,028	12,9
Молодежные издания	8,3	6,5	7,64	6,0	6,389	4,6
Литературно-художественные издания	15,27	12,0	14,0	11,0	13,18	9,4
Культурно-просветительские издания	21,84	22,8	41,86	27,8	42,215	30,2
Общественно-политические издания	51,84	40,6	43,39	28,2	36,177	25,9

Практика государственного финансирования социально значимых проектов в СМИ стала постоянной. Преимущественное право на получение грантов имели издания социальной, литературно-художественной, культурно-просветительной и научно-популярной направленности, испытывающие потребность в государственной поддержке на обеспечение публикаций социально значимой тематики. При рассмотрении соискателей на государственную поддержку предпочтение отдавалось претендентам, инициативно представившим к рассмотрению масштабные социально значимые проекты. Под социально значимыми проектами в сфере периодической печати понимались серии тематически однородных материалов, представляющих общественные и государственные интересы, материалов, направленных на решение актуальных социально значимых проблем российской действительности и опубликованных (планируемых к публикации) на страницах официально зарегистрированных в Российской Федерации газет, журналов, альманахов, бюллетеней и сборников.

Субсидирование изданий для инвалидов по зрению осуществлялось ежемесячно по Плану выпуска специальных изданий для слепых, утвержденному ЦП ВОС. В соответствии со Ст.14 Федерального Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.95 года №181-ФЗ экономическая поддержка периодических изданий для инвалидов по зрению направлялась не только на частичное возмещение расхо-

дов по закупке бумаги и оплате полиграфических услуг отечественных типографий, но и полностью на выпуск и распространение изданий.

Полученные государственные средства позволили указанным организациям в сфере печати обеспечить бесперебойный выпуск печатных изданий для инвалидов по зрению и даже снизить цены на них, обеспечивая тем самым право данной категории российских граждан на получение объективной и достоверной информации по актуальным для них проблемам [8, с. 97].

Вместе с тем переход финансовой поддержки СМИ в формат ежегодного распределения средств между социально значимыми проектами себя не оправдал. Сокращению подверглись материальные ресурсы, отпускаемые на финансирование всех социально значимых изданий, кроме печатных СМИ для инвалидов, и, к сожалению, в том числе и на финансирование общественно-политической тематики прессы, что в условиях сокращения читательской аудитории серьезных периодических изданий грозит утратой ими субъектности в современном российском политическом процессе.

К середине десятилетия нынешнего века стало очевидным несоответствие системы налогообложения СМИ и их роли в процессе реформирования российского общества. Другими словами, с момента вступления в силу в 2001 году второй части Налогового кодекса Российской Федерации в индустрии печатных СМИ определился круг проблем, существенно сдерживающих развитие отрасли. Очевидно, что их решение без участия органов государственной власти невозможно.

Возникшие проблемы, учитывая их значимость для дальнейшего развития индустрии печатных СМИ, рассматривались 6 марта 2007 года на II межотраслевой конференции «Средства массовой информации, книгоиздание, полиграфия: итоги 2006 года и перспективы развития», которая поддержала инициативу Национального Координационного совета прессы и Российского книжного союза об оптимизации налогообложения периодики и книг, связанных с образованием, наукой и культурой как социально значимого товара особого рода, о снижении налогового бремени и упрощении налоговых процедур по ряду технологических процессов в отрасли печатных СМИ, а также рекомендовала Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям провести коллегию по этой темати-

ке и финансово поддержать подготовку предложений по нему в Правительство Российской Федерации [7, с. 51].

Во исполнение Рекомендаций II межотраслевой конференции «Средства массовой информации, книгоиздание, полиграфия: итоги 2006 года и перспективы развития», 27 сентября 2007 года состоялась коллегия Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям на тему «Об оптимизации налогообложения периодической печати и книг, связанных с образованием, наукой и культурой». Предложения по этой проблеме, подготовленные Национальным координационным советом прессы, стали результатом большого коллективного труда, прошли квалифицированную предварительную юридическую экспертизу и около месяца были доступны для всеобщего обсуждения на сайтах Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Гильдии издателей периодической печати.

Участники обсуждения сошлись во мнении, что существующая в Российской Федерации практика налогообложения печатных СМИ и книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой, требует оптимизации с учетом ее специфики как социально значимого товара особого рода с учетом особенностей его производства и распространения [8, с. 97].

Главным событием, вызвавшим бесчисленные дискуссии в СМИ, стало подписание Президентом РФ В.В. Путиным 13 марта 2006 г. нового Федерального закона «О рекламе». Новый закон вступил в силу с 1 июля 2006 г.

Среди нововведений, вызвавших наибольший общественный резонанс, предметом особо острых споров стали вводимые ограничения для рекламы в СМИ. Периодическим печатным изданиям с объемом рекламы, превышающем 40% одного номера, предписывалось указывать рекламную специализацию в выходных данных [10].

В рамках очередного этапа административной реформы в России в 2008 году было образовано Министерство связи и массовых коммуникаций. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям переподчинилось вновь образованному министерству. В Минкомсвязи России появилась новая структура – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Тем самым сфера СМИ России обрела единый управленческий инструмент, что в итоге должно привести к повышению эффективности государственной политики в этих сферах экономики. Таким образом, у

ведущих общественных организаций индустрии масс-медиа появились новые возможности для диалога с властью, реализации механизма согласования с профессиональным сообществом законодательных инициатив, имеющих отношение к медиаиндустрии на этапе их подготовки.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в 2008 году реорганизовывалась дважды. Весной на базе Россвязьохранкультуры были созданы Россвязькомнадзор и Росохранкультура, а осенью Россвязькомнадзор был преобразован в Роскомнадзор. Новому федеральному органу предстояло решать многочисленные проблемы, связанные с повышением эффективности государственного регулирования деятельности печатных СМИ, включая исполнение ими законов «О СМИ», «Об экстремистской деятельности», «Об обязательном экземпляре документов». Дополнительного внимания требовала защита интеллектуальной собственности и прав журналистов, организация борьбы со спамом, пропагандой порнографии, культа насилия и жестокости в СМИ.

Российское законодательство о СМИ в 2008 году продолжало развиваться. Был принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», который определил основные формы взаимодействия судов и СМИ, включая свободный доступ журналистов в помещения судов, их присутствие на заседаниях органов судейского сообщества, участие представителей судов в совместных с представителями СМИ мероприятиях, аккредитацию в судах и т.д. [11].

Правовое поле функционирования отечественных печатных СМИ расширилось с принятием в 2008 году Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [12].

Закон относится к пакету антикоррупционных мер и направлен на обеспечение прозрачности деятельности госорганов и органов местного самоуправления, реализацию прав граждан получать информацию об их деятельности, в том числе впервые законодательно устанавливается доступ к информации об их деятельности и в электронной форме. За сокрытие информации предусмотрена ответственность чиновника вплоть до уголовной. В законе также определены формы предоставления информации (устная форма и в виде документированной информации, в том числе электронной), перечни информации о деятельности федеральных госу-

дарственных органов, парламента, судов, госорганов субъектов регионов и местного самоуправления, а также способы обеспечения доступа к ней. Закон вступил в силу с 1 января 2010 года.

В марте 2008 года вступил в силу Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационных и телекоммуникационных сетей международного информационного обмена». Цель Указа – обеспечить при использовании информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе Интернета) информационную безопасность страны. Указом предусмотрено, что подключение к сетям и средствам вычислительной техники, применяемым для хранения, обработки и передачи информации, содержащей государственную тайну, либо информации, содержащей служебную тайну, возможно только с использованием средств защиты, прошедших сертификацию в ФСБ России и/или получивших подтверждение соответствия в Федеральной службе по техническому и экспертному контролю [17].

Исследования ВЦИОМ и Общественной палаты РФ, проведенные в 2008 году в ряде регионов России, показывают, что степень свободы прессы в стране достаточно высока. При этом возрастает значение и роль государства в обеспечении защиты прав журналистов. Так, в течение 2008 года Роскомнадзором было рассмотрено 48 случаев, связанных с попытками ущемления профессиональной самостоятельности СМИ и нарушением прав журналистов. Из них 16 связаны с преступлениями против жизни и здоровья журналистов [9, с. 81].

Оживленную дискуссию в отраслевой среде вызвал Закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», принятый Государственной думой в ходе весенней сессии 2008 года. Согласно этому закону к стратегически важным предприятиям были отнесены и крупные СМИ - телевидение и печатные издания с тиражом не менее миллиона экземпляров. Было определено также, что типография считается стратегической в том случае, если ежемесячно выпускает 200 миллионов печатных листов и более. Теперь для того, чтобы приобрести 50%-й пакет акций такого предприятия, иностранная компания должна обратиться в государственные контролирующие органы. Действие закона не распространяется на совершенные ранее сделки, но иностранные компании, имеющие в своих активах более чем

5% акций российских стратегических предприятий, должны уведомить об этом Правительство РФ [13].

Российским ноу-хау указанный закон не является. В ведущих странах передача иностранным собственникам ежедневных изданий с тиражом более 500 тыс. экземпляров подлежит предварительному одобрению в правительстве. Ограничения на участие иностранного капитала в национальных СМИ существуют в Австралии, Бразилии, Сингапуре, Израиле, Испании, Италии, Японии и многих других странах.

Примечательным событием 2008 года в области законодательства о СМИ стали результаты деятельности рабочей группы фракции «Единая Россия» в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации под руководством О. Морозова, подготовившей новую версию федерального Закона о СМИ.

Новый этап во взаимоотношениях государства и журналистского сообщества открывает подписанное в сентябре 2008 года соглашение Роскомнадзора с Союзом журналистов России о сотрудничестве по защите прав журналистов, включающее также положение по воспрепятствованию использования журналистики для целей экстремизма, пропаганды наркотиков, культа насилия и жестокости.

Показательно то, что возникающие время от времени противоречия между прессой, органами власти и отдельными гражданами все чаще решаются в судах. Количество судебных исков к прессе в различных субъектах РФ в 2008 году не превышало 10-15, уголовные дела и дела о защите чести и достоинства истцов составляли среди них не более 20%. Абсолютное большинство судебных исков к СМИ, инициированных органами государственной власти, связано с нарушением законодательства о СМИ, рекламе и Кодекса РФ об административных нарушениях. За распространение материалов экстремистского характера в судебном порядке в стране было наказано 21 периодическое печатное издание. При этом часть исков суды отклонили. К примеру, городской суд Санкт-Петербурга в июле 2008 года разрешил выпуск газеты «Новый Петербург», приостановленный после двух предупреждений Роскомнадзора этому изданию, так как судьи не усмотрели в материалах газеты признаков экстремизма. 1 июля 2008 года Верховный суд РФ отменил судебное решение о закрытии газеты «Правда Хакасии» по аналогичным причинам. 24 июня 2008 года Приморский краевой суд в кассации отказал в рассмотрении исково-

го заявления экс-кандидата в депутаты городской Думы Владивостока Николая Ткачева к приморской газете «Ежедневные Новости» по защите чести и достоинства заявителя.

В мае 2009 года Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу редактора газеты «Память – Новосибирск» В. Будянова на решение Новосибирского областного суда о прекращении деятельности этого издания по иску местного Управления Роскомнадзора и отменил его. В январе 2010 года прокуратура Петрозаводска вынесла представление в адрес главы столицы Карелии Николая Левина, указав ему на то, что сотрудники петрозаводской администрации нарушили законные права журналиста Георгия Чентемирова. Следует также отметить повышающийся авторитет Общественной коллегии по жалобам на прессу Союза журналистов России, единственного российского аналога третейского суда по публикациям в СМИ, которая в 2009 году рассмотрела ряд знаковых дел.

В то же время, проверив в марте 2008 года 16 редакций местных печатных изданий на предмет соблюдения законодательства о СМИ, Управление Роскомнадзора по Нижегородской области выявило 15 нарушений, 10 из которых связаны с нарушением требований Ст.27 (выходные данные) Закона о СМИ, а остальные - Ст.20 (устав редакции) того же закона. В результате деятельность двух изданий была прекращена по решению учредителей, а в суды общей юрисдикции поступило 4 исковых заявления о ликвидации СМИ на основании п. 3 Ст.15 Закона РФ о СМИ.

Всего в 2008 году за нарушение требований ст. 4 Закона Российской Федерации о СМИ Роскомнадзором было вынесено 47 письменных предупреждений редакциям средств массовой информации. Из них: за использование СМИ для осуществления экстремистской деятельности - 28; за распространение сведений о способах, методах изготовления и использования наркотических средств - 6; за разглашение сведений, прямо указывающих на личность несовершеннолетнего без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя - 5; за разглашение сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну - 2; за пропаганду порнографии - 2; за пропаганду культа насилия и жестокости - 2; за распространение иной информации, запрещенной законодательством, - 2.

Кроме того, по итогам контрольной и надзорной деятельности в сфере СМИ было выдано 1271 предписание об устранении выявленных нарушений и составлено 842 протокола об административных правонарушениях.

За неоднократные в течение года нарушения требований Ст.4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» по искам Роскомнадзора судами в 2008 году прекращена деятельность газет «Корпус» и «Дуэль», в которых публикации статей «Смерть России» и «Симбиоз: КГБ и евреи» были признаны судом экстремистскими [9, с. 82].

Важным событием, способным существенно повлиять на положение отечественных СМИ, стало подписание 25 мая 2009 года в Гамбурге «Европейской хартии свободы прессы», в разработке которой участвовали редакторы 46 ведущих СМИ Европы из 19 стран, в том числе и из России [18].

В 10 статьях Хартии сформулированы основные принципы независимости СМИ от вмешательства государства. По мнению подписантов Хартии, в идеале журналисты из всех европейских стран должны иметь возможность опираться на положения этого документа в конфликтах с государством или подконтрольными ему ведомствами. Полный текст «Европейской хартии свободы прессы» гласит:

1. Свобода прессы жизненно необходима в любом демократическом обществе. Поэтому каждое правительство обязано поддерживать, защищать и уважать СМИ, выполняющие свою политическую, социальную и культурную миссию.

2. Цензура СМИ неприемлема. Независимость журналистов всех средств массовой информации гарантируется государством, не допускающим преследования, репрессий и вмешательства в деятельность СМИ по профессиональным мотивам. Пресса и онлайн СМИ не должны подвергаться лицензированию.

3. Право журналистов на сбор и распространение информации и мнений не может ставиться под угрозу, ограничиваться или являться поводом для санкций.

4. Государство гарантирует защиту источников информации СМИ. Недопустимы обыски редакций изданий и жилья журналистов, слежка за журналистами или прослушивание их переговоров с целью установления источников информации или нарушения ее конфиденциальности.

5. Государство гарантирует, что во время выполнения своих функций сотрудники СМИ будут всесторонне защищены с помощью независи-

мой судебной системы и административных ресурсов. Нарушения прав журналистов тщательно расследуются и наказываются правосудием.

6. Свобода экономической деятельности и независимость СМИ обеспечиваются государством через подконтрольные ему ведомства и организации. Экономические санкции в отношении СМИ недопустимы. Частные предприниматели также должны воздерживаться от давления на независимость СМИ и не предпринимать попыток стереть границы между рекламой и редакционными материалами.

7. Государство и подконтрольные ему ведомства не препятствуют свободному доступу журналистов к информации в целях реализации миссии СМИ по информированию общества.

8. СМИ и журналисты имеют право на свободный доступ ко всем новостным источникам в т. ч иностранным. Иностранным журналистам без задержек выдаются визы, аккредитации и другие документы, необходимые для выполнения их миссии.

9. Всем гражданам и общественности обеспечивается свободный доступ ко всем национальным и зарубежным СМИ и другим источникам информации.

10. Государство не ограничивает доступ граждан к получению профессии журналиста.

В конце апреля 2010 года пленум Верховного суда Российской Федерации обсудил и одобрил проект постановления «О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации». Это постановление (опубликовано в июне 2010 года) стало первым масштабным обобщением практики применения Закона «О СМИ», принятого в 1991 году. Оно отвечает на очень многие практические вопросы.

Так, большое внимание в постановлении уделяется публичности сообщений органов власти, включая суды. Государственные и муниципальные служащие обязаны без задержки отвечать на запросы журналистов. Необоснованное проведение судебных заседаний в закрытом режиме «может быть признано нарушением права на справедливое и публичное судебное разбирательство, предусмотренное п.1 Ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод». За распространение информации, переданной информагентствами, СМИ не должны нести ответственность даже в случае, если прямо на агентства не ссылались. Нельзя предъявить претензии к СМИ и за высказывания чиновников, сделанные в интервью.

За перепечатки материалов иностранных СМИ, содержащих ложную информацию, российские СМИ не отвечают только в том случае, если иностранное СМИ или его журналиста можно привлечь к суду в самой России.

Постановление Верховного суда впервые в российской практике проводит различие между распространением фактов о жизни политиков и частных лиц: «Политики по сравнению с обычными гражданами должны пользоваться меньшей защитой, поскольку обсуждение их деятельности представляет общественный интерес».

При рассмотрении дел о злоупотреблении свободой СМИ судам рекомендовано изучать не только слова и выражения, но также контекст и общественно-политическую обстановку. А вот «приостанавливать деятельность СМИ для обеспечения исков частных лиц или запрещать журналистам готовить и публиковать материалы по определенной теме нельзя, поскольку это умаляет авторитет правосудия».

В целом из постановления следует, что Закон «О СМИ» остается чуть ли не единственным законодательным актом, принятым на заре новой российской истории и не подвергшимся концептуальной переделке [4].

В конце весенней сессии 2010 года Госдума приняла Закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» [14], вступивший в силу с 1 января 2011 года. Решающему голосованию предшествовала процедура возвращения текста во второе чтение для внесения важной поправки. В соответствии с ней органы прокуратуры были выведены из-под действия этого закона. Под инсайдерской информацией понимается «точная и конкретная информация» (в том числе сведения, составляющие коммерческую, служебную, банковскую тайну, тайну связи), распространение или предоставление которой может «оказать существенное влияние на цены финансовых инструментов, иностранной валюты, товаров». Инсайдерами, то есть лицами и организациями, имеющими доступ к такой информации, признаются также федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, государственные внебюджетные фонды, имеющие право временно размещать свободные средства в финансовые инструменты.

На предотвращение деструктивного влияния СМИ на подрастающее поколение направлен принятый в июне 2010 года закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [15]. Закон ограничивает распространение информации, содержащей порнографию, нецен-

зурную брань, оправдывающую насилие, жестокость, употребление наркотиков, алкоголя, курение, а также отрицающий семейные ценности. Действие закона распространяется только на оборот информации, «вредной для детей», поэтому телеканалы должны маркировать не все передачи, а только «содержащие запрещенную информацию». Из-под действия закона также выведена пресса, «специализирующаяся на распространении информации практического, производственного и общественно-политического характера». По мнению специалистов, закон недостаточно конкретен, так как степень ограничения информационной свободы зависит от исполнителей и регулирующих органов. Закон вступил в силу 1 сентября 2011 года.

Кардинально поменять ситуацию с бесконтрольным расходованием средств, отпущенных из региональных бюджетов, призван ФЗ, принятый 8 мая 2010 года: «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [16]. Согласно ему все редакции СМИ с государственным участием, работающие в форме автономных учреждений (АУ), до 11 мая 2011 года должны изменить форму собственности, предполагающую обязательное открытие ими счетов в казначействе. Сегодня, существуя практически на бюджетные средства, форму автономного учреждения имеют не менее 30% от 3.5 тысяч муниципальных газет. Только в Центральном федеральном округе изменить форму собственности должны 209 из 616 газет. Кроме того, есть субъекты Российской Федерации, которые за последние два-три года перевели все свои муниципальные издания в организационно-правовую форму АУ и установили порядок финансирования в виде субсидий (государственных заданий). К ним относятся Воронежская, Тверская, Ульяновская области, Республика Коми и др. Для них расходы по переводу изданий в новую форму собственности могут составить значительные суммы.

Таким образом, сказанное позволяет сделать определенные выводы. Так, за время постсоветского реформирования российского общества государственная политика в сфере средств массовой информации в целом развивалась в русле логики заимствованных из западного опыта норм институциональной демократии. Основным ее достижением можно считать частичную реализацию одного из ведущих демократических принципов – свободы слова.

Однако бесконтрольные передачи, слияния и поглощения медиаактивов, находящихся вне поля зрения государства и общества, создали условия, ставящие под сомнение либеральный характер демократических преобразований СМИ. Основная часть медиапространства принадлежит крупному олигархическому капиталу и государственным структурам, что само по себе ставит под сомнение возможность реализации печатной прессой своей социальной функции – механизма взаимодействия общества и власти, инструмента формирования общественно-политических предпочтений граждан в интересах общества и государства.

Пока государству не удалось выработать действенный механизм рекрутирования в медийное пространство независимых игроков, так же, как и механизм, их порождающий.

Предпринятые позитивные шаги в установлении различных пределов свободного развития медийного пространства на коммерческой основе коснулись исключительно ограничений, связанных с безопасностью самого государства, в том числе с противодействием терроризму, наркомании, разрушению детской нравственности.

Заслуживают положительной оценки первые политические решения в области СМИ, расширяющие доступ к информации о деятельности судов, государственных учреждений, публичных политиков.

Вместе с тем движение по пути демократизации печатных средств массовой информации не может принести стратегического успеха вследствие нерешенности главной проблемы российской современности – продолжающегося сокращения читательской аудитории, утраты газетами главного родового признака – публичности. Все остальные достижения без решения этой проблемы будут носить паллиативный характер или усилят социально-политические позиции формирующейся корпорации чиновников и крупного капитала.

В этой связи обращает на себя внимание позиция государства в области финансовой политики в отношении СМИ. Во-первых, неконструктивной выглядит мера, лишившая социального статуса и гарантированной материальной поддержки со стороны государства СМИ, осуществляющих научно-образовательную, воспитательную, просветительскую деятельность. Переведенная в формат ежегодного финансирования социально-значимых проектов, финансовая помощь государства уменьшилась в отношении всех печатных СМИ (за исключением СМИ, ориентированных на инвалидов).

Во-вторых, вызывает особое сомнение сокращение финансирования газет общественно-политической тематики, сокращение читательской аудитории которых грозит утратой ими статуса субъекта современного политического процесса.

В-третьих, не отработан государственный механизм рыночного регулирования СМИ. Налоговое обременение не дифференцирует общественно-значимые издания и издательские коммерческие проекты, что ведет к выхолащиванию из медийного пространства серьезной прессы.

Предприняв меры к предотвращению нецелевого расходования средств региональных бюджетов, направляемых на поддержку местных СМИ, государство абсолютно устранилось от контроля над направлением развития регионального медийного пространства. Как следствие, именно в его недрах время от времени возникают прецеденты использования прессы в антиобщественных целях.

Таким образом, государственная политика в области печатных СМИ пока еще далека от совершенства и настоятельно требует серьезной корректировки.

Государственная политика должна стать главным интегратором субъектов медийного пространства, проповедующих самые разные политические, культурные, религиозные ценности, ориентиром направления, отражающего интересы и потребности всего общества. Такая существенная трансформация – весьма сложный процесс, но без этого российские СМИ обречены на роль «суфлера в чужом спектакле».

Литература

1. Авцинова Г.И. Мифы и реальность устойчивого развития // Власть. 2012. №5.

2. Буренко В.И., Предыбайлов С.М. Парламентаризм и политическое представительство // PolitBook. 2013. №3.

3. Закон РФ от 27.12.91 №2124-I «О средствах массовой информации». URL: http://www.referent.ru/1/83 (дата обращения 01.07.2015).

4. Златанов Б.Г. Особенности модернизации на постсоциалистическом пространстве // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1.

5. Комаровский В.С., Морозова Е.Г. Государственная служба и политико-административное управление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. №3.

6. Концепция государственной информационной политики, одобренная Комитетом Государственной Думы по информационной политике и связи 15 октября 1998 г. и Постоянной палатой по государственной информационной политике Политического консультативного совета при президенте Российской Федерации 21 декабря 1998 г. М., 1998.

7. Матвеенко Ю.И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. 2014. №4.

8. Морозова Е.Г., Фалина А.С. Традиции и новации в практике рыночно ориентированных административных реформ // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №4.

9. Морозова Е.Г., Фалина А.С. Модернизация как концепт современной политологии // Государственная служба. 2013. №1(81).

10. Нестерчук О.А. Сопряжение мифологического образа и политической реальности в политико-коммуникативном пространстве // Человеческий капитал. 2012. №5(41).

11. Новиков И.В., Новиков В.С., Новиков С.В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательной кампании Федерального уровня. Омское прииртышье (1992-2003 гг.). Омск, 2007.

12. Российский рынок периодической печати. М., 2005.

13. Тимофеева Л.Н. Россия в поисках субъектности // Власть. 2014. №2.

14. Фалина А.С. Морозова Елена Георгиевна о политико-административном управлении, административной реформации и перспективах «рыночного» государства в современной России // Youth World Politic. 2013. №3.

15. Шабров О.Ф. Государственное управление в России: проблемы эффективности // Социально-гуманитарные знания. 2005. №2.

16. Шабров О.Ф. Реформа государственной службы: открытость или эффективность // Социология власти. 2005. №6.

17. Шабров О.Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // PolitBook. 2014. №4.

References

1. Avtsinova G.I. Mify i real'nost' ustoichivogo razvitiya. Vlast'. 2012. №5.

2. Burenko V.I., Predybailov S.M. Parlamentarizm i politicheskoe predstavitel'stvo. PolitBook. 2013. №3.

3. Zakon RF ot 27.12.91 №2124-I «O sredstvakh massovoi informatsii». URL: http://www.referent.ru/1/83 (data obrashcheniya 01.07.2015).

4. Zlatanov B.G. Osobennosti modernizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №1.

5. Komarovskii V.S., Morozova E.G. Gosudarstvennaya sluzhba i politiko-administrativnoe upravlenie. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2001. №3.

6. Kontseptsiya gosudarstvennoi informatsionnoi politiki, odobrennaya Komitetom Gosudarstvennoi Dumy po informatsionnoi politike i svyazi 15 oktyabrya 1998 g. i Postoyannoi palatoi po gosudarstvennoi informatsionnoi politike Politicheskogo konsul'tativnogo soveta pri prezidente Rossiiskoi Federatsii 21 dekabrya 1998 g. M., 1998.

7. Matveenko Yu.I. Global'nye vyzovy dlya Rossii: novaya model' upravleniya. PolitBook. 2014. №4.

8. Morozova E.G., Falina A.S. Traditsii i novatsii v praktike rynochno orientirovannykh administrativnykh reform. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2012. №4.

9. Morozova E.G., Falina A.S. Modernizatsiya kak kontsept sovremennoi politologii. Gosudarstvennaya sluzhba. 2013. №1(81).

10. Nesterchuk O.A. Sopryazhenie mifologicheskogo obraza i politicheskoi real'nosti v politiko-kommunikativnom prostranstve. Chelovecheskii kapital. 2012. №5(41).

11. Novikov I.V., Novikov V.S., Novikov S.V. Vliyanie pechatnykh SMI na rezul'taty izbiratel'noi kampanii Federal'nogo urovnya. Omskoe priirtysh'e (1992-2003 gg.). Omsk, 2007.

12. Rossiiskii rynok periodicheskoi pechati. M., 2005.

13. Timofeeva L.N. Rossiya v poiskakh sub"ektnosti. Vlast'. 2014. №2.

14. Falina A.S. Morozova Elena Georgievna o politiko-administrativnom upravlenii, administrativnoi reformatsii i perspektivakh «rynochnogo» gosudarstva v sovremennoi Rossii. Youth World Politic. 2013. №3.

15. Shabrov O.F. Gosudarstvennoe upravlenie v Rossii: problemy effektivnosti. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2005. №2.

16. Shabrov O.F. Reforma gosudarstvennoi sluzhby: otkrytost' ili effektivnost'. Sotsiologiya vlasti. 2005. №6.

17. Shabrov O.F. Modernizatsiya v usloviyakh globalizatsii: podkhody, bar'ery, potentsial. PolitBook. 2014. №4.

В.И. Тимошенко,
Е.М. Какоткина

ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПАРТИЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация
В данной статье анализируются основные нововведения в партийном законодательстве по итогам политики либерализации, инициированной Д.А. Медведевым; а также комплекс дополнительных мер, предлагаемых российскими политологами по дальнейшему усовершенствованию партийного и избирательного законодательства в сторону демократизации. Особое внимание автор уделяет положениям, препятствующим создание полноценного представительного органа, как на федеральном, так и на региональном уровнях. На основе проведенного исследования автор делает вывод, что в перспективе на политическом поле произойдут количественно-качественные изменения; отфильтруется ряд неэффективных партий-проектов; в существующий сегодня картель войдет несколько новых сильных партий, которые в совокупности и будут составлять партийный дизайн политической системы России.

Ключевые слова:
политические партии, партийная система, либерализация партийного и избирательного законодательства, партийная картель, институт президентства.

V. Timoshenko,
M. Kakotkina

POSSIBLE FUTURE DEVELOPMENT PARTY SYSTEM IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF LIBERALIZATION PARTY LEGISLATION

Abstract
This article analyzes the main innovations in the political party legislation on the results of the policy of liberalization, initiated by Medvedev D.A.; and on the set of additional measures offereded by Russian political scientists on further improvement of both the political and the electoral legal systems in the direction of democratization. Particular attention is paid to the positions preventing the development of a complete representative institution both on the federal and regional levels. On the basis of the research conducted by the author he makes a conclusion that in the perspective there will be quantitative and qualitative changes in the political sphere; a number of inefficient political projects will be filtered out; some new strong parties will join the existing today cartel, and together they will form a political outlook of the political party system in Russia.

Key words:
political parties, political party system, liberalization of the political and the electoral law systems, party cartel, institution of the presidency.

Как мы знаем, любые трансформации начинаются в кризисные моменты, когда система больше не может адекватно реагировать на входящие со стороны общества требования и изменения во внутренней и

внешней среде. С помощью трансформации система отвечает на вызов, переходит к новой фазе жизненного цикла или сменяется иной, более прогрессивной системой [1; 9; 21; 22; 27]. Так произошло в России. В конце 2011 года российская партийная система оказалась в кризисном состоянии. Она насчитывала всего семь политических партий, а попытки создания новых партий успеха не имели [11; 12].

Результаты выборов в парламент в декабре 2011 года и выборов Президента РФ 4 марта 2012 года спровоцировали рост демократического и оппозиционного движения в российском обществе. Активизировалось взаимодействие между оппозиционными гражданскими партиями и неформальными гражданскими инициативами, которые развивались вне институционального поля [17, с. 145-157]. В Москве и по всей стране проходили митинги, демонстрации, порой принимавшие неконтролируемый характер. Гражданское общество все больше выступало за расширение народного представительства. Подобные обстоятельства вызвали у власти необходимость сменить вектор развития партийной системы в сторону либерализации партийного и избирательного законодательства [5; 15; 16; 25].

Если опираться на содержание Президентских посланий Федеральному Собранию периода Д.А. Медведева, то видно инициативы по модернизации партий и партийной системы России в первую очередь исходили из необходимости преодоления тех сущностных недостатков «партийного строительства», которые были накоплены на этапе президентства В.В. Путина.

Еще одним фактором смены вектора развития партийной системы, как мы считаем, стал достаточно низкий результат на выборах депутатов Государственной Думы у «партии власти» (49,32% в Думу шестого созыва по сравнению с 64,30% в Думу пятого созыва).

Таким образом, в рамках политики либерализации партийного законодательства Президента Д.А. Медведева начал последовательно реализовываться комплекс мер, стимулирующих процесс встраивания в политическую систему новых партий, их активного участия в выборах как на федеральном, так и на региональном уровнях. К таким мерам можно отнести: во-первых, снижение минимальной численности политических партий с 50 тыс. до 500 человек, а для регистрации регионального отделения достаточно 5 человек. Во-вторых, право партий создавать отделения в менее чем половине субъектов Российской Федерации. В-третьих, освобождение партийных кандидатов, а также списков кандидатов от

сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Сохранение нормы о необходимости сбора подписей на выборах Президента Российской Федерации только для кандидатов от партий, не представленных в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, органах законодательной (представительной) власти не менее чем одной трети субъектов Российской Федерации.

В-четвертых, понижение заградительного барьера с 7% до 5%. В-пятых, установление требований к минимальной численности членов партии в её региональных отделениях уставом партии. В-шестых, снижение частоты проверок деятельности партий Министерством юстиции Российской Федерации с ежегодных до одного раза в три года [24].

Такие инициативы Д.А. Медведева безусловно сыграли на данном этапе положительную роль в развитие партийного плюрализма, повышении политической конкуренции. Однако становится понятным, что такое резкое изменение вектора в развитие партийной системы в современной России, связано с необходимостью корректировки «тактики в кремлевской стратегии управляемой демократии: «нишевая малопартийность» заменяется курсом на распыление оппозиционных голосов между большим числом разнообразных партий» [14, с. 133].

Однако, так называемое, новое либеральное законодательство, сохранило большое количество положений, не видных «невооруженному взгляду», препятствующих развитию партий.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что сохранилась возможность ликвидировать политическую партию вследствие ее недостаточной численности. В итоге регистрация партий и их существование остается зависимым от органов исполнительной власти, потому что, во-первых, исполнительная власть, как и прежде, имеет право вмешиваться во внутренние дела партии, во-вторых, партия обязана направлять список членов, а это в свою очередь создает возможность оказывать давление на членов оппозиции [4, с. 228-232].

Во-вторых, остались неизменными широкие основания в отказе регистрации партии, которые явно создают возможность для дискриминации. (Ст.20 п.):

а) положения устава политической партии противоречат Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, настоящему Федеральному закону и иным федеральным законам;

г) федеральным уполномоченным органом установлено, что содержащаяся в представленных для государственной регистрации политической партии документах информация не соответствует требованиям настоящего Федерального закона [23].

Стоит отметить, что именно данные пункты в последнее время Минюст РФ использовал для отказа в государственной регистрации партиям. Так, например, Партии народной свободы в свое время было отказано в государственной регистрации по причине противоречий устава партии закону о «О некоммерческих организациях». Из опыта прошедших лет мы видим, что при сильном желании практически всегда можно найти хоть одно противоречие между соответствующими официальными документами.

Однако здесь следует отметить, что среди вышеупомянутых новелл, присутствуют пункты, которые позволяют в случае выявления незначительных или значительных нарушений не отказывать в государственной регистрации партии, а на время приостановить процесс регистрации, пока не будут устранены нарушения [14, с. 134]. Но данный пункт сформулирован так, что Минюст может одним партиям установить более длительный срок для проведения тщательной проверки, а другим вообще отказать в регистрации.

В этой связи российский политолог А.Е. Любарев пишет, что можно смело предположить, что с большей вероятностью зарегистрируют десятки политических партий, которые не будут представлять серьезной угрозы для существующей власти, нежели один-два значимых политических проекта, способных к конструктивной критики существующей власти и к честной конкурентной борьбе на выборах [14, с. 134].

Также нетронутым осталось положение об обязательной регистрация региональных отделений, предполагающее создание специального бюрократического аппарата, хотя при этом, в нем может быть 5-6 человек, а также довольно сложная ежеквартальная финансовая отчетность политической партии перед избирательными комиссиями.

Еще следует отметить, что, в новой редакции закона остался нескорректированным механизм объединения политических партий. Из опыта предыдущих лет мы видим, что для того, чтобы объединиться нескольким партиям, им необходимо было самоликвидироваться за исключением одной. Да-

лее члены самоликвидированных партий индивидуально вступали в оставшуюся партию. Подобным образом была образована «Справедливая Россия». Как известно, такое объединение проходило под жестким контролем президентской администрации.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это на существенное изменение в избирательном законодательстве (Федеральный закон от 2 мая 2012 г. №41-ФЗ), связанное с отменой сбора подписей в поддержку, как отдельных кандидатов, так и партийных списков. С одной стороны, такое новшество значительно облегчает участие в выборах партии, но, с другой стороны, данная новелла стимулирует создание «бизнес-проектов» , партий-спойлеров и других всевозможных политтехнологических проектов, что значительно затруднит интеграцию в нижнюю палату парламента перспективных партий, имеющих цель добиться реального представительства интересов разных групп российских граждан. В подтверждение данного тезиса можно привести слова первого заместителя председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ – партии «Справедливая Россия» А.А. Агеева, который отмечает, что наличие казуистических положений открывает достаточно широкие возможности применить закон в качестве шлагбаума для тех, кто неугоден власти [2, с. 75].

Таким образом, основным результатом нового либерального законодательства стало увеличение числа партий в Российской Федерации более чем в десять раз. По официальным данным Минюста право на участия в выборах имеют 73 политические партии и четырем партиям отказано в участии в выборах. Всего 77 политических партий. Однако либерализация законодательства - это первый и достаточно робкий шаг навстречу запросам гражданского общества. И, несмотря на столь резкое количественное увеличение партий, степень представительности в парламенте (а это качественная характеристика) остается невысокой вследствие сильного ресурсного неравенства, невысокой степени доверия партия, сохранения в обществе патерналистской и консервативной традиции. Поэтому, как считает ряд исследователей, сегодня наступает следующий этап – повышение эффективности сложившейся партийной системы [10].

Для этого необходимо предпринять определенные меры, направленные на укрепление роли перспективных политических партий, повышение политического представительства и фильтрацию тех партий, кто не ставит своей целью осуществления реального представительства в эшелонах власти. Как

отмечают некоторые российские политологи, для здоровой конкуренции необходимо соперничество идей, идеологий, программ, харизматичных и независимых личностей, выражающих интересы всех слоев общества, а не механическое увеличение численности партий в избирательном бюллетене [19]. В подтверждение данного тезиса можно привести результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», согласно которому свое скептическое отношение к увеличению числа политических партий выразили в январе 2013 года 53%, а в августе 54% респондентов [18].

В связи с этим ряд российских политологов, предлагает комплекс дополнительных мер, направленных на дальнейшее повышение качества института партий и партийной системы в России. Так, члены «Справедливой России» предлагают ввести в избирательное законодательство норму о возможности создания предвыборных блоков и коалиций [2, с. 75]. Отсутствие же избирательных блоков создает серьезное ограничение на пути демократического развития российской партийной системы. Ведь создание избирательного объединения предоставляет возможность консолидации вновь зарегистрированных акторов партийной системы, перехода их количества в новое качественное состояние – парламентскую партию.

Другим, довольно важным предложением по дальнейшей корректировки партийного и избирательного законодательства, является снижение заградительного барьера на выборах в Государственную Думу. Во многих западных демократических странах, как показывает практика, заградительный барьер не превышает и трех процентов. Высокий заградительный барьер свойственен только в тех странах, где правительство формируется парламентским большинством. У нас же персональный состав правительства не зависит от результатов парламентских выборов, поэтому барьер не должен превышать 3-4%. Так, первый заместитель руководителя фракции ЛДПР Алексей Диденко предлагает снизить проходной барьер в Государственную думу до 2,25% [6]. Справедливорос А.А. Агеев в свою очередь предлагает снизить заградительный барьер на выборах в Государственную Думу до 3%, а на выборах депутатов представительного органа субъекта РФ до 4 %. Как отмечает А.А. Агеев, это необходимо для того, чтобы исключить ситуацию, которая произошла в 2009 году на выборах в Мосгордуму, когда заградительный барьер смогли преодолеть лишь две партии, причем «Единая Россия»» получила более 90% мандатов [2, с. 76]. В итоге москвичи получили не представительный орган, а провластный механизм продвижения интере-

сов правящей элиты, не способный на реальное представительство интересов разнообразных групп общества.

Российский политолог А.Е. Любарев также предлагает на региональном и муниципальном уровнях переходить от закрытых списков к открытым, где любой избиратель может проголосовать не только за список партии, но и за конкретного кандидата из данного списка, которого он считает достойным [13]. Ведь, как известно, именно на низовых уровнях происходить больше всего фальсификаций итогов голосования, а открытость списков позволит сделать более прозрачными и демократичными выборы.

Также многие политические деятели выступают за возвращение графы «против всех»; упразднение досрочного голосования и открепительных талонов; признание выборов несостоявшимися, в случае если число голосов против всех кандидатов и число недействительных бюллетеней в сумме составят не менее половины числа избирателей, принявших участие в голосовании [2, с. 77]. Эти и другие инициативы могли бы стать важным шагом на пути последовательной демократизации партийной системы в России. Только при реальном партийном многообразии парламент может стать конкурирующим и конструктивным местом для политической дискуссии, способным выражать и консолидировать интересы разных групп общества [8, 37-45].

Таким образом, как отмечает ряд отечественных политологов, становление общих контуров российской партийной системы на данном этапе завершилось [19]. Политика либерализации способствовала изменению количественных характеристик российской партийной системы. Существенно повысились возможности включения новых акторов в политический процесс; появились условия для развития конкуренции и в дальнейшем обновления парламентского состава. Однако говорить о том, что многопартийная система полностью сформировалась, было бы поспешно, ведь для этого необходимо несколько электоральных циклов, способных отфильтровать псевдопартийные организации и объединения, не выполняющие главных функций подлинных политических партий. Партийная система в России сегодня приобрела многосоставной формат, но пока что характеризуется неустоявшейся, невнятной структурой. И пока еще довольно прочно сохраняется картельная система с доминирующей партией власти [20, с. 93-96].

В подтверждение данной точки зрения стоит привести мнение заслуженного российского юриста С.М. Шахрая, который заявляет, что российской многопартийности еще только предстоит пройти через поэтапную трансфор-

мацию корпоративных и клановых структур в полноценные партии, обладающие собственной идеологией и социальной базой, реализующие функции политической интеграции и рекрутирования своих сторонников [26, с. 49].

Немаловажно отметить, что современная российская многопартийная система формируется «сверху» в контролируемых условиях, что также не может обеспечить выражение интересов разных слоев общества. По сей день сохраняется партийный картель, при котором парламентские партии находятся в привилегированном положении по отношению к остальным партиям. Они напрямую контактируют с первыми лицами государства, имеют право равного доступа к СМИ, получают государственное финансирование и т.д. То есть сегодня еще сохраняются объективные препятствия для развития реальной конкуренции между партиями, входящими в картель и непарламентскими, а также недавно созданными политическими партиями.

Добавляется к этому очередное ужесточение законодательства, предложенное Президентом В.В. Путиным в апреле 2013 года. Данная инициатива предполагает переход к смешанной системе выборов в Государственную Думу, а также установление определенных фильтров для политических партий. Так, участвовать в выборах в федеральный парламент беспрепятственно теперь могут лишь те партии, которые на прошлых думских выборах получили более 3% голосов или провели партийный список хотя бы в одно региональное законодательное собрание. Остальные партии должны будут собирать подписи – 200 тысяч по стране, но не более семи тысяч в одном субъекте; самовыдвиженцам в одномандатных округах – 3% подписей от числа избирателей.

На сегодня парламентскую льготу получили 14 партий из 73, имеющих право участия в выборах. Пять из четырнадцати смогли провести своих кандидатов пока в одно региональное законодательное собрание. К этим партиям относятся: «Зеленые», РПР-ПАРНАС, «Коммунисты России», «Гражданская сила» и «Российская партия пенсионеров за справедливость».

Далее глава Фонда развития гражданского общества К.Н. Костин также высказался с инициативой по дальнейшему ужесточению партийного законодательства. Из инициативы видно, что партии, не выдвигающие в течение одного цикла своих представителей ни в одном из субъектов, где проходят выборы в региональный парламент, теряют на парламентскую льготу. Если же подобное повторяется дважды, то политическая партия автоматически без каких-либо дополнительных разъяснений трансформируется в общест-

венную организацию. Как отмечал К.Н. Костин, система должна быть восприимчивой к изменению настроений в обществе и стимулировать реальную политическую деятельность [23].

Вероятно, следует обратить внимание на то, что 14 июня 2014 года главой государства был внесен в Государственную Думу законопроект, направленный на ужесточение требований к финансированию политических партий. Так, в законодательстве должны получить отражение положения о новых штрафах за незаконное финансирование деятельности партий, не связанной с участием в выборах, что предусматривает введение санкций для тех, кто помогал партии, хотя ему это запрещено. Данные субъекты обозначены в ст. 30 закона «О политических партиях» (это иностранные граждане, юридические лица, зарегистрированные менее чем за год до пожертвования или с иностранным участием больше 30%, некоммерческие организации, получавшие поддержку из-за рубежа, анонимные жертвователи и др.). Еще два положения вводят санкции за финансирование партий через посредников.

В итоге данный законопроект приведет к установлению жестких и прозрачных условий финансирования партий, что значительно усложнит условия деятельности политических партий, особенно это касается недавно созданных партий. И, как нам кажется, спустя несколько электоральных циклов на политическом поле произойдут количественно-качественные изменения. Сократится ряд неэффективных партий-проектов; в существующую сегодня картель войдет несколько новых сильных партий, но не противоречащих устоявшемуся режиму, которые в совокупности и будут составлять партийный дизайн российской политической системы при сохранении сильного института президентства [3; 7]. О дальнейших прогнозах пока что говорить сложно, потому что очередные трансформации партийной системы в России зависят от того, как будет меняться тактика и стратегия власти.

Литература

1. Авцинова Г.И. Социальная сплоченность российского общества: некоторые аспекты политологического дискурса и программы действий // Социальная политика и социология. 2009. №3(45).

2. Агеев А.А. Предложения «Справедливой России» по совершенствованию избирательного законодательства в рамках реформирования партийной системы России // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. М.: Норма. 2012.

3. Борисенков А.А. Политическая культура: сущность, виды и закон // PolitBook. 2015. №1.

4. Буренко В.И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. №8.

5. Буренко В.И. Современный политический процесс и понятие «политическая лита» // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. №20.

6. Гаман-Голутвина О.В., Тимофеева Л.Н., Сморгунов Л.В. Политика модернизации неэффективна без сотрудничества государства с бизнесом и обществом // Власть. 2014. №1.

7. Головин Ю.А. Защита политической системы Российской Федерации: теоретические и прикладные аспекты проблемы // Национальная безопасность/Nota bene. 2012. №3.

8. Ивановский З.В. Партии и выборы: закономерности и особенности правового регулирования // Латинская Америка. 2008. №3.

9. Карасев А.К., Коломыц Л.Э., Орешкин К.Б. Итоговый отчет по реализации социально-значимого проекта научного исследования по теме: «Перспективы новых политических партий Российской Федерации». М., 2013.

10. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007.

11. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М., 2012.

12. Любарев А.Е. Проблемы законодательного регулирования участия политических партий в выборах // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. М., 2012.

13. Любарев А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 года // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалевой. М., 2012.

14. Матвеенко Ю.И. Модернизационные стратегии для современной России // Социология власти. 2012. № 3.

15. Матвеенко Ю.И. Глобальные вызовы для России: новая модель управления // PolitBook. 2014. №4.

16. Попова О. В. Перспективы малых партий в современной России / Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалёвой. М., 2012.

17. Российская партийная система: текущее состояние и перспективы развития / Доклад Фонда развития гражданского общества. URl: http://civilfund.ru/mat/view/42 (дата обращения 01.03.2015).

18. Тимошенко В.И. «Единая Россия» - партия «правого центра» // Социология власти. 2006. №1.

19. Тимошенко В.И. Политические партии современной России как активный и профессиональный «носитель» и «производитель» политических идеологий: теоретические и прикладные аспекты (часть вторая) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. №1.

20. Тимошенко В.И. Политические партии современной России как активный и профессиональный «носитель» и «производитель» политических идеологий: теоретические и прикладные аспекты (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. №6.

21. Ушакова Д. Требования к партиям ужесточат после думских выборов // Лента.Ру. URL: http://lenta.ru/articles/2015/04/21/elections/ (дата обращения 01.03.2015).

22. Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №29. Ст. 2950.

23. Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. N 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 127961 (дата обращения 01.03.2015).

24. Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. 2006. №1.

25. Шахрай С.М. Повторение пройденного? Новая российская многопартийность // История государства и права. 2012. №24.

26. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011.

27. Shumilov A.V. Manipulation of results of elections in «young democrats» // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2013. Т. 18. №2-3(18).

References

1. Avtsinova G.I. Sotsial'naya splochennost' rossiiskogo obshchestva: nekotorye aspekty politologicheskogo diskursa i programmy deistvii. Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2009. №3(45).

2. Ageev A.A. Predlozheniya «Spravedlivoi Rossii» po sovershenstvovaniyu izbiratel'nogo zakonodatel'stva v ramkakh reformirovaniya partiinoi sistemy Rossii. Politicheskie partii v demokraticheskom obshchestve: pravovye osnovy organizatsii i deyatel'nosti. M.: Norma. 2012.

3. Borisenkov A.A. Politicheskaya kul'tura: sushchnost', vidy i zakon. PolitBook. 2015. №1.

4. Burenko V.I. Politicheskaya oppozitsiya: istoriya idei i sovremennyi politicheskii protsess. Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi uni-versitet upravleniya). 2013. №8.

5. Burenko V.I. Sovremennyi politicheskii protsess i ponyatie «politicheskaya lita». Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya). 2011. №20.

6. Gaman-Golutvina O.V., Timofeeva L.N., Smorgunov L.V. Politika modernizatsii neeffektivna bez sotrudnichestva gosudarstva s biznesom i obshchestvom. Vlast'. 2014. №1.

7. Golovin Yu.A. Zashchita politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty problemy. Natsional'naya bezopasnost'/Nota bene. 2012. №3.

8. Ivanovskii Z.V. Partii i vybory: zakonomernosti i osobennosti pravovogo regulirovaniya. Latinskaya Amerika. 2008. №3.

9. Karasev A.K., Kolomyts L.E., Oreshkin K.B. Itogovyi otchet po realizatsii sotsial'no-znachimogo proekta nauchnogo issledovaniya po teme: «Perspektivy novykh politicheskikh partii Rossiiskoi Federatsii». M., 2013.

10. Korgunyuk Yu.G. Stanovlenie partiinoi sistemy v sovremennoi Rossii. M., 2007.

11. Kynev A.V., Lyubarev A.E. Partii i vybory v sovremennoi Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya. M., 2012.

12. Lyubarev A.E. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya uchastiya politicheskikh partii v vyborakh. Politicheskie partii v demokraticheskom obshchestve: pravovye osnovy organizatsii i deyatel'nosti. M., 2012.

13. Lyubarev A.E. Perspektivy razvitiya partiinoi sistemy v svete politicheskikh reform 2012 goda. Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Yu.G. Korgunyuka i G.M. Mikhalevoi. M., 2012.

14. Matveenko Yu.I. Modernizatsionnye strategii dlya sovremennoi Rossii. Sotsiologiya vlasti. 2012. № 3.

15. Matveenko Yu.I. Global'nye vyzovy dlya Rossii: novaya model' upravleniya. PolitBook. 2014. №4.

16. Popova O. V. Perspektivy malykh partii v sovremennoi Rossii. Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra. Pod red. Yu.G. Korgunyuka i G.M. Mikhalevoi. M., 2012.

17. Rossiiskaya partiinaya sistema: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya. Doklad Fonda razvitiya grazhdanskogo obshchestva. URl: http://civilfund.ru/mat/view/42 (data obrashcheniya 01.03.2015).

18. Timoshenko V.I. «Edinaya Rossiya» - partiya «pravogo tsentra». Sotsiologiya vlasti. 2006. №1.

19. Timoshenko V.I. Politicheskie partii sovremennoi Rossii kak aktivnyi i professional'nyi «nositel'» i «proizvoditel'» politicheskikh ideologii: teoreticheskie i prikladnye aspekty (chast' vtoraya). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2007. №1.

20. Timoshenko V.I. Politicheskie partii sovremennoi Rossii kak aktivnyi i professional'nyi «nositel'» i «proizvoditel'» politicheskikh ideologii: teoreticheskie i prikladnye aspekty (chast' pervaya. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2006. №6.

21. Ushakova D. Trebovaniya k partiyam uzhestochat posle dumskikh vyborov. Lenta.Ru. URL: http://lenta.ru/articles/2015/04/21/elections/ (data obrashcheniya 01.03.2015).

22. Federal'nyi zakon «O politicheskikh partiyakh». Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. №29. St. 2950.

23. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 2 aprelya 2012 g. N 28-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O politicheskikh partiyakh». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 127961 (data obrashcheniya 01.03.2015).

24. Shabrov O.F. Partogenez i partiinye sistemy: parametry, klassifikatsiya, rossiiskaya real'nost'. Sotsiologiya vlasti. 2006. №1.

25. Shakhrai S.M. Povtorenie proidennogo? Novaya rossiiskaya mnogopartiinost'. Istoriya gosudarstva i prava. 2012. №24.

26. Yakovets Yu.V. Global'nye ekonomicheskie transformatsii XXI veka. M.: Ekonomika, 2011.

27. Shumilov A.V. Manipulation of results of elections in «young democrats». Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki. 2013. T. 18. №2-3(18).

НАШИ АВТОРЫ

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и социальной политики, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).
Область научных интересов: теоретико-методологические и социокультурные аспекты политического радикализма и экстремизма, политический процесс.
AVTSINOVA Galina – doctor of philosophy, professor, department of political science and social policy, Russian state social university (Moscow, Russia).
Science interests: theoretical, methodological and socio-cultural aspects of political radicalism and extremism, political processes.
E-mail: avtsinov@rambler.ru

БОГДАНОВА Оксана Владимировна – соискатель института социологии и регионоведения, Южный Федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия).
Область научных интересов: политическое лидерство, политические элиты.
BOGDANOVA Oksana – researcher Institute of Sociology and Area, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
Science interests: political leadership and political elite.
E-mail: oksanavelo9@bk.ru

ГОРБАЧЕВ Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладной математики и информатики по областям, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, (Москва, Россия).
Область научных интересов: национальная безопасность, политическое манипулирование.
GORBACHEV Anton – PhD in political science, associate professor, department of applied mathematics and informatics areas, Moscow state university of humanities and economics, (Moscow, Russia).
Science interests: national security, political manipulation.
E-mail: me@qz0.ru

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические технологии, политические процессы.
GRISHIN Oleg – PhD in political sciences, assistant professor of Department of political science, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).
Science interests: political technologies, political processes.
E-mail: helg-g@mail.ru

ДОНАЙ Лукаш – доктор политических наук, профессор, факультет политических наук и журналистики, Познаньский государственный университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша).
Область научных интересов: национальная безопасность, политическое прогнозирование.
DONAJ Lukasz – doctor of political sciences, Dr. hab, professor of the department of political science and journalism, Adam Mickiewicz University (Poznan, Poland).
Science interests: national security, political forecasting.
E-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl

ИВАНОВ Владимир Константинович – кандидат политических наук, доцент, Государственный университет управления (Москва, Россия).
Область научных интересов: СМИ в политическом процессе.
IVANOV Vladimir – PhD in political sciences, professor, State University of Management (Moscow, Russia).
Science interests: media in the political process.
E-mail: vk_ivanov@guu.ru

КАКОТКИНА Екатерина Михайловна – магистр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические институты.
KOKOTKINA Catherine – master of arts, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Science interests: political institutions.
E-mail: katyuska71@mail.ru

КОНОНОВ Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Луганск, Украина).
Область научных интересов: теория социологии, социология культуры, этносоциология.
KONONOV Ilay – doctor of sociological sciences, professor, head of the department of philosophy and sociology, Luhansk Taras Shevchenko National University, (Lugansk, Ukraine).
Science interests: sociology theory, culture sociology, ethnosociology.
E-mail: kononov_if@ukr.net

МАЛИКОВ Кобилшо Куканович – кандидат политических наук, консультант, департамент развития интеграции Евразийской экономической комиссии (Москва, Россия).
Область научных интересов: эффективность управленческой деятельности.
MALIKOV Kobilsho – PhD in political science, a consultant of the Department of Integration of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russia).
Science interests: effectiveness of management activities.
E-mail: m.koba@mail.ru

МИТРОФАНОВА Анастасия Дмитриевна – научный сотрудник, Научно-исследовательский институт общественных и политических наук (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические технологии, технологии политической коммуникации.
MITROFANOVA Anastasia – researcher, Institute of Social and Political Sciences (Moscow, Russia).
Science interests: political technologies, political communication technologies.
E-mail: m-nastyusha@mail.ru

НЕЧУШКИН Александр Юрьевич – доктор социологических наук, профессор института социологии и регионоведения, Южный Федеральный университет, (Ростов-на-Дону, Россия).
Область научных интересов: политические элиты, политические и социальные процессы.
NECHUSHKIN Alexander – doctor of social sciences, professor of Sociology and Regional Institute, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
Science interests: the political elite, political and social processes.
E-mail: Info@ippk.sfedu.ru

ОМЕЛЬЧЕНКО Николай Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).
Область научных интересов: государственность.
OMELCHENKO Nikolai – doctor of history, professor, head of the Department of Public Administration and Political Technology, State University of Management (Moscow, Russia).
Science interests: statehood.
E-mail: nik_omelchenko@mail.ru

САВОЙСКАЯ Светлана Васильевна – доктор политических наук, доцент кафедры политических наук, Киевский национальный университет строительства и архитектуры, (Киев, Украина).
Область научных интересов: языковая политика, региональная политика.
SAVOYSKAYA Svetlana – doctor of political sciences, associate professor of chair political sciences of the Kiev national university of construction and architecture, (Kiev, Ukraine).
Science interests: language policy, regional policy.
E-mail: savoyska@gmail.com

САЛЫКОВ Данияр Нурлабекович – аспирант кафедры политологии и политического управления института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические институты.
SALYKOV Daniyar – PhD student department of political science and political management of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Science interests: political institutions.
E-mail: Salykov-daniyar@mail.ru

ТИМОШЕНКО Василий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).
Область научных интересов: политические институты.
TYMOSHENKO Vasiliy – PhD in historical sciences, associate professor of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Science interests: political institutions.
E-mail: Lar.timoschenko@yandex.ru

ХОБТА Светлана Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Луганск, Украина).
Область научных интересов: молодежная политика.
КНОВТА Svetlana - PhD of Sociology, associate professor of philosophy and sociology, Luhansk Taras Shevchenko National University (Lugansk, Ukraine).
Science interests: youth policy.
E-mail: kononov_if@ukr.net

ЩУДЛО Светлана Андреевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой правоведения, социологии и политологии, Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (Дрогобыч, Украина).
Область научных интересов: образовательная политика, социология молодежи.
SHCHUDLO Svetlana – doctor of sociological sciences, professor, head of the department of jurisprudence, sociology and political science, Drogobych state pedagogical university (Drogobych, Ukraine).
Science interests: educational policy, education sociology, youth sociology.
E-mail: schudlo@ua.fm

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском и английском языке. Научные статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной тематический номер журнала.

В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Объем статьи не должен превышать 18 страниц машинописного текста.

Необоснованное разделение материала по одному вопросу на несколько статей не рекомендуется. Редакция сохраняет за собой право принимать решение о сокращении и объединении таких материалов, а также о сокращении статьи независимо от ее объема.

Материал должен быть представлен в Редакцию в электронном виде (текстовый редактор Word, формат *.doc; *.rtf).

Рукописи, представленные в Редакцию, должны быть тщательно отредактированы, аккуратно размечены и оформлены.

В редакцию журнала авторами представляются следующие материалы:

- Электронная (желательно печатная) версия статьи;
- Внешние рецензии на статью (не менее 1), составленные специалистами по направлению исследований автора (авторов). В рецензиях должны быть отражены научная новизна, значимость и доказательность научных результатов, содержащихся в статье, и даны рекомендации к ее публикации в журнале. Рецензии представляются на бумажном и электронном носителе. Подпись рецензентов заверяется в отделе кадров по месту их работы;
- Лицензионный договор;
- Рекомендация научного руководителя для аспирантов и соискателей.

Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение недели автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи. Статьи, рецензируются экспертами соответствующего профиля (анонимный институт рецензирования (peer review)), после чего принимается решение о возможности публикации.

Редакция сообщает автору результат экспертной оценки (по электронной почте). При положительном экспертном заключении определяется очередность публикации, о чем автор уведомляется по электронному адресу.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую правку и необходимые сокращения.

На стадии редакционной обработки статей принимаются авторские уточнения и дополнения в пределах 1000 знаков.

Тексты отрицательных рецензий редакция предоставляет автору.

После устранения недостатков (в течение одной-двух недель) статья может быть опубликована с сохранением очередности публикации в соответствии с датой ее первичной регистрации.

Журнал неукоснительно следует принципам научной этики. Не ангажирован политически.

THE ORDER OF PUBLICATION

PolitBook seeks to promote scholarly research of merit in Political Science and related fields, meeting the standard requirements for academic research in terms of conceptualization, operationalization, methodological application, and analysis of results. The publication promotes those works that approach a significant research problem and answer research questions of general interest in political science. Due to the fact that the Journal addresses a wide range of academics we encourage presentation of research to be made at a level where it is understandable to most of the target group.

In the attempt to promote original works, does not accept articles that are under review at other publications or articles that have parts that were published or are forthcoming under the same form in other places.

Peer Review Process

All submitted articles are subject to a rigorous peer review process, based on initial editor screening and double-blind refereeing by a minimum of two reviewers.

Manuscripts must be sent as e-mail: editor@politbook.ru. PolitBook editorial board makes an objective and quick decision on each manuscript. If accepted, the article is published online in the next issue.

Electronic submission of manuscripts is strongly encouraged, provided that the text, tables, and figures are included in a single Microsoft Word file.

The cover letter should include the corresponding author's full address and telephone/fax numbers and should be in an e-mail message sent to the Editor.

Review Process

All manuscripts are reviewed by an editor and members of the Editorial Board or qualified outside reviewers. Decisions will be made as rapidly as possible, and the journal strives to return reviewers' comments to authors shortly. The editorial board will re-review manuscripts that are accepted pending revision. It is the goal of the PolitBook to publish manuscripts shortly after submission.

Journal «PolitBook» is published four times a year.

The editors reserve the right to make stylistic corrections and necessary reductions.

Text of the negative reviews of revised offers to the author.

АВТОРСКИЕ ПРАВА

Автор предоставляет Редакции (издателю) журнала право на использование статьи в журнале «PolitBook», а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и другие реферативные и библиографические базы.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Редакции (издателя) на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ, Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Редакции (издателя) на использование журнала в целом. Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Редакцией (издателем) на указанных выше условиях и свидетельствует, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также направляемая в редакцию справка об авторе.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, должность и место работы, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания.

Transfer of Copyright

Submission of a manuscript implies: that the work described has not been published before (except in the form of an abstract or as part of a published lecture, or thesis) that it is not under consideration for publication elsewhere; that if and when the manuscript is accepted for publication, the authors agree to automatic transfer of the copyright to the publisher.

Proofs and Reprints

Electronic proofs will be sent (e-mail attachment) to the corresponding author as a PDF file. Page proofs are considered to be the final version of the manuscript. Because PolitBook will be published online without access restriction to the full text (PDF), authors will have free electronic access to the full text (PDF) of the article. Authors can freely download the PDF file from which they can print unlimited copies of their articles.

THE CONTENTS

MODERNIZATION. TRANSFORMATION. DEVELOPMENT

I. Kononov, S. Khobta, S. Shchudlo
DONBASS AND GALICIA REGIONAL SYSTEM OF UKRAINE
6

D. Salykov
TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES
IN THE CONTEXT OF MODERN INNOVATIONS
35

K. Malikov
THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN:
THE WAYS TO INTERACTION AND COOPERATION
46

A. Gorbachev
COUNTERING THREATS TO NATIONAL SECURITY -
THE SPECIFICS OF POST-SOVIET STATES
56

A. Nechushkin, O. Bogdanova
TRANSFORMATIONAL LEADERSHIP AS A INNOVATION POLITICAL PHENOMENON
IN MODERN RUSSIA
66

S. Savojscaja
COMMUNICATIVE LANGUAGE POLICY IN THE CONTEXT OF ANALYZING
LEGISLATIVE INITIATIVES POLAR POLITICAL FORCES IN MODERN UKRAINE
79

ARTICLE

G. Avtsinova
HEGEMONISM AND LEADERSHIP OF:
HISTORICAL AND CONTEMPORARY PERSPECTIVES
87

N. Omelchenko
«RUSSIAN EXPERIENCE»: THE QUESTION OF METHODOLOGIES
APPROACHES AND PROBLEMS OF STUDYING RUSSIAN STATEHOOD
103

O. Grishin, A. Mitrofanova
POLITICAL SHOW HOW TECHNOLOGY OF THE COMMUNICATION
117

L. Donaj
RIGHT TO OF THE PUBLIC INFORMATION AND SECURITY OF THE STATE IN POLAND
134

V. Ivanov
STATE POLICY IN THE SPHERE OF MASS MEDIA
152

V. Timoshenko, M. Kakotkina
POSSIBLE FUTURE DEVELOPMENT PARTY SYSTEM IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF LIBERALIZATION PARTY LEGISLATION
179

Our Authors
192

The order of publication
195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции: 428023, Россия,
Чувашская Республика, г. Чебоксары,
ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7 952 027 6618.
E-mail: editor@politbook.ru.
http://j.politbook.ru

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 15.09.2015
Дата выхода в свет

Формат 60x90⅛.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
в типографии ИП Сорокина А.В.
«Новое время». 428034, Чебоксары,
пр. М. Павлова, 50/1.
Тел. (8352) 412798
E-mail: newtime1@mail.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2015

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.ru
http://j.politbook.ru
http://niiopn.com

© Institute of Social and Political
Sciences, 2015